В.А.РОМОДИН

АФГАНИСТАН

во второй половине XIX-начале XX в.

Официальная
история
и историография

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.А.РОМОДИН

АФГАНИСТАН

во второй половине XIX-начале XX в.

Официальная история и историография

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 63.3 (5Аф)
Р69

Ответственный редактор
Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР

Ромодин В. А.

Р69 Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. Официальная история и историография.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 141 с.

ISBN 5-02-016945-5

Книга известного специалиста по истории Афганистана В. А. Ромодина (1912—1984) посвящена проблемам социально-политического развития этого государства во второй половине XIX — начале XX в.: событиям второй англо-афганской войны (1878—1880); восстаниям 80-х годов XIX в.; реформам эмира Абдуррахман-хана. Большое внимание уделено становлению и развитию официальной афганской историографии, сыгравшей важную роль в идеологической жизни Афганистана.

Р $\frac{0503030000\text{-}072}{013(02)\text{-}90}$ 151-90

ББК 63.3 (5Аф)

ISBN 5-02-016945-5

© Институт востоковедения АН СССР, 1990
©В. А. Ромодин, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга принадлежит перу известного советского историка-востоковеда Вадима Александровича Ромодина (1912—1984), видного специалиста по истории Афганистана.

В. А. Ромодин родился 12 декабря 1912 г. в г. Пишпеке (ныне г. Фрунзе) и принадлежал к тому поколению советских людей, на долю которых выпала нелегкая, но почетная судьба. Это поколение в 20—30-е годы восстанавливало разрушенное народное хозяйство, а затем вынесло на своих плечах все тяготы войны с немецким фашизмом.

Первую половину своей жизни В. А. Ромодин посвятил делу, далекому от того, где позднее ему суждено было снискать широкую известность. В течение многих предвоенных лет, будучи штурманом дальнего плавания на судах торгового флота, он посетил крупнейшие порты Европы. Впрочем, это способствовало расширению его кругозора и развило в нем острую любознательность, интерес к жизни и людям — качества, очень ценные для историка. С 1943 по 1946 г. В. А. Ромодин служил в рядах Советской Армии. Родина отметила его боевые заслуги в Великой Отечественной войне двумя орденами Красной Звезды и медалями.

Востоковедением В. А. Ромодин начал заниматься уже в зрелом возрасте, окончив в 1948 г. исторический факультет Московского государственного университета и защитив в 1952 г. диссертацию кандидата исторических наук, посвященную социальному и экономическому строю афганских (пуштунских) племен. Этот труд и связанные с ним первые публикации[1] принесли В. А. Ромодину заслуженную репутацию специалиста по истории афганских племен. С 1955 г. он плодотворно трудился в Институте востоковедения Академии наук СССР, в стенах которого наиболее полно раскрылся его талант исследователя. Ученик таких блистательных востоковедов, как И. М. Рейснер и А. А. Губер, он, историк по призванию, отдал всю жизнь изучению истории Афганистана в средневековье, новое и новейшее время. Все, что касалось этой страны, всегда вызывало его глубокий интерес — была ли то политическая история, или история культуры, или нравы и обычаи населяющих ее народов. Своими работами он в значительной степени (наряду с другими коллегами)

способствовал развитию научных традиций афгановедения в нашей стране.

Очень большое научное и практическое значение имеет написанная В. А. Ромодиным совместно с В. М. Массоном (который является автором глав, посвященных древности) двухтомная «История Афганистана» (изданная в 1964—1965 гг.).— наиболее полное для того времени комплексное исследование истории Афганистана с марксистско-ленинских методологических позиций [2].

В советском и прогрессивном зарубежном востоковедении положительную оценку получили и другие труды В. А. Ромодина по истории Афганистана — статьи, разделы в коллективных монографиях, а также его книга, увидевшая свет в 1983 г., в которой рассмотрены основные проблемы истории и истории культуры Афганистана во второй половине XIX — начале XX в.[3]. В. А. Ромодин был основным автором раздела о новой истории Афганистана в коллективном труде, посвященном истории этой страны с древности до наших дней, который был издан в 1982 г. и вторично, в переводе на английский язык, в 1985 г.

Значительный вклад внес В. А. Ромодин в изучение истории отечественного и советского востоковедения, прежде всего в изучение становления и развития в нашей стране такой его отрасли, как афгановедение [4]. Некоторые его работы об изучении истории Ближнего и Среднего Востока были переведены и изданы за рубежом, например на арабском языке в Багдаде.

В. А. Ромодин отнюдь не был узким специалистом. Знавшие его лично, поражались широте и фундаментальности его познаний во многих областях гуманитарных наук. Так, В. А. Ромодин внес значительный вклад в изучение истории Киргизии, страны, где он родился и где прошли его детские и юношеские годы, а также других республик Средней Азии [5]. При его участии и под его редакцией вышел в свет первый том «Материалов по истории киргизов и Киргизии» [6]. Он активно участвовал в создании академической «Истории Туркменской ССР» в двух книгах (1957 г.). Им было подготовлено переиздание текста записок Ф. Назарова, важного источника по истории Кокандского ханства в начале XIX в., которое он снабдил интересным предисловием и ценными научными комментариями [7].

В. А. Ромодин вел большую преподавательскую работу. Еще будучи аспирантом, он читал лекции по истории Афганистана и проводил практические занятия в московском Институте востоковедения.

В. А. Ромодин внес весомый вклад в организацию отделения истории Афганистана на восточном факультете Ленинградского государственного университета. И если сегодня высокий уровень подготовки, получаемый выпускниками отделения, хорошо известен специалистам, то в этом большая заслуга В. А. Ромодина, который про-

должал живо интересоваться всем, что касалось отделения и после того, как, к сожалению, вынужден был прекратить преподавание в ЛГУ.

В течение почти тридцати лет В. А. Ромодин плодотворно и бескорыстно трудился в Восточной комиссии Географического общества АН СССР. Благодаря его энергии увидели свет многие из томов серии «Страны и народы Востока», получившей широкое признание научной общественности как у нас в стране, так и за рубежом.

Многие годы В. А. Ромодин посвятил изучению известной официальной истории Афганистана — «Сирадж ат-таварих», этой своеобразной энциклопедии знаний об Афганистане XVIII—XIX вв. Его первое исследование, специально посвященное этому памятнику, было опубликовано еще в 1968 г.[8]. Не будет преувеличением сказать, что именно В. А. Ромодин сделал достоянием широкого круга специалистов этот важнейший источник по новой истории Афганистана и его народов. Над своей последней монографией, посвященной официальной истории Афганистана, В. А. Ромодин работал до последнего дня жизни. К сожалению, ему не удалось увидеть ее изданной.

Большую работу по подготовке рукописи книги к печати осуществили М. Р. Арунова и Н. Л. Лужецкая.

Всем коллегам, участвовавшим в обсуждении и рецензировании последней работы В. А. Ромодина и тем содействовавшим ее публикации, мы выражаем искреннюю признательность.

Ю. В. Ганковский

Глава I

ФАЙЗ МУХАММАД-ХАН И ЕГО СОЧИНЕНИЕ «СИРАДЖ АТ-ТАВАРИХ»

Официальная история Афганистана «Сирадж ат-таварих» — один из наиболее ценных источников для исследования истории афганского государства.

Возникновение в начале XX в. официальной историографии явилось отражением процесса централизации афганского государства, происходившего в последней трети XIX в., в результате которого оформилось автократическое государство во главе с эмиром. Этот режим нуждался в историографии, которая освещала бы прошлое страны в духе, выгодном для правившей династии и в интересах класса феодалов в целом. Создание такой историографии, апологетически превозносившей эмира Абдуррахман-хана (1880—1901) и во многом основанной на его идеях, было поставлено в качестве государственной задачи его сыном Хабибулла-ханом и реализовано в «Сирадж ат-таварих» («Светильник — или светоч — историй») — официальной версии истории Афганистана.

Значение этого сочинения как источника, прежде всего его третьего тома, являющегося подробной летописью событий 1880—1896 гг., признается советскими исследователями истории Афганистана: имеющийся в нем фактический материал используется многими из них, а также некоторыми из их зарубежных коллег. Однако содержащиеся в работах современных историков сведения об этом сочинении и его авторе кратки, отрывочны и недостаточны для его обоснованных оценок в историографическом и источниковедческом плане и для сколько-нибудь полной характеристики как историко-культурного памятника Афганистана начала нашего века. Попытка восполнить этот пробел и является целью настоящей работы.

Знакомство с биографией Файз Мухаммада, автора «Сирадж ат-таварих», не только помогает лучшему по-

ниманию этого труда, но и позволяет уточнить историю его создания. К тому же сведения о Файз Мухаммаде, о его жизненном пути представляют интерес и в более широком историческом плане, имеют самостоятельное научное значение. Его биография дополняет выразительными штрихами и уточняет картину недавнего прошлого Афганистана, страны, переходившей от феодального средневековья в эпоху современности лишь в нашем веке.

Полное имя автора «Сирадж ат-таварих» приводится в начале первого тома книги в таком виде: Файз Мухаммад катиб, сын Саид Мухаммада Могола, известный как «хазара-йи мухаммад-ходжа». Прозвание Файз Мухаммада показывает, что по происхождению он принадлежал к хазарейскому клану мухаммад-ходжа. Имеющиеся биографические сведения подтверждают, что он был родом из хазарейцев, населявших район Газни, в состав которых входили три клана, один из них именовался мухаммад-ходжа [1].

Файз Мухаммад, сын Саид Мухаммада, родился в местности Карабаг в районе Газни в 1279 г. х. (1862 г.)[2]. Восемнадцатилетним юношей он покинул Газни и для продолжения образования отправился в Кандагар, а затем в Индию, где учился в Лахоре и Пешаваре[3]. Он возвратился на родину в 1305 г. х. (1887/88 г.), сначала приехал в Джелалабад, а позже переселился в Кабул. По-видимому, до того, как он получил у Хабибуллахана, сына эмира Абдуррахман-хана, придворную должность, Файз Мухаммад жил в Кабуле на положении частного лица и на постоянной государственной службе не состоял, хотя иногда привлекался эмирскими властями к выполнению официальных поручений. По другим сведениям, Файз Мухаммада, пользовавшегося репутацией человека очень способного и умного, соплеменники неоднократно избирали своим представителем и ходатаем по различным сложным делам [4].

Интересны рассказы кабульских старожилов, характеризующие отношение горожан к Файз Мухаммаду, поселившемуся в их городе после возвращения из-за границы[5]. Эти рассказы, собранные И. М. Рейснером, совпадают в целом и во многих деталях с сообщением о Файз Мухаммаде, опубликованным Азизуддином Вакили Поползаем. Совпадение, очевидно, объясняется общим источником, т. е. рассказами кабульских старожилов. Среди жителей столицы о Файз Мухаммаде ут-

вердилось мнение как о человеке весьма начитанном, обладавшем основательными познаниями в богословии, истории и литературе. Его также считали знатоком в науке о звездах (т. е. в астрологии и в астрономии), опытным в составлении гороскопов, умении предсказывать судьбу и искусстве гадания по буквам.

Благодаря своей учености, уединенному образу жизни и совершенным в поисках знаний путешествиям он прослыл человеком необыкновенным и загадочным. Молва приписывала ему не только владение сокровенными тайнами профессии звездочета, но еще и занятия черной магией и даже знакомство со сверхъестественными силами. Именно этим объясняется обостренный интерес, который он вызывал у многих людей в годы своей молодости. При этом жители Кабула относились к нему с опасливой осторожностью как к человеку, общение с которым могло привести к погибели души.

В 1893 г. Файз Мухаммад получил у Хабибулла-хана должность переписчика книг и письмоводителя-секретаря и состоял затем в течение 26 лет у него на службе, став в годы его правления (1901—1919) официальным историографом — придворным летописцем. Некоторые биографические сведения о себе Файз Мухаммад приводит в третьем томе «Сирадж ат-таварих», в разделе посвященном своему вступлению «в ряды слуг» сардара Хабибулла-хана и содержащем перечисление милостей, оказанных автору его патроном.

Файз Мухаммад сообщает о начале своей службы и о выполнявшихся им впоследствии поручениях, а также о размере назначенного ему жалованья, о дальнейших надбавках и вычетах. Указывается, в частности, точная дата поступления Файз Мухаммад-хана на службу к Хабибулла-хану — 10 шаабана 1310 г. х. (27 февраля 1893 г.) и размер первоначального оклада, положенного ему тогда, — 200 рупий в год. Упоминается, что за Файз Мухаммада ходатайствовал мулла Мухаммад Сарвар Исхакзай, рекомендовавший Хабибулла-хану взять его на службу[6]. Мулла Мухаммад Сарвар Исхакзай пользовался доверием у обоих старших сыновей эмира Абдуррахман-хана — у Хабибулла-хана, приближенным которого он был, и у Насрулла-хана, на службе у которого он состоял.

Файз Мухаммад далее сообщает, что через пять лет после поступления на должность он к прежнему ежегодному жалованью в 200 рупий получил надбавку в

сумме 120 рупий в год. Такое содержание Файз Мухаммад получал до 1325 г. х. (1907/08 г.), когда в связи с окончанием чернового варианта «первого тома этой истории» брат эмира Насрулла-хан распорядился назначить Файз Мухаммаду годовое жалованье в 1000 рупий, причем из указанной суммы должны были удерживаться ежегодно 320 рупий в качестве репрессии, определенной по приказу эмира Хабибулла-хана за задержку при подготовке второго тома «Сирадж ат-таварих» [7].

С этих пор, если не по рангу, то во всяком случае фактически, Файз Мухаммад становится признанным официальным историографом, придворным историком-летописцем. В 1331 г. х. (1912/13 г.) Хабибулла-хан поручил ему продолжать работу над «Сирадж ат-таварих». Историку надлежало написать третий том этого труда. Размер определенного ему ежемесячного жалованья достиг теперь 100 рупий [8].

Вероятно, Файз Мухаммад достиг в это время верхнего предела возможного для него продвижения по служебной лестнице — от переписчика книг и письмоводителя до официального историографа. Его жалованье по сравнению с 1893 г. возросло в шесть раз. Теперь он стал получать в два или три раза больше государственных служащих низших разрядов. Оклад историка Файз Мухаммада несколько превысил даже жалованье других чиновников, находившихся на эмирской службе, таких, например, как казначей дорожной казны принца Инаятулла-хана, который получал 800 рупий в год.

Однако официальный статус Файз Мухаммада как придворного служащего все же оставался относительно невысоким. Личный секретарь эмира Хабибулла-хана — Абдуллатиф-хан, титуловавшийся как «мунши-йи хузур», получал жалованье в размере 4833 и $^1/_3$ кабульских рупий в год [9]. Оклады сановников и высшего офицерства на эмирской службе исчислялись в 6 тыс. рупий и более в год. Таким образом, между такими доверенными лицами эмира, как его личный секретарь, представителями чиновной и сановной знати, и Файз Мухаммадом дистанция была велика. Формально он, во всяком случае до окончания первых двух томов «Сирадж ат-таварих», продолжал числиться всего лишь «катибом» (писцом): именно с таким скромным титулом его имя было напечатано в предисловии к изданию первого тома официальной истории Афганистана [10].

Впоследствии историки в Афганистане, воздавая

должное трудолюбию своего предшественника и значению написанного им труда как источника, отнеслись с уважением к памяти о нем и, упоминая имя автора «Сирадж ат-таварих», называют его не иначе как Файз Мухаммад-хан, а по профессиональному признаку и должностному положению именуют официальным историографом (*«мувариих-и расми»*) [11]. Считаясь с этим, и в советской историографии и библиографии следует избегать включения в имя историка Файз Мухаммада показателя его должностного статуса «катиб», как имевшего уничижительный оттенок.

Положение Файз Мухаммада при эмирском дворе было во многих отношениях незавидным. Историку приходилось постоянно работать под жестким контролем, каждый его шаг подвергался строгой регламентации, его держали в страхе перед наказаниями, чтобы побудить трудиться как можно интенсивнее. По сохраненным устной традицией рассказам, Хабибулла-хан давал своему историографу трудновыполнимые задания, приказывая писать и представлять ему определенные части и разделы официальной истории к установленным срокам, а в случае несоблюдения этих сроков или невыполнения заданий по листажу бранил его, а нередко даже и избивал. Кроме телесных наказаний в арсенале эмирских средств воздействия на своего историографа были и денежные штрафы, т. е. недоплата части назначенного ему жалованья [12].

В работе Файз Мухаммада над «Сирадж ат-таварих» по не зависящим от автора обстоятельствам задержка на некоторое время произошла в 1909 г. в связи с репрессиями, которые в марте этого года Хабибулла-хан обрушил на членов раскрытой эмирскими властями тайной организации конституционалистов — сторонников борьбы за внешнеполитическую независимость и проведение внутренних реформ в Афганистане.

Над активными участниками этой организации была учинена самая жестокая расправа. Репрессии коснулись и случайно заподозренных лиц и людей, хотя и сочувствовавших идеям конституционалистов, но не принимавших участия в тайной организации. Большинству арестованных конституционалистов пришлось находиться в заключении в течение десяти лет, а те из них, кому довелось выжить, были выпущены на свободу только после прихода к власти эмира Аманулла-хана в 1919 г. Вместе с тем часть арестованных Хабибулла-хан по разным при-

чинам в скором времени освободил. Среди освобожденных кроме совершенно случайно задержанных лиц были члены эмирского рода мухаммадзай, а также несколько специалистов, в услугах которых эмир особенно нуждался, не имея возможности быстро подыскать им равноценную замену.

В числе освобожденных Хабибулла-ханом из тюрьмы был и историк Файз Мухаммад, который, по-видимому, не принимал активного участия в тайной политической организации конституционалистов. Это установил И. М. Рейснер, изучавший в 1919—1921 гг. в Кабуле младоафганское движение и его историю и пользовавшийся информацией, полученной им от старых младоафганцев. Афганский историк М. Г. М. Губар в своей книге «Афганистан дар масир-и тарих» («Афганистан на пути истории») привел наиболее полный из имеющихся в литературе список активистов «тайной национальной партии», т. е. тайного общества конституционалистов, репрессированных в 1909 г.[13]. Однако Файз Мухаммада в этот список М. Г. М. Губар не включил, что может рассматриваться как веский довод, подтверждающий полученные ранее И. М. Рейснером сведения.

Так или иначе, Файз Мухаммаду довелось испытать тяжкую участь узника, однако по приказу эмира Хабибулла-хана он после непродолжительного заключения был выпущен из тюрьмы и продолжил работу над книгой «Сирадж ат-таварих», одновременно сотрудничая в газете «Сирадж ал-ахбар-и афгания» («Светильник новостей»), выходившей в свет в 1911—1918 гг.

В декабре 1919 г. в Кабул прибыла советская дипломатическая миссия Я. З. Сурица. Первая характеристика и описание облика Файз Мухаммада по личным впечатлениям и по собранным в Кабуле сведениям принадлежат членам этой миссии — И. М. Рейснеру и Э. М. Риксу. Они рассказывали, что на аудиенциях и приемах, устраивавшихся в связи с приездом советской миссии, можно было видеть не только высших сановников Афганистана, но и многочисленных придворных чиновников и эмирских слуг. Наряду с эмирскими приближенными разных рангов неизменно присутствовал и придворный летописец — Файз Мухаммад.

С виду он был неказист, его лицо с большим мясистым носом и маленькими, глубоко запавшими под густыми бровями глазами отнюдь нельзя было назвать красивым. Среди чиновников, толпившихся в те дни в

эмирских покоях, Файз Мухаммад был в числе самых молчаливых и неприметных. Ни в его внешности, ни в костюме, ни в манере держаться не было ничего подчеркнутого, резкого, что могло бы заметно выделить его среди других и броситься в глаза [14].

Вместе с тем сам он был внимательным и зорким наблюдателем, умел сразу подмечать и хорошо запоминать все происходившее вокруг него, однако действуя таким образом, чтобы самому оставаться незамеченным и неизменно находиться как бы в тени. К тому же он обладал незаурядной способностью оказываться вдруг именно там, где можно было увидеть и услышать что-нибудь новое и наиболее интересное и важное. В его поведении, манере держаться сказывались навыки опытного придворного летописца, который уже в течение многих лет вел на профессиональном уровне регулярные записи происходивших событий, продолжая составление официальной истории Афганистана.

В годы правления эмира Аманулла-хана (1919—1929) Файз Мухаммад лишился своего прежнего положения при дворе, которое, сколь бы скромным оно ни было, служило источником средств к существованию историка, обремененного довольно многочисленной семьей. По-видимому, к середине 20-х годов и сама характерная для средневековья должность официального историографа-летописца была упразднена эмиром Аманулла-ханом. Источником доходов Файз Мухаммада становится педагогическая и редакторская деятельность.

Среди реформ, проводившихся правительством Аманулла-хана в области культуры, особое место отводилось преобразованиям в сфере просвещения. Именно с ними и была связана в 20-е годы деятельность Файз Мухаммада.

Созданное в это время в Афганистане министерство просвещения руководило работой по расширению и усовершенствованию сети начальных и средних школ. На этом пути было немало трудностей: не хватало учителей, недостаточно было учебников. Возникла острая необходимость в издании новых учебных пособий. В министерстве просвещения был создан отдел, занимавшийся составлением, редактированием и публикацией учебников. Одним из сотрудников этого отдела стал Файз Мухаммад [15].

Свою деятельность на этом поприще он начал, ак-

тивно участвуя в обновлении старых и в подготовке новых учебников. Вскоре он был привлечен и к педагогической работе. Его назначили преподавателем в лицей «Хабибия». Высокая образованность Файз Мухаммада дала ему возможность применить свои знания в обучении гуманитарным предметам подрастающего поколения афганской интеллигенции. Есть сведения о том, что он вел занятия по литературе и по истории.

Автор «Сирадж ат-таварих» располагал большим запасом знаний по истории Афганистана и соседних стран, прежде всего по XVIII и XIX вв. Для последних 30 лет современной ему истории своей родины он был живым источником, человеком, основательно сведущим в происходивших в стране и особенно в столице событиях и, во всяком случае, превосходно осведомленным в подробностях жизни при дворе. Бывшие ученики Файз Мухаммада и другие близко знавшие его лица с признательностью и теплотой вспоминают о человеческих качествах, проявлявшихся педагогом-историком в общении с людьми. Рассказывают о его отзывчивости, благожелательном отношении к лицеистам, характеризуют его как человека бодрого, неунывающего и веселого, сообщают, что он высоко ценил юмор и шутку и сам был любителем и мастером пошутить.

В последние годы правления Аманулла-хана историк, продолжая преподавательскую деятельность в лицее «Хабибия», одновременно участвовал в работе редакции газеты «Анис»[16], выходившей в Кабуле с 1927 г.

Сведения о занятиях и трудах Файз Мухаммада в 20-е годы показывают, что автор «Сирадж ат-таварих», представитель немногочисленной интеллигенции старого феодального Афганистана, не только нашел свое место в новой жизни родины, вступившей на путь национально-буржуазного развития, не только получил возможность применить свои знания и способности в годы младоафганских реформ, но и пользовался большим доверием и уважением среди млагоафганцев. Об этом свидетельствует тот факт, что редакция газеты «Анис» давала ему ответственные поручения, связанные, в частности, с выездом в различные районы страны для расследования злоупотреблений.

Годы младоафганских реформ были временем плодотворной деятельности Файз Мухаммада; крушение режима Аманулла-хана и гражданская война в Афганистане привели к трагическим событиям в жизни истори-

ка, которые стали причиной его преждевременной кончины.

В 1928 г. в Афганистане вспыхнуло крупное восстание. Стихийные крестьянские движения и восстания племен сомкнулись с антиправительственным выступлением реакционных сил против младоафганских реформ. Мятежники получили поддержку из-за рубежа. Эмир Аманулла-хан был свергнут, и к власти пришел предводитель повстанцев Бачаи Сакао. В Афганистане наступило тяжелое время. До осени 1929 г. продолжалась кровавая внутренняя война, в ходе которой Бачаи Сакао пытался сломить сопротивление противников его власти [17].

В их числе оказались, в частности, хазарейцы, среди которых пользовался авторитетом и популярностью Аманулла-хан. Отряд хазарейских ополченцев был прислан на помощь Аманулла-хану и участвовал в неудачных для него боях в районе Газни. Со своей стороны Бачаи Сакао послал в хазарейские районы делегацию с целью побудить жителей прекратить дальнейшее сопротивление и склонить их подчиниться ему. Состав отправленной к хазарейцам из Кабула делегации был подобран из лиц, пользовавшихся влиянием в квартале Чандавул, населенном с давних пор кызыл-башами и другими этническими группами, исповедующими шиизм. Авторитет этих посланцев среди хазарейцев предполагалось использовать с политической выгодой для Бачаи Сакао.

В делегацию был включен и историк Файз Мухаммад, хазареец по происхождению. Кроме него в состав делегации входили Нуруддин-хан, Мир Ака-хан, Абдуррахман-хан Кохдамани и Халифа Гулам Хасан-хан Чандавули [18].

Хазарейцы в то время блокировали важнейшие горные проходы, ведущие в их земли. Делегацию, посланную правительством Бачаи Сакао, задержал у перевала Унай командовавший хазарейскими отрядами Мир Фатх-хан, который приказал препроводить посланцев к Мухаммад Амин-хану и Ходжа Хидаятулла-хану — руководителям сил, противостоящих режиму Бачаи Сакао в Хазараджате [19].

Население Хазараджата было резко настроено против Бачаи Сакао, поэтому привезенные делегацией предложения покориться его власти были отвергнуты. Один из ее членов, Абдуррахман-хан Кохдамани, был хазарейцами убит. Остальным же, в их числе и Файз Му-

хаммаду, посчастливилось остаться в живых, однако они вынуждены были выехать в обратный путь, не выполнив возложенного на них поручения.

Полная неудача миссии вызвала гнев Бачаи Сакао и его приближенных. Файз Мухаммаду и другим членам делегации ставилась в вину не только нерадивость, но они были заподозрены в тайном пособничестве врагам кабульского режима и подверглись суровым репрессиям со стороны властей. Членов делегации допрашивали с пристрастием, и было приказано избить их палками. Побоев удалось избежать только одному из них — учителю Халифа Гулам Хасан-хану Чандавули, который сумел скрыться. Бачаи Сакао, заподозрив Файз Мухаммада в измене, приказал избить его палками и бросить в тюрьму.

Из тюрьмы Файз Мухаммад вскоре был выпущен. Однако побои и истязания закончились для него трагически. Его здоровье было непоправимо подорвано. Кабульские старожилы вспоминали, что Файз Мухаммад после избиения едва мог передвигаться, опираясь на палку. Есть сведения, что он ездил лечиться в Иран. После возвращения оттуда он прожил недолго и скончался в Кабуле в начале 1931 г. Афганский историк Азизуддин Вакили Поползай указывает дату смерти Файз Мухаммада — 16 рамазана 1349 г. х. (4 февраля 1931 г.)[20]. Амир Мухаммад Асир в воспоминаниях, записаных А. И. Шкирандо, приводит другую дату — 16 шавваля 1349 г. х. (6 марта 1931 г.).

Жизнь и деятельность Файз Мухаммад-хана заслуживает дальнейшего изучения, и не только для лучшего понимания сочинения «Сирадж ат-таварих», но и как часть истории культуры Афганистана. Еще предстоит написать его полную биографию, основные события которой на основе имеющихся источников вкратце изложены в настоящей книге. Интересные результаты обещает исследование и научное использование других, кроме «Сирадж ат-таварих», произведений Файз Мухаммад-хана: рукописи исторического труда «Тухфат ал-Хабиб», книги «Тарих-и хукама», изданной в Кабуле в 20-х годах и посвященной мудрецам древности, а также рукописи сочинения «Китаб-и тазаккур ал-инкилаб», недавно поступившей в Национальный архив Афганистана[21].

По-видимому, рукопись «Китаб-и тазаккур ал-анкилаб» была последней работой Файз Мухаммада. Несмотря на то что она осталась незаконченной, представ-

ляется несомненным ее значение как одного из источников для исследования истории Афганистана 1928—1929 гг., поскольку она представляет собой описание событий того времени хорошо осведомленным и наблюдательным современником и очевидцем.

* * *

Первые два тома «Сирадж ат-таварих» были изданы в Кабуле в 1331 г. х. (1912/13 г.). Они напечатаны в эмирской типографии на бумаге форматом 21×33 см, текст заключен в рамку размером 16,5×28 см, на странице по 38 строк текста, ссылки и пояснения вынесены на поля. Оба первых тома вышли в свет одной книгой в общем переплете со сквозной пагинацией. В первом томе 194 страницы, во втором — 183; всего 377 страниц. Последние 10 страниц книги отведены для списка опечаток к обоим томам.

Первый том посвящен истории Афганистана периода правления садозайской династии — от Ахмад-шаха Дуррани (1747—1773) и до конца первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. Во втором томе изложена история страны с 1843 г. и до прихода к власти эмира Абдуррахман-хана в 1880 г.

Третий том «Сирадж ат-таварих» печатался в той же кабульской типографии и таким же форматом, что и первые два тома. Поскольку пагинация не только в первых двух томах, но и в изданной части третьего тома «Сирадж ат-таварих» сквозная, при ссылках на это сочинение обычно приводятся только указания на страницы, а номера томов не указываются. Текст третьего тома опубликован не полностью. В переплетенных и поступивших в библиотеки экземплярах изложение событий доводится лишь до середины сентября 1896 г., а затем текст внезапно обрывается на незаконченной фразе[22]. Между тем хронологическими рамками этого тома, посвященного истории времени правления Абдуррахман-хана, предусматривалось довести изложение событий до 1 октября 1901 г.

Обозначенная на титульном листе третьего тома дата — 1333 г. х. (1914/15 г.) принимается в библиографических описаниях в качестве указания года выхода тома в свет. В действительности она показывает только год начала его печатания. На основании имеющихся в тексте тома датировок можно заключить, что печатание

его растянулось на несколько лет [23]. Например, одно из таких датированных примечаний, где автор указывает, что действие упомянутого им выше фирмана эмира продолжается «вплоть до нынешнего времени, т. е. до месяца раби ас-сани 1336 г.», дает основание заключить, что еще в это время (т. е. в начале 1918 г.) продолжалась работа над составлением или над редактированием и изданием третьего тома «Сирадж ат-таварих». Издание этого тома так и не было завершено при жизни Хабибуллы, а после его смерти (убит 20 февраля 1919 г.) надолго прервалось. К середине 20-х годов работа по публикации третьего тома возобновилась, предстояло закончить печатание его последних разделов; по-видимому, были набраны не только эти разделы (или какие-то их части), но даже сделаны оттиски [24]. Однако неизвестно, сохранились ли эти оттиски и если сохранились, то где они находятся.

В середине 20-х годов печатание третьего тома «Сирадж ат-таварих» было приостановлено эмиром Аманулла-ханом и более не возобновлялось [25]. Объясняется это тем, что эмир заинтересовался содержанием третьего тома «Сирадж ат-таварих» (возможно, в связи с возобновлением типографских работ по его изданию) и прочитал страницы хроники, посвященные событиям времени политического сближения между Абдуррахман-ханом и английскими властями в 80-х годах прошлого века. Аманулла-хана поразили и привели в негодование подробности (прежде ему, вероятно, неизвестные или малоизвестные) из истории английской политики «кнута и пряника» в отношении Афганистана и их хронологально-протокольное изложение в «Сирадж ат-таварих», где приведены, в частности, сведения о пожаловании королевой Викторией Абдуррахман-хану ордена «Звезда Индии» [26].

Аманулла-хан настолько возмутился прочитанным, что повелел все экземпляры уже отпечатанных разделов незаконченного издания третьего тома «Сирадж ат-таварих» сжечь, а изложенные в нем события описать заново [27]. Этот приказ, объяснявшийся горячностью характера Аманулла-хана и его неприязнью к Англии, повлек за собой прекращение публикации «Сирадж ат-таварих».

Неизвестно, был ли отменен приказ Аманулла-хана о сожжении незаконченных экземпляров третьего тома «Сирадж ат-таварих» или оставался в силе. Однако

если он и выполнялся, то, насколько можно судить по результатам, не слишком тщательно. Значительная часть отпечатанного в кабульской типографии в 1915—1918 гг. тиража сохранилась, и в библиотеках разных стран находятся по меньшей мере несколько десятков экземпляров объемистых книг в картонных переплетах, заключающих опубликованные разделы, — страницы 378—1240 третьего тома «Сирадж ат-таварих». В библиотеках СССР чаще представлены первый и второй тома, а третий том сочинения Файз Мухаммада встречается реже.

Эмир Хабибулла серьезно подходил к созданию «Сирадж ат-таварих», побуждая своих родственников и приближенных относиться к составлению и публикации этого труда как к делу государственного значения и принимать в нем посильное участие. На титульном листе первого тома «Сирадж ат-таварих» значится, что книга составлена «в соответствии с достославным приказанием его величества Сирадж ал-миллат ва-д-дина [28] — падишаха правосудного и религиозного». Уже А. А. Семенов, автор первой рецензии на «Сирадж ат-таварих», отметил, что, как усматривается из этого заглавия, «мы имеем, так сказать, официальную историю Афганистана» [29]. В предисловии к первому тому «Сирадж ат-таварих» официальный характер этого труда виден, в частности, из слов его автора о том, что план и хронологические рамки изложения были ему указаны эмиром [30].

Правомерность характеристики сочинения «Сирадж ат-таварих» как официальной истории Афганистана убедительно подтверждается сведениями об организации работы и редакторского контроля при написании и публикации этого сочинения, имеющимися в самом тексте. Работа над книгой, как уже отмечалось, направлялась эмиром Хабибулла-ханом и лично контролировалась им, он принимал участие в редактировании и иногда вносил поправки в текст, держал корректуру. Ему принадлежат некоторые примечания (комментарии), напечатанные на полях книги [31]. Кроме того, распоряжениями эмира членам правящего дома и различным должностным лицам (от секретарей до виднейших сановников) вменялось в обязанность в той или иной форме участвовать в работе над «Сирадж ат-таварих» и в контроле над ней.

Об этом приводятся в конце первого тома интересные сведения от имени автора, при изложении которых

употребляются традиционные эпитеты и формулы авторского самоуничижения. Здесь мы находим подробности, уточняющие сказанное выше о «Сирадж ат-таварих» как о памятнике официальной историографии афганского государства. После благочестивых слов хвалы и благодарности всевышнему автор пишет: «При благосклонности падишаха, ревнителя прогресса и сведущего в просвещении, а именно его величества Сирадж алмиллат ва-д-дина, завершен первый том книги „Сирадж ат-таварих", содержанием которого являются события царствования садозайских падишахов. Его величество, обладающий проницательностью, прочел его от начала до конца и одобрил, собственной рукой внес детальные исправления и отдал приказ о напечатании. Таким образом, можно сказать, что автором сей книги и инициатором этого благородного повествования является именно он — его величество, особа достохвальных качеств, а не я — невежественный слуга...» [32].

И далее, как бы подчеркивая приведенную риторическую формулу самоуничижения, доходящую до отрицания своего авторства на книгу, которую он написал, Файз Мухаммад связывает сказанное об этом с сообщением о работе над рукописью первого тома «Сирадж ат-таварих», проведенной по приказу эмира Хабибуллахана мударрисом (преподавателем) шахской медресе («мадраса-йи шахи») Абдуррауф-ханом и личным секретарем эмира Абдуллатиф-ханом. Мы узнаем, что оба эти «высокоуважаемые ученые», хорошо умеющие отличать «правильное от подложного и слабое от безупречного», подвергли рукопись тщательному просмотру, и лишь после того, как она проходила через их руки, каждая ее часть с их подписями и печатями, подтверждавшими правильность изложенного, поступала к эмиру. Он же, несмотря на свою занятость, просматривал каждую часть, и так, подвергаясь исправлениям, «лист за листом, часть за частью шло печатание книги» [33].

Маулави Абдуррауф-хан Кандахари (1851—1915) родился в Кандагаре и происходил из семьи, известной своей ученостью [34]. Он получил хорошее образование, был литератором и писал прозу и стихи на персидском, а также на пушту и арабском языках. В 1882/83 г. эмир Абдуррахман-хан назначил его придворным муллой и преподавателем «мадраса-йи шахи» [35]. При этом эмир поручил ему принимать экзамены у людей, претендовавших на высшие судейские посты. В годы правления эми-

ра Хабибулла-хана маулави Абдуррауф-хан сохранил свое положение и авторитет. В 1905 г. он получил от эмира разрешение на издание газеты, и 11 января 1906 г. вышел первый номер «Сирадж ал-ахбар-и афганнийя» (оказавшийся, однако, единственным), в котором отразились распространявшиеся в Афганистане идеи о необходимости обновления страны и проведения реформ [36].

Абдуллатиф-хан был особо доверенным лицом эмира Хабибулла-хана, находился у него на службе с конца 80-х годов XIX в. и имел титул «мунши-йи хузур» (государственного секретаря) [37].

При подготовке «Сирадж ат-таварих» кроме письменных источников, о которых речь пойдет ниже, использовалась устная традиция афганских (пуштунских) племен, привлекались семейные предания и воспоминания отдельных лиц. Хабибулла-хан подобрал «людей надежных и долго проживших», чьи рассказы должны были послужить достоверным источником изустных сведений о былом. Он приказал им «разъяснить» события прошлого и передавать «как слышанное от отцов и дедов, так и виденное своими глазами на своем веку» [38]. В предисловии к «Сирадж ат-таварих» названы имена только трех таких информаторов, очевидно признанных заслуживающими особого доверия как хранители и передатчики традиции: Мухаммад Юсуф-хан, сын эмира Дост Мухаммад-хана; сардар Нур Али-хан, сын сардара Шер Али-хана Кандахари; главный кази (судья) Саадуддин-хан, сын Абдуррахман-хана, главного кази.

Мухаммад Юсуф-хан, младший сын эмира Дост Мухаммад-хана (1826—1863), родился в 1845 г. и умер в 1916 г. В официальной истории Афганистана его имя начинает упоминаться при описании событий середины XIX в. [39]. Его ранние воспоминания восходят к 50-м годам. В 60—70-х годах он был очевидцем и участником многих политических событий, происходивших в стране. В 1880 г. он участвовал в переговорах с англичанами, завершившихся приходом к власти эмира Абдуррахман-хана, в годы правления которого занимал различные государственные посты [40].

Сардар Нур Али-хан был сыном Шер Али-хана Кандахари, который при английской поддержке был правителем Кандагара в 1880 г. и в конце этого же года выехал с семьей в Индию. Нур Али-хан пробыл в эмиграции в Индии до мая 1894 г., когда получил от эмира

Абдуррахман-хана разрешение вернуться на родину и приехал в Кабул [41]. Благодаря его устной информации при подготовке «Сирадж ат-таварих» создалась возможность использовать в этом сочинении традиции кандагарской ветви баракзайского дома.

Саадуддин-хан происходил из влиятельной баракзайской семьи казиев Кандагара. Его отец Абдуррахман-хан, имевший титул «хан-и улум» («хан ученых»), был главным кази Афганистана. Саадуддин-хан, по ориентировочным данным, родился около 1848 г. и умер около 1916/17 г. Он был известен образованностью (главным образом в области традиционных мусульманских наук) и умением вести диспуты. Проявлял он это умение, в частности, в спорах с английскими представителями в Афганистане, нередко ставя их в затруднительное положение во время демаркационных работ на северо-западных границах Британской Индии в 1884—1887 гг., в ходе которых Саадуддин-хан выступал как представитель Афганистана. Саадуддин-хан был одним из самых доверенных советников эмира Абдуррахман-хана и пользовался значительным влиянием в стране в конце XIX — начале XX в. В 1887—1904 гг. он занимал пост губернатора Герата, в 1905 г. был назначен кази Кабула, в 1914 г. стал главным кази Афганистана [42].

Кроме сведений, полученных от назначенных Хабибулла-ханом трех главных передатчиков устной традиции, для информации о происходивших событиях иногда привлекались и свидетельства других очевидцев. В некоторых случаях в тексте указывается, из каких устных источников черпалась информация при описании сравнительно незначительных эпизодов. Так, сообщение об одном из локальных восстаний хазарейцев, происшедшем в конце 1881 — начале 1882 г., приводится со ссылкой на рассказ очевидца — Абдуррашид-хана, который «в настоящее время является чтецом при падишахском дворе» [43].

Вдохновители и руководители создания официальной истории Афганистана — эмир Хабибулла-хан и его брат Насрулла-хан — и сами в некоторых случаях выступали как источники устной информации.

Насрулла-хан (1874—1921) был известен как человек весьма религиозный, знавший наизусть Коран и предпочитавший религиозные книги светской литературе. Выступая сторонником незыблемости религиозных и феодально-монархических традиций и противником нов-

шеств, он пользовался поддержкой самых консервативных феодально-клерикальных кругов общества и являлся лидером группировки «староафганцев». К концу правления эмира Хабибулла-хана, в связи с постепенным отходом его от государственных дел, влияние Насрулла-хана возрастало.

По тексту опубликованных томов «Сирадж ат-таварих» в некоторых случаях можно установить принадлежность приведенных в источнике фактов, рассуждений и замечаний не самому Файз Мухаммаду, а эмиру Хабибулла-хану. Иногда в тексте имеются прямые указания на то, что те или иные данные сообщены автору Хабибулла-ханом, встречаются и ссылки автора на слышанные им слова эмира.

Так, например, рассказ о плаще (одеянии — «хирка») пророка Мухаммада, хранившемся в Бадахшане, предваряется словами автора о том, что «самые правильные и наиболее обстоятельные» сведения на сей предмет ему удалось однажды слышать из уст эмира Хабибулла-хана, «инициатора создания этой книги»[44]. В другом месте, ссылаясь на сообщенные эмиром «точные и соответствующие действительности данные» об убийстве в XVIII в. вазира Шах Вали-хана по приказанию Тимур-шаха, автор «Сирадж ат-таварих» приводит не только изложенную Хабибулла-ханом версию, но и оценку мотивов поведения вазира и поступков Тимур-шаха, и анализ обстоятельств убийства, также принадлежащие, очевидно, этому эмиру[45].

Указанные примеры, а число их можно умножить, свидетельствуют о том, что в первых двух томах «Сирадж ат-таварих» иногда помещались сообщенные эмиром Хабибулла-ханом версии рассказов о событиях прошлого и высказанные им оценки исторических деятелей и их поступков. В отношении же описанных в третьем томе событий, современником и очевидцем которых был Хабибулла-хан, не приходится сомневаться в воздействии его взглядов на освещение фактов. В 80-х и особенно в 90-х годах XIX в. он как старший сын эмира играл все более значительную роль в управлении государством еще при жизни своего отца.

Хабибулла-хан родился в Самарканде в 1872 г. Из среднеазиатских владений России он приехал в Афганистан к концу 1880 г. вместе со своим братом Насрулла-ханом после утверждения Абдуррахман-хана на троне в Кабуле. В начале 80-х годов, когда Хабибулла-хан

был еще мальчиком, его отец, следуя традициям правителей Афганистана, время от времени уже назначал своего старшего сына на ответственные посты[46]. Мальчик номинально числился главной фигурой на порученном ему посту, он должен был согласовывать свои решения с находившимися при нем доверенными сановниками эмира. Став старше, Хабибулла-хан начал принимать действительное участие в государственных делах, выполняя отдельные поручения своего отца и иногда замещая его в столице.

Так, осенью 1888 г. Абдуррахман-хан оставил его наместником в Кабуле, а сам отправился на север страны для ликвидации последствий восстания Исхак-хана, где и находился до июля 1890 г., имея резиденцию в Мазари-Шарифе[47]. С 1891 г. эмир доверил Хабибулла-хану председательствовать вместо себя на придворных дурбарах (совещаниях, приемах), затем стал поручать ему руководство некоторыми ведомствами, предоставив право смещения и назначения гражданских и военных должностных лиц, впрочем входившее в силу только после санкции самого эмира.

Таким образом, еще при жизни отца деятельность Хабибулла-хана на государственном поприще была многообразной. По свидетельству доктора Абдул Гани, находившегося при кабульском дворе в течение нескольких лет, Хабибулла-хан интересовался техникой и проявлял особый интерес к военному заводу «Машин-хане». На него был возложен надзор за этим предприятием, и он регулярно посещал завод. Высоко оценивая ум и замечательную память Хабибулла-хана в его молодые годы, доктор Абдул Гани отмечал, однако, что эмир впоследствии настолько страдал (вызванным излишествами) ослаблением способности к умственной работе, что малейшее умственное напряжение уже утомляло его[48].

В 1896 г. Хабибулла-хан получил от эмира административные полномочия. Его участие в управлении государством активизировалось в следующем году, когда ему было вверено заведование казной, находившейся до того исключительно под контролем самого эмира. Личное знакомство Хабибулла-хана с событиями, описанными в третьем томе «Сирадж ат-таварих», явилось одним из непосредственных источников при их изложении.

Насколько можно судить по тексту «Сирадж ат-таварих» и по имеющимся сведениям об эмире Хабибулла-хане, его участие в подготовке этого сочинения было

наиболее активным при написании и публикации первого тома. Во втором и особенно в третьем томах содержится меньше указаний на непосредственную причастность Хабибулла-хана к изложению материала и истолкованию событий, чем в первом томе. С другой стороны, в третьем томе становится заметным влияние взглядов Насрулла-хана, в частности проявившееся в отрицательных высказываниях о модернизации османской Турции при описании поездки Насрулла-хана в Европу в 1895 г.

Файз Мухаммад в работе над «Сирадж ат-таварих» пользовался и письменными источниками. В предисловии к «Сирадж ат-таварих» помещен перечень 16 книг, использованных при написании сочинения [49]. Приведем здесь этот перечень полностью в той же последовательности, в какой он напечатан в «Сирадж ат-таварих», сопровождая его пояснениями и био-библиографическими замечаниями к каждому номеру.

1. «Тарих-и Надири», или «Тарих-и джахангуша-йи Надири» — сочинение, являющееся одним из основных источников по истории периода правления Ираном Надир-шаха Афшара (1736—1747), автором которого был Мирза Мухаммад Махди-хан ибн Мухаммад Насир Астарабади. Сочинение написано в 50-х годах XVIII в., неоднократно издавалось и переводилось на разные языки [50].

2. «Тарих-и сэр Джон Малькольм» («История сэра Джона Малькольма») — первый в Европе обобщающий труд по истории Ирана. Изложение событий в нем доводится до 1814 г. При написании «Сирадж ат-таварих», по-видимому, был использован перевод этой книги на персидский язык, изданный в 70—80-х годах XIX в. и в 1905/06 г. под названием «Тарих-и Иран» [51].

3. Сочинение, которое при первом упоминании в «Сирадж ат-таварих» названо «Китаб-и тарих-и Ахмад», а при последующих ссылках именуется «Тарих-и Ахмади» [52]. Вероятно, имеется в виду труд «Тарих-и Ахмад-шах Дуррани», автором которого был мунши Мухаммад Абдул Карим Алави. Сочинение включает историю правления Ахмад-шаха, Тимур-шаха и Заман-шаха до 1797 г. и краткое изложение последующих событий до начала первой англо-афганской войны. Основная часть этого труда рассматривается как переложение предшествовавшей исторической хроники «Хусайн-шахи», которую написал Имамуддин Хусайни Чишти [53].

4. «Хизана-йи амира». Это сочинение, написанное в 1762/63 г., имеет автобиографический характер, но содержит также краткий очерк истории событий времен Ахмад-шаха. Автором его был Гулам Али «Азад» Билграми (1704—1786) [54].

5. «Джилд-и Каджарийа-йи насих ат-таварих» — часть сочинения «Насих ат-таварих», посвященная истории правления каджарской династии [55].

6. «Рисала-йи арабийа-йи Сайид Джамалуддин-ал-Афганистани» — имеется в виду «Татаммат ал-байан фи тарих ал-афган», трактат по истории афганцев Сайида Джамалуддина Афгани, изданный на арабском языке в Каире. Значительное место в этом сочинении занимают события первой англо-афганской войны. Имеется раздел, посвященный афганским племенам. В Афганистане Мухаммад Амин-ханом Хугиани к концу 30-х годов был выполнен перевод на язык дари, опубликованный как часть его сочинения о Джамалуддине Афгани [56].

7. «Тарих-и Султани» — сочинение по истории афганцев и Афганистана, начатое в 1865 г. и опубликованное в Бомбее в 1298 г. х. (1881 г.). Автор — Султан Мухаммад-хан ибн Муса-хан Баракзай [57]. Сочинение начинается краткими сведениями по ранней истории афганцев, затем следуют два раздела, посвященные истории племен абдали и гильзай (до завоевания Герата и Кандагара Надир-шахом Афшаром). Эти разделы сохраняют научное значение, поскольку ранняя история этих племен малоизвестна и скудно освещена в литературе. Далее в «Тарих-и Султани» излагается политическая история Афганистана от периода правления Ахмад-шаха Дурранн до 1862/63 г.

8. «Рисала-йи Али-Кули Мирза-йи Итизад ас-салтана-йи Ирани» — опубликованное в 1857 г. в Тегеране сочинение «Тарих-и вакайи ва сазаних-и Афганистан», в котором излагаются события истории Афганистана в 1747—1857 гг. Автор — Али-Кули Мирза Итизад ас-Салтане (ум. в 1880 г.) [58].

9. «Рисала-йи мухараба-йи Кабул ва Кандахар» — изданное дважды в Индии (в 1850 и 1851 гг.) сочинение, посвященное описанию событий, происходивших в Афганистане в 1838—1842 гг. Автор — муншн Мухаммад Абдул Карим Алави [59].

10. «Китаб-и манзума-йи Хамид-и Кашмири» — сочинение в стихах, озаглавленное «Акбар-нама», в кото-

ром повествуется о подвигах Акбар-хана (сына эмира Дост Мухаммад-хана) в борьбе против английских завоевателей в годы первой англо-афганской войны. Автором этого сочинения был маулави Хамидулла Хамид Кашмири, написавший его в 1844 г. [60].

11. «Рузнама-йи алахазрат-и Шах Шуджа ул-мульк» — дневник афганского шаха Шуджа ул-Мулька (1803—1809 и 1839—1842 гг.). Этот дневник (мемуары), по-видимому, использован по индийскому изданию — Лудхиана, 1278 г. х. (1861/62 г.) [61].

12. «Китаб-и хайат-и Афгани Муаллифа-йи дебти Хайат-хан» на языке урду издана в Лахоре в 1867 г. Там же опубликован в 1874 г. ее сокращенный перевод на английский язык. Автор этой книги Мухаммад Хаят-хан (ум. в 1901 г.), уроженец местечка Вах в Панджабе, с 1862 г. состоял на службе в английской колониальной администрации в Индии. Его книга — историко-этнографическое исследование, содержащее уникальные данные о родо-племенной структуре и традиционных генеалогиях афганских (пуштунских) племен, их обычаях. Сохраняют свое значение и исторические разделы, сопровождающие описание каждого племени, при составлении которых автор пользовался не только более ранними историческими сочинениями, но также и материалами из семейных архивов пуштунских феодалов, изустными народными преданиями и различными сведениями, полученными путем расспросов. Мухаммад Хаят-хан в предисловии к книге перечислил использованные им письменные источники на персидском языке и на пушту, а также на английском языке — сочинения М. Эльфинстона, Дж. П. Феррье, А. Бернса, Мохан Лала и некоторых других авторов. Как видно из предисловия, работа над сочинением была закончена Мухаммад Хаят-ханом в 1865 г.

13. «Раузат ас-сафа-йи Насири» — продолжение истории Мирхонда «Раузат ас-сафа», доведенное до своего времени Риза Кули-ханом Хидаятом (1800—1871) и изложенное им в трех томах, из которых в первом тегеранском издании 1853—1857 гг. только третий том имел заглавие «Раузат ас-сафа-йи Насири» [62].

14. «Мират ал-вазийа-йи арабийа-йи муаллифа-йи Корнилийус Фан Дейк Амрикани» — сочинение по всеобщей географии Корнелиуса Ван Дейка (1818—1895), изданное на арабском языке в Бейруте; его книга была переведена на персидский язык Фахр ад-дином Гулпай-

агани и опубликована в Бомбее [63]. Ван Дейк находился в течение длительного времени в Сирии в составе американской медицинской миссии и руководил издательской деятельностью этой миссии в Бейруте в 1857—1880 гг.; автор многих работ учебно-педагогического характера на арабском языке. В целом его книга, очевидно предназначавшаяся служить учебным пособием, отражала уровень географических знаний середины прошлого века.

15. «Панд-нама-йи дунйа ва дин падшах-и джаннат-и макин алахазрат-и зийа ал-миллат ва-д-дин-и мархум». «Зийа ал-миллат ва-д-дин» («Светоч нации и веры» — титул афганского эмира Абдуррахман-хана, чьи автобиографические произведения занимают особое место среди книг, послуживших источниками «Сирадж ат-таварих». Первым вариантом автобиографического жизнеописания Абдуррахман-хана было его сочинение «История Афганистана прошлых годов», копия русского перевода которого находится в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР. Оно было написано на языке дари в 1870 г. в Самарканде, куда автор прибыл после поражения в проходившей в 1863—1868 гг. в Афганистане междоусобной войне. Первое в советской историографии упоминание о нем содержится в книге Н. А. Халфина, посвященной присоединению Средней Азии к России [64].

В этом сочинении Абдуррахман-хана кратко описаны происходившие в Афганистане в 60-х — начале 70-х годов XIX в. военные и политические события, современником и участником которых он был. В нем также приводятся некоторые интересные сведения о Хивинском ханстве, посещенном Абдуррахман-ханом во время странствий по Средней Азии. Этот труд может в некоторых аспектах рассматриваться как первоначальный вариант составленной впоследствии более подробной автобиографии («Панд-нама-йи дунйа ва дин»), известной по публикации ее английского перевода в качестве первого тома изданной в 1900 г. в Лондоне Султан Мухаммад-ханом книги «Жизнь Абдуррахман-хана эмира Афганистана».

Сочинение «Панд-нама-йи дунйа ва дин» должно было быть первой главой обширного труда из шестнадцати глав [65], однако Абдуррахман-хану не удалось сколько-нибудь полно осуществить свой план. Изданная в Кабуле в 1896 г. первая глава задуманного труда получи-

ла название, предназначенное для всего сочинения. Книга напечатана в кабульской типографии «Дар ас-салтанат» литографским способом форматом 30×42 см, объем ее составил 140 страниц[66]. Это издание является библиографической редкостью.

Рукопись Абдуррахман-хана, с которой для литографского воспроизведения была сделана красивым насталиком копия, выполненная, по-видимому, профессиональным переписчиком, была обнаружена сравнительно недавно и поступила на хранение в Кабульскую публичную библиотеку[67].

Главным образом на основе «Панд-нама-йи дунйа ва дин» изложены во втором томе «Сирадж ат-таварих» биографические сведения о самом Абдуррахман-хане. Однако значение этого сочинения Абдуррахман-хана и связанных с ним нескольких других книг автобиографического цикла отнюдь не сводится к воспроизведению в официальной истории заимствованных из них фактов, относящихся к описанию раннего периода его жизни. Влияние автобиографических произведений, как принадлежащих самому эмиру Абдуррахман-хану, так и приписываемых ему, на «Сирадж ат-таварих» прослеживается не только во втором, но и в третьем томе этого сочинения, поскольку взгляды эмира во многом отразились и на освещении и истолковании событий, описанных в этом источнике. Влияние оценок и субъективных мнений Абдуррахман-хана прежде всего заметно в описаниях тех событий, современником которых он являлся в годы своей молодости, т. е. в 60—70-е годы.

Взгляды Абдуррахман-хана на осмысление истории сказывались в «Сирадж ат-таварих» и опосредованно — через сыновей этого эмира, Хабибулла-хана и Насрулла-хана, многое воспринявших от него и руководивших, как отмечалось выше, подготовкой, написанием и публикацией официальной истории.

16. «Джам-и Джам» — перевод на персидский язык книги Вильяма Пиннока «Всеобъемлющая система современной географии и истории», выполненный в 1854—1856 гг. Фархад-мирзой Мутамад ад-даула (ум. в 1888 г.), внесшим в книгу некоторые добавления. Используя в качестве названия своего перевода книги В. Пиннока образное выражение «Чаша Джемшида», Фархад-мирза мог следовать традиции, поскольку это выражение и до него применялось в восточной географической литературе для обозначения трудов, содержа-

щих картину мира, основанную на данных европейской географической науки нового времени. Последнее издание на английском языке переводившейся Фархад-мирзой книги В. Пиннока было опубликовано в Нью-Йорке в 1835 г.[68].

Обращаясь к рассмотренным выше книгам как к отправному пункту для источниковедческой и историографической характеристики изданных томов «Сирадж ат-таварих», отметим прежде всего, что сам по себе факт помещения в начале исторического труда перечня книг вполне соответствует традиции средневековой персидской историографии. Подобного рода перечни приводились в начале многих известных исторических сочинений. Так, перечень около 40 использованных сочинений был приведен известным иранским средневековым историком Мирхондом в предисловии к его монографии «Раузат ас-сафа».

Новое в подборе предназначенных для составления «Сирадж ат-таварих» книг проявилось в привлечении нескольких, преимущественно географических, сочинений, соответствующих уровню европейской науки XIX в. и содержащих сведения, которые выходили за рамки средневековых представлений о Земле и людях. Однако статистические данные и другая информация, представленные в этих сочинениях, относились в основном к середине XIX в., т. е. ко времени печатания «Сирадж ат-таварих» они устарели почти на 50 лет.

В соответствии с зафиксированными в начале «Сирадж ат-таварих» указаниями эмира Хабибулла-хана, автору этого труда предписывалось не только изложить исторические события, но также составить в качестве приложения к книге географию Афганистана и генеалогию афганских (пуштунских) племен, сопроводив ее сведениями о каждом племени[69]. Остается неизвестным, было ли полностью составлено такое приложение. В первом томе «Сирадж ат-таварих» после предисловия помещены краткие географические сведения, преимущественно относящиеся к Афганистану «в его прежних пределах» (т. е. во времена Дурранийской державы второй половины XVIII — начала XIX в.). Эти сведения извлечены из «Хайат-и Афгани», «Тарих-и Султани» и из упомянутого выше персидского перевода книги В. Пиннока, а также из географического сочинения Корнелиуса Ван Дейка.

Включение географического материала во вступи-

тельный раздел первого тома «Сирадж ат-таварих» сопровождается замечанием, что такого рода материал обычно не приводится в исторических сочинениях[70].

Описание исторических событий в первом томе источника начинается рассказом, содержащим краткие сведения о жизни Ахмад-хана Дуррани (1747—1773), о переселении семьи его отца из Мультана в Кандагар и затем в Герат и об участии Ахмад-хана в военных походах Надир-шаха Афшара. В форме небольших рассказов, расположенных в хронологическом порядке, построено и дальнейшее изложение истории Афганистана. При перечислении территориальных приобретений Ахмад-шаха в Хорасане в «Сирадж ат-таварих» утверждается, что Ахмад-шах во время своих победоносных походов, закончившихся расширением его владений, стал настолько могущественным, что мог бы «направить свою энергию на завоевание всего Ирана». Однако, учитывая обстоятельства, которые могли затруднить осуществление завоевательных планов в Иране, Ахмад-шах решил не рисковать и предпочел отдаться заботам об укреплении своей власти у себя в стране. Это решение ставится Ахмад-шаху в заслугу, причем указывается, что он закрепил шахскую власть за своей семьей и создал в Афганистане независимое могущественное государство[71].

В «Сирадж ат-таварих» приводится интересный рассказ об основании и устройстве Ахмад-шахом нового города Кандагара[72]. В источниковедческом аспекте эти сведения представляют собой нерешенную пока загадку, поскольку они не выявлены в использованных при составлении «Сирадж ат-таварих» книжных источниках. По-видимому, данный рассказ основан на преданиях дурранийских племен. В последних разделах, посвященных Ахмад-шаху, содержится изложение обстоятельств его смерти и приводится характеристика его личности.

При описании событий времени правления Тимур-шаха (1773—1793) в официальной истории вначале рассказывается о приходе его к власти, затем сообщается о совершенных им походах и других делах, причем иногда приводятся интересные детали. Так, в рассказе о пребывании Тимур-шаха на зимовке в Пешаваре, упоминается, что в состав шахской гвардии входили моголы, джамшиды, кызыл-баши и калмыки[73].

При изложении событий конца XVIII — начала XIX в. в официальной истории помещены сведения об

административно-налоговой и военной системе Дурранийской державы того времени. В описании правления Заман-шаха (1793—1801)[74] приводятся данные о государственных доходах, причем упоминаются конкретные случаи сдачи на откуп сбора налогов по отдельным провинциям.

Еще больше подробностей сообщается о составе вооруженных сил, их численности, денежном содержании воинов, а также о вознаграждении части их путем феодальных пожалований. Преимущественно деньгами оплачивались воины двадцатитысячного конного корпуса («гулам-хана»). Кроме того, существовал еще один двадцатитысячный отряд конницы, охранявший шахскую ставку. Бо́льшая часть воинов этого кавалерийского отряда получала содержание наличными деньгами, а меньшая часть — половину жалованья наличными, а другую половину пожалованиями[75]. Упоминается также, что военачальники в чине «дехбаши», «мингбаши» и «куллар-агаси» вознаграждались земельными пожалованиями.

Наличие в «Сирадж ат-таварих» сведений об административной и военной системе афганского государства в период правления Заман-шаха было в свое время отмечено А. А. Семеновым[76]. В советской историографии эти сведения использованы Ю. В. Ганковским в монографии, посвященной империи Дуррани[77]. Хотя приведенные в «Сирадж ат-таварих» сообщения об афганской армии конца XVIII — начала XIX в. характеризуют ее лишь в общих чертах и нуждаются при дальнейшем использовании в критической проверке, они сохраняют научное значение, несмотря на появление впоследствии исторических работ, содержащих обширный материал о времени правления Заман-шаха.

Заман-шах неоднократно предпринимал походы в Индию, но далее Панджаба не доходил, вынужденный возвращаться в Афганистан для подавления мятежей. Однако, несмотря на неудачу, попытки Заман-шаха вторгнуться в Индию, где у него было немало потенциальных союзников, вызывали серьезные опасения у английских колониальных властей[78].

Английская Ост-Индская компания, административным центром которой была Калькутта, видела угрозу своему владычеству в возможности согласованных действий против нее со стороны Заман-шаха, правителя Мансура Типу-Султана и Франции. В начале XIX в. на-

полеоновские замыслы сухопутного похода на Восток вызывали большое беспокойство Англии.

В создавшейся в конце XVIII — начале XIX в. обстановке в получении возможно более полной информации о войсках Заман-шаха были непосредственно заинтересованы не только Ост-Индская компания[79], но и правители Ирана. Неудивительно, что в «Сирадж ат-таварих» при изложении истории Дурранийской державы обстоятельные сведения о ее вооруженных силах приводятся именно в разделе о правлении Заман-шаха, поскольку источниками сведений об этом государе послужили книги, написанные в Иране и Индии.

В начале изложения исторических событий в «Сирадж ат-таварих» некоторые данные о приходе к власти Ахмад-шаха Дуррани и о первых годах его правления почерпнуты из «Тарих-и Надири» Махди-хана Астарабади и из «Истории Персии» Джона Малькольма[80]. При описании событий истории Афганистана второй половины XVIII в. автор «Сирадж ат-таварих» чаще всего обращался к «Тарих-и Ахмади» и к «Тарих-и Султани». Использовались и некоторые другие книги из приведенного выше перечня.

Отсюда видно, что изложение истории XVIII в. в «Сирадж ат-таварих» основано преимущественно на опубликованных нарративных источниках, об использовании рукописей упоминаний в изданном тексте сочинения не встречается.

При описании событий первой половины XIX в. гораздо чаще, чем в предшествующих разделах, прослеживается обращение автора к устной традиции. Вероятно, к ней восходит рассказ о восстании жителей Кабула, возмущенных бесчинствами находившихся в столице кызыл-башей. Следствием этого восстания было свержение шаха Махмуда (1801—1803 и 1809—1818 гг.)[81]. Его сменил в 1803 г. шах Шуджа ал-Мульк, при описании правления которого отмечены приезд в Афганистан посольства из Бухары[82] и прибытие в Пешавар, где тогда находился афганский шах, миссии Ост-Индской компании, возглавленной М. Эльфинстоном. Подробно изложено содержание договора, заключенного афганским шахом в 1809 г. с Ост-Индской компанией[83].

Сравнительно обстоятельно изложены в «Сирадж ат-таварих» события второго срока правления шаха Махмуда (1809—1818) и последовавшие за казнью вазира Фатх-хана в 1818 г. мятежи, сопровождавшиеся усиле-

нием баракзаев и приходом к власти эмира Дост Мухаммад-хана [84]. В частности, рассказывается о подчинении Дост Мухаммад-ханом Кабула, о дальнейшем расширении его владений и распространении власти баракзайских сардаров (его братьев) в городах и областях Афганистана. Сообщается о создании Дост Мухаммад-ханом регулярного войска, что имело большое значение в истории страны, причем отмечено, что в организации этого войска участвовал поступивший на службу к эмиру опытный специалист в военном деле Абдуссамад-хан, знакомый с деятельностью европейских офицеров-инструкторов в армии махараджи Панджаба — Ранджит Сингха (1799—1839) [85].

При изложении последующих событий, во многом определявшихся враждебной Дост Мухаммад-хану политикой Ост-Индской компании, которая поддерживала попытки бывшего шаха Шуджи ал-Мулька вернуть себе власть в Афганистане, в «Сирадж ат-таварих» приводится содержание трехстороннего договора «о дружбе и союзе», заключенного 12 апреля 1833 г. между Ост-Индской компанией, Ранджит Сингхом и бывшим шахом Шуджой ал-Мульком [86].

При описании Герата конфликта и осады Герата в 1837—1838 гг. автор официальной истории Афганистана многократно обращался к сочинению «Насих ат-таварих» [87].

Изложение истории первой англо-афганской войны в «Сирадж ат-таварих» в целом отличается значительной полнотой и должно приниматься во внимание при исследовании событий 1838—1842 гг. не только для учета официальной афганской оценки происходившего, но и для внесения некоторых дополнений и уточнений в обширный материал английских источников.

В сочинении Файз Мухаммада приводится содержание документов, характеризующих политику английских колонизаторов и их взаимоотношения со своими ставленниками: шахом Шуджа ал-Мульком и его сыном Шапуром. Первый из этих документов — договор, который Англия предложила Шуджа ал-Мульку подписать в мае 1839 г. после вступления английских войск в Кандагар. Содержание этого договора в общих чертах изложено в «Тарих-и Султани» [88]. Подробно оно передается в «Сирадж ат-таварих», где сообщается, что В. Макнотен, «составив новый договор так, как ему требовалось, передал его для подписи и приложения печати шаху Шуд-

жа ал-Мульку». Затем приводится (как утверждает автор источника — в буквальной передаче) текст документа, состоявший из восьми пунктов [89].

Другой документ этого времени — текст грамоты от 27 шаабана 1258 г. х. (3 октября 1842 г.) о признании Шапура правителем Афганистана [90].

При изложении событий, непосредственно предшествовавших первой англо-афганской войне, и при описании хода войны наряду с указанным выше сочинением «Насих ат-таварих» были использованы «Рисала-йи мухараба-йи Кабул ва Кандахар», дневник шаха Шуджа ал-Мулька и некоторые другие письменные источники. Однако в отдельных эпизодах прослеживается и привлечение устной традиции. Одним из таких эпизодов является отъезд Дост Мухаммад-хана в Бухару, история его пребывания там со своими сыновьями и возвращение на родину [91].

Повествование в первом томе «Сирадж ат-таварих» доводится до конца англо-афганской войны 1838—1842 гг. и завершается описанием возвращения Дост Мухаммад-хана из Индии [92].

В начале второго тома автор сообщает, что эмир Хабибулла-хан в связи с завершением первого тома, посвященного истории афганского государства в период правления династии Садозаев, приказал ему заняться работой над вторым томом и изложить в нем события истории династии Мухаммадзаев от конца правления эмира Дост Мухаммад-хана и до начала царствования эмира Абдуррахман-хана [93]. Далее следует раздел, посвященный династии Мухаммадзаев, ветви Баракзаев, содержащий генеалогию этой династии и сведения о сыновьях ее родоначальника — Паинда-хана. Эти сведения оформлены в виде таблицы, в которой указаны имена, годы жизни и правления, даты смерти и места погребения двадцати сыновей Паинда-хана [94].

По своей структуре и оформлению изложенного материала второй том «Сирадж ат-таварих» несколько отличается от первого. При написании второго тома была сделана попытка изложить рассматриваемые события по годам, в виде летописи. Начиная с 1259 г. х. (1843 г.) описание событий каждого следующего года выделяется заголовком, содержащим очередную дату. Исключение составляет заголовок на с. 200, который относится к 1260, 1261 и 1262 гг. х. (1844—1846 гг.) [95]. Продолжают применяться и подзаголовки, подобные употребляю-

щимся в первом томе. Под ними следуют краткие выводы, обобщающие отдельные рассказы, включенные в повествование.

Как показывает структура второго тома «Сирадж аттаварих», перед автором стояла задача изложить в строго хронологической последовательности историю Афганистана всего рассматриваемого в этом томе периода. Однако ему не удалось сколько-нибудь полно осуществить такую задачу, ибо замысел не был обеспечен материалом письменных источников.

Второй том был составлен преимущественно на основе устной информации. В источниковедческом аспекте этим объясняется скудость и фрагментарность значительной части приведенного материала, наличие неточностей в хронологии и отдельных анахронизмов. Такие недостатки, свойственные историографии, основанной на воспоминаниях, оставшихся не откорректированными документальными данными и свидетельствами современных событиям письменных источников, прослеживаются прежде всего в разделах второго тома, посвященных 50-м — началу 60-х годов XIX в.

Описание событий 50-х годов XIX в. занимает во втором томе официальной истории 28 страниц[96]. Отдельный раздел посвящен правлению Саид Мухаммада в Герате, в нескольких разделах излагаются события, происходившие в Афганском Туркестане, подробно описываются обстоятельства присоединения Дост Мухаммад-ханом Кандагара. При описании событий в Южном Туркестане значительное место уделяется фактам из биографии Абдуррахман-хана, который провел там свои детские и юношеские годы. Эти данные восходят к рассмотренным выше сочинениям автобиографического цикла Абдуррахман-хана.

Больше подробностей биографического характера об Абдуррахман-хане приводится в разделах о 60-х годах XIX в. Для событий этого десятилетия устная информация является источником гораздо более ценным, полным и достоверным, чем для предшествующего времени. В 60-х годах главные передатчики устной информации для составления официальной истории Афганистана были уже в зрелом возрасте и в ряде случаев выступали не только как очевидцы, но и как участники описываемых событий. В их числе были, например, сардар Мухаммад Юсуф-хан (род. в 1845 г.) и кази Саадуддин-хан (род. около 1848 г.). Этим объясняется, в частности, увеличе-

ние объема изложенного материала в разделах по истории 60-х годов более чем в три раза по сравнению с описанием предшествующего десятилетия.

Истории 60-х годов отведено 87 страниц текста [97], которые начинаются рассказом о последних годах правления Дост Мухаммад-хана, завершившегося взятием Герата в мае 1863 г. После сообщения о кончине этого эмира 9 июня 1863 г. и элегии, написанной по этому поводу дабиром (писцом) Мирзой Мухаммад Мухсин-ханом, приводятся в виде таблицы сведения о 27 сыновьях Дост Мухаммада с указанием дат рождения, смерти и мест, где они похоронены [98].

Затем повествуется о политических и военных событиях смутного времени в Афганистане, ознаменовавшегося ожесточенной борьбой между новым эмиром Шер Али-ханом и его братьями — сыновьями Дост Мухаммад-хана [99]. В январе 1869 г. Шер Али-хану удалось нанести решающее поражение своему главному противнику Мухаммад Азам-хану и его племяннику Абдуррахман-хану, вынужденным отказаться от дальнейшей борьбы и эмигрировать. В официальной истории описываются странствия Абдуррахман-хана и Мухаммад Азам-хана в землях пуштунских племен вазир, шерани и какар, а затем их путь через пустыни Белуджистана и Систана в Мешхед. Рассказывается о приезде Абдуррахман-хана в пределы владений России в Средней Азии [100].

В изложении истории Афганистана 70-х годов XIX в. сведения о событиях внутренней жизни страны довольно скудны, в них содержится очень мало материала для характеристики реформ эмира Шер Али-хана, однако о второй англо-афганской войне приводятся значительно более богатые подробностями рассказы [101].

Остановимся на освещении в «Сиradж ат-таварих» обстоятельств прихода к власти эмира Абдуррахман-хана. В британских правящих кругах интерес к Абдуррахман-хану как к претенденту на афганский престол проявлялся уже в 1879 г., еще во время его пребывания в русском Туркестане. После возвращения Абдуррахман-хана на родину, когда он находился в начале 1880 г. в северо-восточной части страны, он узнал от своих родственников из Кабула о желании английских колониальных властей вступить с ним в переговоры [102].

В начатой в апреле 1880 г. переписке с находившимся в Кабуле британским политическим уполномо-

ченным Лепелем Гриффином Абдуррахман-хан соблюдал большую осторожность в формулировках. Однако в передаче в «Сирадж ат-таварих» содержания его ответного письма Л. Гриффину от 15 апреля 1880 г. Абдуррахман-хану приписывается решительное высказывание о намерениях вести боевые действия против врага с целью защиты своего народа [103]. Такой формулировки нет ни в его автобиографическом произведении «Панднама-йи дунйа ва дин», ни в изданном Султан Мухаммад-ханом жизнеописании эмира, ни в публикации английского перевода данного письма Абдуррахман-хана [104]. По всей вероятности, в «Сирадж ат-таварих» допущено намеренное искажение текста документа с целью приукрасить в глазах афганских читателей политику Абдуррахман-хана, приписав ему громкие слова о намерении бороться против британских оккупантов.

Этот пример еще раз подтверждает, что при описании прихода Абдуррахман-хана к власти, как и во многих других случаях, следует постоянно иметь в виду тенденцию к идеализации личности и деятельности этого эмира в официальной историографии Афганистана.

Рассказ о событиях, происходивших в Кабуле и связанных с приходом Абдуррахман-хана к власти, в целом отличается обилием деталей и большей полнотой по сравнению с их освещением в произведениях его автобиографического цикла. Этот материал «Сирадж ат-таварих» включает обстоятельные сведения, полученные от передатчиков устной информации с коррективами по воспоминаниям сардара Мухаммад Юсуф-хана.

Мухаммад Юсуф-хан был участником собрания сардаров, на котором английские представители предъявили перехваченное ими письмо Мирзы Хабибулла-хана Мустоуфи генералу Мухаммад Джан-хану Вардаку и Абдул Кадир-хану с информацией о намерениях Англии по отношению к сардару Абдуррахман-хану [105]. Письмо было отправлено с целью воспрепятствовать приходу к власти Абдуррахман-хана.

Сардар Мухаммад Юсуф-хан участвовал в заключительном этапе переговоров Абдуррахман-хана с английскими властями, закончившихся признанием его Англией эмиром и выводом оккупационных войск из Кабула и других областей страны (кроме Кандагара). Именно сардара Мухаммад Юсуф-хана отправил как доверенное лицо Абдуррахман-хан из Чарикара в Кабул для оформления признания своей власти Англией. Затем ему бы-

ла поручена организация встречи нового эмира с английскими генералами и чиновниками. Участниками этих событий были и кази Саадуддин-хан и его отец, кази Абдуррахман-хан Баракзай [106].

Второй том «Сирадж ат-таварих» заканчивается описанием выступления Аюб-хана против Англии, битвы при Майванде (где британские войска потерпели поражение) и распространения власти Абдуррахман-хана на Кандагар. В целом в изложении событий конца второй англо-афганской войны в источнике имеется богатый фактический материал, заслуживающий внимания исследователей и имеющий большую важность для изучения этого периода истории Афганистана.

А. А. Семенов в своей рецензии на «Сирадж ат-таварих», в которой он рассматривает первые два тома этого сочинения, дает им такую общую характеристику: «Я позволю заметить, что с какой бы точки зрения ни рассматривать этот труд, как бы критически к нему ни относиться, с ним тем не менее следует считаться всем занимающимся историей современного Афганистана: и обилие фактического материала с массой подчас интересных сведений и черт бытового и этнографического характера, стихотворения-хронограммы на смерть исторических лиц, приводимые надписи сфрагистического характера, большое количество хронологических данных и, наконец, редкость некоторых источников, которыми пользовались авторы,— все это говорит за то, что настоящий труд не может быть игнорирован лицами, изучающими Афганистан» [107].

Эта оценка первых двух томов «Сирадж ат-таварих» в целом выдержала испытание временем; лишь некоторые отдельные ее положения нуждаются в уточнении. Указание на наличие большого количества хронологических данных справедливо отнести только к первому тому, преимущественно к разделам, посвященным истории XVIII в. (основанным главным образом на книжных источниках). Однако некоторые из приведенных в этих разделах первого тома хронологических данных требуют проверки и уточнения.

Так, датой смерти Ахмад-шаха в официальной истории Афганистана принято считать 20 раджаба 1186 г. х. (17 октября 1772 г.) [108]. Вероятно, автор «Сирадж ат-таварих» основывался на сочинении «Тарих-и Султани», в котором приводится та же дата [109]. После того как Д. Саидмурадовым было изучено и издано написанное лето-

писцем-современником Ахмад-шаха сочинение «Тарих-и Ахмад-шахи», удалось подтвердить принятую в афганской традиции дату смерти этого правителя 1772 г. и уточнить месяц и число — 2 раби аль-авваль 1186 г. х. (3 июня 1772 г.) [110]. В некоторых случаях в «Сирадж ат-таварих» хронология отдельных событий страдает неопределенностью. Например, приводятся две даты прихода к власти шаха Махмуда (1216 и 1217 гг. х.), взятые из разных источников [111].

Как отмечалось выше, ряд неточностей в хронологии и пробелов в описании событий имеется и во втором томе труда Файз Мухаммада.

Каковы бы ни были недостатки и пробелы в освещении отдельных вопросов и периодов в первых двух томах «Сирадж ат-таварих», имеющийся в них фактический материал получил положительную оценку в целом и был использован во многих работах по истории Афганистана. По ряду вопросов этот материал до сих пор привлечен еще далеко не полностью. Задачи и перспективы дальнейшего изучения и научного использования первых двух томов «Сирадж ат-таварих» при разработке истории освободительной борьбы народов Афганистана против британской агрессии включают, в частности, монографическое исследование разделов, посвященных первой англо-афганской войне. Сведения о войне 1878—1880 гг. и о сопутствовавших ей событиях должны быть привлечены в большем объеме и более основательно, чем это делалось до сих пор.

В отличие от первых двух томов третий том «Сирадж ат-таварих» представляет собой летопись современных автору событий. Это проявляется в характере изложения, в значительно большей подробности описаний, а также в расположении материала, в хронологической структуре сочинения. Со времени поступления Файз Мухаммада на службу к шах-заде Хабибулла-хану в феврале 1893 г. изложение событий становится наиболее обстоятельным.

Соответственно изменяется в сторону большей хронологической детализации структура расположения материала. Описание событий первых двенадцати лет с начала изложения в третьем томе, т. е. с 1298 по 1309 г. х. (1880—1892 гг.), ведется, как и во втором томе, в хронологической последовательности — по годам, причем внутри каждого раздела, посвященного одному году, выделяются рассказы, обозначенные отдельными подза-

головками. Начиная же с 1892 г. история последующих четырех лет излагается не только по годам, но и раздельно по каждому месяцу. Сначала, с 1892 г., помесячное деление хроникального повествования встречается периодически [112]. Затем такое деление приобретает все более регулярный характер [113].

Подлинная новизна третьего тома «Сирадж ат-таварих» в историографии Афганистана состоит прежде всего в том, что изложение материала основано главным образом на неопубликованных документах эмирских канцелярий. Автор привлек разнообразные официальные документы, содержание которых передается чаще всего в кратких пересказах, иногда в текст изложения исторических событий включаются и пространные выдержки из них, в отдельных случаях содержание цитированных материалов приводится полностью. Довольно часто неопубликованные документы, например донесения военачальников, чиновников и тайных агентов Абдуррахман-шаха, только упоминаются как источник для обоснования изложенных фактов (многочисленные ссылки на донесения тайных агентов эмира встречаются на протяжении всего третьего тома). Такие упоминания, по сути дела, соответствуют ссылкам на материалы архивных фондов в работах современных историков, однако отличаясь от них тем, что Файз Мухаммад не указывал точного места хранения использованных им донесений.

Целенаправленное и систематическое обращение к неопубликованным документам при изложении истории представляется явлением новым не только для историографии Афганистана, но и для исторических трудов и летописей всех или большинства стран Ближнего и Среднего Востока в позднем средневековье и в начале нового времени. Почерпнутый из эмирских канцелярий документальный материал в третьем томе «Сирадж ат-таварих», как правило, более или менее точно увязан хронологически с изложением и вводится непосредственно в ткань повествования.

Основательная документальная база и то, что ряд сведений почерпнут от очевидцев и участников современных автору событий и последовательно изложен в книге, обусловливают значение третьего тома «Сирадж ат-таварих» как одного из важнейших источников по истории Афганистана 80-х и особенно 90-х годов XIX в.

На зависимость объема излагаемого материала в третьем томе от степени личного знакомства автора с

документами, людьми и событиями указывает тот факт, что изложение истории последних четырех лет (1892—1896 гг.) занимает по числу страниц почти столько же места, сколько описание событий предшествовавших двенадцати лет.

Приступая к анализу использованных при написании третьего тома официальных документов, в первую очередь остановимся на материалах, изданных литографическим способом кабульской типографией эмира Абдуррахман-хана. Создавая громоздкую бюрократическую машину, послушную его воле, эмир усердно трудился сам, привлекая к этому и своих подчиненных, над составлением различных правил и инструкций.

В числе отпечатанных в правительственной типографии документов подобного рода были административные правила для хакимов вилайетов, сведения о которых изложены в «Сирадж ат-таварих» при описании событий весны 1892 г. [114]. Сообщается, что маулави Ахмад Джан-хан по приказу эмира в 1301 г. х. (1883/84 г.) составил сборник правил, состоявший из 63 законов. «Каждый из этих законов был утвержден и подписан его величеством, и с тех пор до настоящего времени (т. е. до 1914/15 г. — *В. Р.*) они остаются в силе». Указывается, что правила были изданы отдельной книгой под названием «Китабча-йи хукумати», разосланной хакимам вилайетов. В «Сирадж ат-таварих» воспроизведено полностью содержание этой книги с добавлением трех законов, введенных эмиром Хабилулла-ханом [115].

При изложении содержания речей Абдуррахман-хана и английского представителя М. Дюранда на дурбаре, состоявшемся в Кабуле 13 ноября 1893 г., предположительно использовался печатный текст информационной брошюры о переговорах между ними, составленной, как отмечено в «Сирадж ат-таварих», по приказу эмира Султан Мухаммад-ханом и разосланной ханам и маликам пуштунских племен Афганистана.

Описание происходивших восемью годами раньше переговоров между Абдуррахман-ханом и вице-королем Дафферином в Равалпинди в основном повторяет печатный текст брошюры об этих переговорах, составленной по повелению эмира Мухаммадом Наби-ханом. Это устанавливается сличением содержащегося в «Сирадж ат-таварих» описания с русским переводом брошюры Мухаммада Наби-хана [116].

Вероятно, среди многочисленных цитируемых или

пересказываемых фирманов, рескриптов и распоряжений Абдуррахман-хана и в изложении его речей использованы и некоторые другие кабульские издания. Однако, к сожалению, продукция кабульской типолитографии времен Абдуррахман-хана далеко не полностью представлена в библиотеках, и поэтому определить, с опубликованного или неопубликованного текста приводится тот или иной документ, во многих случаях не представляется возможным. Но все же имеющиеся данные достаточно убедительно показывают, что изданные тексты в целом составляют сравнительно небольшую часть использованного документального материала. Количественно в нем явно преобладают неопубликованные официальные документы государственных канцелярий Афганистана. В приведенном ниже кратком обзоре документов они разделены на три основные группы в зависимости от их содержания и назначения.

К первой группе отнесены документы, исходящие сверху, т. е. прежде всего эмирские приказы, распоряжения и инструкции; во вторую группу включены поступающие лично эмиру и в правительственные канцелярии доклады и донесения от военачальников, чиновников и тайных агентов, а также прошения и жалобы от отдельных лиц, а также от общин и племен; в третью группу помещены переписка политического характера и некоторые другие документальные материалы, не вошедшие в первые две группы по причине невозможности классифицировать их по признаку направленности сверху вниз или снизу вверх. Рассмотрим сначала чаще всего упоминаемые в третьем томе официальной истории названия разновидностей документов, входящих в состав этих трех основных групп.

В первой группе для обозначения приказов и распоряжений эмира часто применяются общеупотребительные слова — «хукм» и «амр», наряду с которыми в более узком смысле, когда приводятся письменные приказы и распоряжения, постоянно встречается термин «фирман». Он употребляется преимущественно в обычном своем значении: «[государев] приказ», «указ», «эдикт». В отдельных случаях имеется в виду устный приказ эмира, который во времена Абдуррахман-хана должен был оформляться незамедлительно как письменный документ, снабженный печатью и подписью эмира. Несколько реже встречаются термины «ракам» [117] и «маншур» [118]. Последний термин употребляется, как пра-

вило, в отношении дукументов, содержание которых передается особенно подробно. Термин «маншур», объясненный в одном случае как равнозначный термину «фирман» [119], употребляется в «Сирадж ат-таварих» иногда в смысле, близком к латинскому «рескрипт».

Распространенным в годы правления Абдуррахман-хана видом официальных документов были инструкции, содержащие установки и указания по определенному кругу вопросов — политических, административно-налоговых, судебных. Название «инструкция» обычно передается термином «дастур ал-амал» [120]. Более полно излагается содержание инструкций, рассылавшихся от имени самого эмира. Значительно короче сообщается об инструкциях, исходивших от его сановников.

Наряду с приказами, распоряжениями и инструкциями Абдуррахман-хана неоднократно упоминаются и цитируются его письма должностным лицам, содержащие рекомендации по тем или иным вопросам и имеющие иногда назидательный характер, поскольку в них эмир выражал осуждение одних мероприятий и поступков своих подчиненных и одобрение других, сопровождая оценки замечаниями и вразумляющими рассуждениями.

Для документов второй группы в большинстве случаев используется наименование «ариза». Это слово в некоторых случаях применяется не только в узком значении — в качестве определенного канцелярского термина, но и в более широком смысле, обозначая всякое обращение от нижестоящего на социальной лестнице лица к вышестоящему (или от младшего к старшему), будь то письмо, заявление, просьба и т. д. Многочисленную категорию среди упоминаемых под названием «ариза» документов составляют направлявшиеся эмиру рапорты военачальников и донесения его чиновников и тайных агентов. Общей особенностью цитирования документов второй группы является то, что их содержание излагается весьма кратко.

К третьей группе использованных документов относятся следующие: а) внутриведомственные материалы, б) дипломатическая переписка, в) дневник афганской миссии в Лондоне в 1895 г. Надо полагать, что многие приводимые Файз Мухаммадом сведения фактического характера, в частности цифровые данные, были извлечены им из документов различных ведомств и государственных канцелярий. Однако из каких именно, можно судить только предположительно из-за отсутствия в тексте

книги соответствующих указаний. Так, имеющиеся сведения о работе рудников в Бадахшане, цифровые данные о количестве их продукции и о доставке ее в Кабул были, по-видимому, извлечены из документов казначейства и канцелярии минеральных ресурсов («дафтар-и амин ал-маадин») [121].

Материалы по внешнеполитическим отношениям Афганистана с другими странами значительно уступают по количеству и объему информации сведениям, касающимся внутренней истории, поскольку в рассматриваемое время дипломатическая переписка велась почти исключительно с вице-королями Британской Индии. При этом содержание переписки Абдуррахман-хана с вице-королями и их чиновниками передается в кратких пересказах, по большей части лишь упоминается содержание затронутых вопросов [122]. Гораздо полнее освещаются конкретные вопросы, возникавшие на индо-афганской границе и в районах расселения пуштунских племен на северо-западной границе Британской Индии [123].

Большой материал содержится по истории политики Абдуррахман-хана и его должностных лиц на границах с русскими владениями в Средней Азии и с Бухарским эмиратом. Этот материал включает более или менее детальные пересказы содержания фирманов, письменных распоряжений и инструкций Абдуррахман-хана своим чиновникам и военачальникам, относящихся к положению дел на русско-афганской границе, а также (более кратко) их донесений эмиру [124].

В сообщениях, касающихся ситуации на афгано-иранской границе, содержатся сведения по различным конкретным вопросам пограничной политики, а также о взаимоотношениях властей западных районов Афганистана и соседних с ними Хорасана и Систана, входивших в состав иранского государства [125]. В результате включения так называемого Ваханского коридора во владения афганского эмира Афганистан стал непосредственно граничить с Китаем, и в «Сирадж ат-таварих» очень кратко сообщается о некоторых связанных с этим вопросом обстоятельствах и несколько подробнее рассказывается о Памирском разграничении 1895 г. [126].

Путевой журнал, или дневник («рузнама»), который велся во время путешествия Насрулла-хана в Лондон в 1895 г., послужил основным источником при описании поездки его посольства. Привлекались и другие материалы, в частности письма, которые Насрулла-хан при-

сылал эмиру Абдуррахман-хану и принцу Хабибулла-хану.

Как показывает обзор документальных материалов, использованных Файз Мухаммадом при составлении третьего тома «Сирадж ат-таварих», этот том является важным источником по истории Афганистана 80-х и особенно 90-х годов XIX в. Он содержит обширную и разнообразную информацию, далеко еще не полностью исследованную в работах историков. Не ставя целью исчерпывающим образом осветить имеющуюся в томе очень большую по объему информацию, остановимся на характеристике содержания хроники по отдельным существенным для истории страны проблемам.

Имеющийся в третьем томе обильный, хотя и фрагментарный материал позволяет осветить политику Абдуррахман-хана в различных сферах экономики Афганистана и его налоговую систему. Эти сведения, рассыпанные вследствие летописной формы изложения в разных местах, дают возможность серьезно дополнить и уточнить известные нам по другим источникам данные о хозяйственной жизни Афганистана.

Развитие земледелия, имевшего очень большое значение в экономике страны, нельзя отнести к проблемам, игравшим первостепенную роль в хозяйственной политике эмира. Он заботился прежде всего об упрочении реорганизованной им административно-налоговой системы, способной выжимать для казны возможно большие средства из податного населения.

Вместе с тем в некоторых отраслях сельского хозяйства Абдуррахман-хан делал попытки полезных нововведений. К их числу относится, в частности, попытка ввести в стране возделывание американского сорта хлопчатника [127]. По-видимому, наибольший эффект среди увеличивавших доход казны мероприятий эмира в области сельского хозяйства имело стимулирование им развития каракулеводства, причем скупку и продажу каракулевых шкурок Абдуррахман-хан сделал своей монополией [128].

Распоряжения Абдуррахман-хана по различным хозяйственным вопросам дают материал для характеристики экономической политики эмира, а также содержат факты для изучения некоторых конкретных сторон экономики Афганистана. Что касается материала для суждения о социально-экономических отношениях, то в «Сирадж ат-таварих», как и в других летописных восточных

источниках, прямо относящиеся к этим отношениям сведения редки.

В «Сирадж ат-таварих» приводятся отдельные сведения об организации производства на казенном заводе «машин-хане» в Кабуле. Сообщения о строительстве в основном сводятся к кратким упоминаниям о возведении гражданских и военных сооружений, таких, как дворцовые здания и сады, каналы, мосты, дороги, крепости. Так, сообщается о строительстве дороги из Кабула в Герат через Хазараджат, о сооружении укреплений в Герате и Гуриане и т. д. [129].

В третьем томе встречается немало сообщений о военных мероприятиях эмира Абдуррахман-хана, дающих основания судить о состоянии вооруженных сил страны. Отметим из материалов такого рода сообщения об увеличении жалованья войскам, формировании полков из хазарейцев и отряда регулярной кавалерии из туркмен, участии в военных действиях узбекского отряда, приказе о завоевании Хазараджата [130].

В источнике детально освещаются походы эмирских войск в труднодоступные горные местности Кафиристана в Восточном Гиндукуше и в соседние с ним районы, подготовка к завоеванию Кафиристана и подчинение этой области в 1895—1896 гг. отрядами эмирских регулярных войск и собранными по приказу Абдуррахман-хана ополчениями.

В конце 80-х — начале 90-х годов Абдуррахман-ханом был создан разветвленный административно-полицейский аппарат, обеспечивавший более регулярное поступление налогов в казну. Данные «Сирадж ат-таварих» о налогах относятся к разным районам Афганистана, но в значительной своей части — к пограничным областям [131].

Эмир Абдуррахман-хан, в особенности в первые годы правления, когда его власть еще не упрочилась, старался представить себя защитником интересов простого люда, правителем, охраняющим права налогоплательщиков, борющимся против произвольных поборов. Так, в 1882 г., сместив не вносившего в казну собранные им налоги Абдуррасул-хана, губернатора Кандагара, эмир приказал возвратить райатам 83 376 рупий как незаконно взысканные с них бывшим губернатором [132]. Впоследствии он всячески афишировал этот случай с целью представить себя справедливым государем, пекущимся о благе народа [133].

Есть в третьем томе и материал — фрагментарный и, к досаде историков, часто сводящийся лишь к кратким упоминаниям, характеризующий проблемы землевладения [134]. Для обозначения феодальных держаний за службу, сохранявшихся в Афганистане в конце XIX — начале XX в., применяются традиционные средневековые термины: икта, тиул, суюргал, иногда — джайдад.

К приведенному выше краткому обзору документального материала третьего тома официальной истории Афганистана, раскрывающему его информативную ценность, следует добавить еще несколько замечаний, относящихся к освещению в нем некоторых аспектов положения в стране в конце XIX в.

В войне 1878—1880 гг. народы Афганистана понесли большие потери. Сильно пострадали города, ремесла и торговля, важнейшие земледельческие оазисы. Чтобы восстановить разрушения и восполнить причиненные войной потери, потребовались многие годы. Дальнейшее развитие страны происходило в трудных условиях. Его сковывали гнет колониализма и насильственная изоляция от внешнего мира, препятствовавшие избавлению Афганистана от тяжких пут средневековья.

Эмир, материально заинтересованный в помощи Англии (от которой он получал денежные субсидии и оружие), не выступал достаточно решительно против навязанной ему изоляции. По-видимому, Абдуррахман-хан находил, что замкнутость страны в известной степени соответствует интересам и его внутренней политики. Поэтому он стремился ограничить контакты своих подданных с внешним миром.

Данные «Сирадж ат-таварих» о политике Абдуррахман-хана в области культуры и просвещения дают наглядное представление об ограничении подобных связей. В годы его правления в Афганистане не выпускались газеты (в отличие от времени его предшественника — эмира Шер Али-хана), хотя материальная база для этого имелась, поскольку Абдуррахман-хан учредил в Кабуле литографию, восстановив тем самым литографское книгопечатание, прерванное в результате второй англо-афганской войны. Абдуррахман-хан покровительствовал только традиционным наукам (прежде всего богословским), поддерживая изучение и преподавание в кабульской религиозной школе «мадраса-йи шахи» таких дисциплин, как «илм-и таджвид» (наука о правилах орфоэпического чтения Корана), содействуя написанию и

публикации различных теологических трактатов, принимая личное участие в подборе учителей для названной медресе и т. п.[135]. Он не только не поощрял изучение «новых наук» (во всяком случае, в объеме, сколько-нибудь выходившем за пределы узкотехнических надобностей), но и относился резко отрицательно к модернизации образования в других мусульманских странах и заключал в тюрьму тех своих подданных, которые изъявляли крамольное желание отправиться в Турцию для обучения «новым наукам»[136]. За выезд из страны без пропускного свидетельства («рахдари») грозила смертная казнь. Передвижения своих подданных внутри страны эмир также старался поставить под контроль полиции.

Ограничивая влияние Англии, эмир решительно противился британским планам строительства железных дорог на территории Афганистана. Мало того, он запретил своим подданным пользоваться железной дорогой, проложенной английскими колониальными властями от Кветты к афганской границе, т. е. по территории их владений в Индии. Опасаясь шпионажа и стремясь резко сократить связи своих подданных с иностранцами, Абдуррахман-хан установил весьма стеснительный режим для пребывавшего в Кабуле для связи с вице-королем Индии дипломатического представителя, которым мог быть только мусульманин. Этот представитель находился под неусыпным контролем афганской полиции. Замеченных в связях с ним афганских подданных бросали в тюрьму.

Въезд европейцев в страну без особого разрешения был строго воспрещен[137]. Для въезда в Афганистан европейскому специалисту или купцу было необходимо, чтобы эмир был лично заинтересован в его приезде. Но поскольку для проезда через Индию или Белуджистан требовалось еще специальное разрешение английских колониальных властей, Афганистан в конце XIX — начале XX в. стал в полном смысле «запретной страной» для европейцев.

Относительно продолжительное время в Афганистане могли проживать лишь немногочисленные иностранные специалисты (преимущественно англичане), приглашенные эмиром и находящиеся у него на службе. Хотя Абдуррахман-хан и проявлял интерес к технике (прежде всего непосредственно связанной с военным делом), он и при приглашении необходимых ему специалистов не отступал от своего принципа держать страну на замке,

стараясь свести число приглашенных к минимуму. За годы его правления в Афганистане побывало всего лишь около 20 иностранных специалистов, в том числе инженеры и механики, занятые на строительстве и работе на кабульском оружейном заводе,— Жером, Пайн, Стюарт, Эдвардс [138].

Стремление Абдуррахман-хана ограничить контакты населения страны с внешним миром не следует смешивать с его отношением к навязанному Англией контролю над внешней политикой Афганистана, который умалял личный престиж эмира и ограничивал суверенитет афганского государства. Как отмечалось выше, он пытался (направив своего сына Насрулла-хана со специальной дипломатической миссией в Лондон) выйти из-под контроля английских колониальных властей в Индии и добиться установления непосредственных (прямых) связей с Англией. Он также добивался получения дипломатического (консульского) статуса для своего представителя в Мешхеде. Однако эти попытки, равно как и шаги к расширению связей с Россией, не имели успеха.

Вскоре после прихода к власти Абдуррахман-хан начал борьбу за централизацию государства, принимая меры к укреплению государственного аппарата и совершенствованию административно-полицейской системы, причем уделял большое внимание тайной полиции и организации широкой сети секретной агентуры, повсеместного соглядатайства и шпионажа в стране [139]. Сведения об этой стороне его правления содержатся во многих источниках, в частности в жизнеописании эмира, изданном Султан Мухаммад-ханом [140]. Однако до введения в научный оборот документов архивов Афганистана наиболее детальные данные по этому вопросу могут быть получены из третьего тома «Сирадж ат-таварих».

Доклады и рапорты чиновников и военачальников Абдуррахман-хану проверялись по параллельным или синхронным материалам, поставлявшимся тайными осведомителями. Они сообщали о выполнении на месте приказов и инструкций эмира, информировали об отступлениях от его предписаний, а также о неполадках и непорядках, бесчинствах и коррупции должностных лиц, о взяточничестве, хищениях и т. п. Так, об обманах откупщика в Каттагане в 1896 г. доносил эмиру его тайный агент («вакиа-нигар»), находившийся в этой области [141]. О вымогательствах чиновников в населенных пунктах Каттагана и Бадахшана эмиру стало известно

от тамошних тайных агентов и из жалоб райатов [142]. Из докладов нукаров (солдат) по имени Миан Гул и Мухаммад Сафар-хан, тайно собиравших сведения в Джелалабаде, эмир узнал о бездеятельности («сидении по домам») джелалабадских властей [143]. От находившихся в Афганском Туркестане осведомителей эмир получил сведения о гнете и насилиях тамошних хакимов, забитов, амилей, кази и сборщиков податей из канцелярии по контролю («санджиш») [144]. Последнее, как видно, особенно возмутило Абдуррахман-хана, возлагавшего большие надежды на организованное им ведомство контроля. Он сменил управлявшего им в Туркестане сардара Мухаммад Азиз-хана и назначил его... в «диван контроля» в Кабуле. Как известно, ненадежность и продажность контролеров побудила эмира создать «контроль над контролем» (дафтар «санджиш-и санджиш»).

Распространение широко разветвленной сети слежки, шпионажа и доносов создавало в стране атмосферу страха и взаимного недоверия. Результатами доносов были жестокие репрессии. Ложные доносы сурово карались эмиром [145]. Но искоренить пороки созданной им системы было нелегким делом. По словам афганского историка М. Г. М. Губара, во времена Абдуррахман-хана привольно жилось только его тайным агентам. Страх перед эмирскими тайными агентами был столь велик, что находились предприимчивые люди, которые распускали о себе слухи, будто они — агенты эмира. Целью этих самозванцев были вымогательства. О случаях разоблачения подобного рода самозванцев рассказывается в официальной истории [146].

Тайная полиция Абдуррахман-хана выполняла также функции контрразведки и разведки, о чем имеются неоднократные сообщения в «Сирадж ат-таварих» [147].

Самыми суровыми мерами эмир добился безопасности на караванных путях, обрекая пойманных разбойников на мучительную смерть от голода и жажды, сажая их в специально изготовленные железные клетки. Такие клетки с осужденными на смерть людьми подолгу висели для всеобщего устрашения на придорожных столбах. Репрессиям подвергались и родственники разбойников, попавших в руки эмира [148]. Вообще наказания преступивших закон и ослушников воли эмира отличались исключительной жестокостью.

Классовый характер внутренней политики эмира выражался в безжалостном подавлении народных восста-

ний, во многих из которых главными движущими силами выступали крестьянские массы. Различные по своему характеру восстания, направленные против власти эмира, особенного размаха и силы достигли во второй половине 80-х — начале 90-х годов XIX в. «Сирадж ат-таварих» содержит немало сведений о народных выступлениях. Наряду с ними в источнике можно найти и материалы о политике эмира в отношении сепаратистских выступлений знати пуштунских племен.

Абдуррахман-хану не удалось окончательно подорвать влияние и власть знати пуштунских племен, ханы которых оставались носителями феодального сепаратизма. Эмир должен был считаться с их интересами, что ограничивало значение его централизаторских мероприятий. Впрочем, когда он считал необходимыми крутые меры, он их применял даже в отношении наиболее привилегированных (дурранийских) кланов и их ханов. Характерным эпизодом, показывающим это, было насильственное переселение 1362 дурранийских семей из Кандагарской области в Бадгис в 1885/86 г.[149].

В положении пуштунских племен при Абдуррахман-хане происходили существенные изменения, одной из причин которых было падение роли кочевников-торговцев («повинда») в транзите товаров, подорванном в результате строительства и ввода в эксплуатацию английскими властями железных дорог к Хайбарскому и Боланскому горным проходам. Основные перевозки грузов стали совершаться по этим путям, а остальные, традиционно использовавшиеся в прошлом купеческими караванами повинда, потеряли теперь прежнее значение.

В торговлю втягивалась часть пуштунских феодалов во главе с самим эмиром. Он монополизировал торговлю важнейшими экспортными и импортными товарами. Выступая как крупнейший купец в государстве, Абдуррахман-хан вместе с тем принимал меры с целью поощрить участие афганского купечества во внешней торговле и ограничить преобладание в ней иностранцев. Его политика способствовала некоторому увеличению роли афганского купечества в торговле страны. Он пытался унифицировать меры веса и длины, а также ввести единую монетную систему. В Кабуле был построен монетный двор, на котором машинным способом чеканились серебряные и медные деньги. Эти мероприятия были выгодны в первую очередь купечеству и связанным с торговлей феодалам.

В целом внутренняя политика эмира Абдуррахман-хана отражала прежде всего интересы той части класса феодалов, которая в отличие от ханов племен, опиравшихся на силу возглавляемых ими ополчений, постоянно нуждалась в крепком централизованном государстве с его аппаратом насилия и принуждения для обеспечения господства над эксплуатируемым крестьянством. К этой части феодалов относились военачальники, придворные, крупные чиновники, владевшие землями, пожалованными им или их предкам за службу.

Во внешней политике эмир стремился обеспечить суверенитет афганского государства, используя англо-русские противоречия. Принимая английскую помощь, Абдуррахман-хан построил арсенал в Кабуле, усилил армию и укрепил власть. Однако даже в годы наибольшего политического сближения с Англией Абдуррахман-хан предусматривал возможность разрыва с ней, причем, по сведениям, доходившим до английских властей в Индии, эмир предполагал в таком случае вновь найти убежище в русских владениях в Туркестане или Бадахшане.

Верная оценка и плодотворное использование материалов третьего тома «Сирадж ат-таварих», содержание которого, как отмечалось выше, зачастую прямо или косвенно отражает взгляды Абдуррахман-хана на положение в стране и нацелено на то, чтобы возвеличить этого монарха, невозможны без правильного понимания его роли в истории Афганистана. Между тем нередко в историографии можно встретить апологетические характеристики этого эмира.

Деятельность Абдуррахман-хана как правителя и человека была полна противоречий. Он был, особенно в последние годы жизни, исключительно жестоким правителем и оставил о себе память в Афганистане как о беспощадном тиране.

Приведем одну из самых объективных его характеристик, принадлежащую известному русскому ученому Н. А. Аристову, который подчеркивал, что приобщение к европейской цивилизации афганских эмиров выразилось прежде всего в стремлении усвоить европейскую военную технику и военную организацию. Н. А. Аристов отмечал, что «регулярные войска по англо-индийскому образцу» были заведены еще Шер Али-ханом и что Абдуррахман-хан пытался «устроить в Кабуле всевозможные мастерские, заводы и фабрики от оружейных до произ-

водящих свечи и мыло». Однако, указывал Н. А. Аристов, «заимствование европейской техники должно необходимо повести за собою усвоение и европейской науки, на которой основана техника», между тем Абдуррахман-хан «не решился приступить к учреждению в Кабуле учебных заведений с преподаванием европейских наук...» [150].

И. М. Рейснер в 1929 г., отмечая, что английская помощь «весьма пригодилась энергичному эмиру» при окончательном подчинении окраин «путем политики решительной централизации», дал такую оценку деятельности Абдуррахман-хана: «Пользуясь своим положением — единственного посредника между Афганистаном и внешним миром, опираясь на превосходство военной техники и постоянный приток финансовой помощи из-за английской границы, кабульский эмир решил возвыситься до положения афганского государя и стать из феодального главы независимых племен настоящим монархом. Отсутствие крупных городских поселений и слабое развитие торгового капитала лишили молодой афганский абсолютизм просвещенного характера и сузили его историческую роль».

Далее И. М. Рейснер, ссылаясь на автобиографию Абдуррахман-хана, утверждал, что в ней этот эмир «изо всех сил стремится представить свою деятельность в духе лучших образцов XVIII века в Европе», но по существу он был «не столько глубоким реформатором, как искусным полководцем и прежде всего носителем интересов первенствующей афганской национальности в деле подавления национальных меньшинств. Пробуждающееся третье сословие находит в нем лишь слабую поддержку» [151].

Существенные негативные стороны во внутренней политике эмира Абдуррахман-хана справедливо подчеркивал известный советский востоковед М. Г. Асланов. Рассматривая итоги второй англо-афганской войны, он констатировал, что в конце этой войны Англия использовала «для борьбы с восставшим народом» Абдуррахман-хана, что «первым шагом нового эмира была жестокая расправа с вождями народного движения, направленного против оккупантов». Правда, далее М. Г. Асланов останавливается на образовании в последней трети XIX в. «централизованного многонационального государства афганских помещиков и купцов» и отмечает, что «возникновение этого государства, вызванное социаль-

но-экономическими причинами, было ускорено необходимостью организации сопротивления английским колонизаторам... и явилось важным положительным фактом в истории афганского народа, и прежде всего важнейшим фактором в обеспечении его национальной независимости» [152]. Эта оценка исторического значения социально-экономических и политических процессов, протекавших в афганском государстве в последней трети XIX в. (которая относится не только ко времени правления Абдуррахман-хана, но и его предшественника Шер Али-хана), признание объективно-положительных исторических результатов всего рассматриваемого периода не снимают того факта, что режим Абдуррахман-хана был очень тяжким для народа, хотя проведенные им мероприятия и способствовали постепенному преодолению последствий второй англо-афганской войны и английской оккупации, а затем, в начале XX в., росту городов, торговли, приобщению к ней части феодального класса и началу процесса формирования национального купеческого капитала и внутреннего рынка.

Многое в деятельности Абдуррахман-хана, хотел он этого или нет, создавало предпосылки для появления в дальнейшем ростков нового.

Вместе с тем из признания положительного характера объективных исторических последствий таких сторон деятельности Абдуррахман-хана, как централизация государства и укрепление эмирской власти, достигнутых драконовскими мерами, отнюдь не вытекает правомерность идеализации его личности или режима. Изложенный выше материал показывает, что внешняя и внутренняя политика Абдуррахман-хана была весьма противоречива и данные источников, в том числе официальной истории Афганистана, не дают оснований для апологии его деятельности.

Глава II

СОБЫТИЯ 60—70-х ГОДОВ XIX в. И ИХ ОСВЕЩЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ АФГАНИСТАНА

Как уже отмечалось выше, автобиографические произведения эмира Абдуррахман-хана занимают особое место среди источников официальной истории «Сирадж ат-таварих». Биографические сведения о самом Абдуррахман-хане, начиная с его детских лет и до прихода к власти в 1880 г., изложены во втором томе «Сирадж ат-таварих» главным образом на основе его сочинения «Панд-нама-йи дунйа ва дин». Однако значение этого сочинения Абдуррахман-хана и связанных с ним нескольких других книг автобиографического цикла отнюдь не сводится к воспроизведению в официальной истории заимствованных из них фактов, относящихся к описанию раннего периода жизни эмира. Значение автобиографических произведений, как принадлежащих самому Абдуррахман-хану, так и приписываемых ему, прослеживается не только во втором томе «Сирадж ат-таварих», но и в третьем томе, поскольку взгляды этого эмира во многом сказались на освещении и анализе событий, описанных в официальной истории. Влияние оценок и субъективных мнений Абдуррахман-хана прежде всего прослеживается в описаниях тех событий, современником которых он был в годы своей молодости, т. е. в 60—70-х годах.

Детство Абдуррахман-хана (род. в 1844 г.) прошло в Кабуле (при дворе его деда эмира Дост Мухаммад-хана), а отрочество и юность в Южном Туркестане, где его отец Мухаммад Афзал-хан с начала 50-х годов управлял Балхом. В девятилетнем возрасте (т. е. в 1853 г.) он отправился из Кабула к отцу в Балхскую область. Спустя четыре года весной его отец отправился в Кабул, оставив мальчика своим заместителем. В начале зимы следующего года отец написал ему из Кабула, что эмир

Дост Мухаммад-хан удостоил своего внука Абдуррахман-хана чести быть правителем Таш-Кургана [1].

Через некоторое время Мухаммад Афзал-хан возвратился в Балх, отобрал сделанные его сыном подарки приближенным и отменил произведенное им уменьшение размера земельного налога (по случаю неурожая). Убедившись, что не располагает полнотой власти, позволяющей ему управлять в соответствии со своими желаниями и намерениями, юный Абдуррахман-хан переехал в Тахтапул и продолжил там свое обучение («уроки») оставив на будущее административную деятельность [2].

Обучение, которое проходил в те годы Абдуррахман-хан, включало такие типичные для воспитания знатного юноши феодальных времен занятия, как верховая езда, стрельба и другие военно-спортивные упражнения, охота на зверя и на дичь со свитой в несколько сот всадников, с собаками и ловчими птицами. Вместе с тем в воспитании и образовании Абдуррахман-хана были некоторые особенности, сказавшиеся на формировании его взглядов и характера. Одним из его учителей был Кэмпбелл, офицер английского происхождения, принявший ислам и находившийся на афганской службе под именем Шер Мухаммад-хана. У этого наставника, занимавшего пост командующего войсками Балхской области, Абдуррахман-хан обучался военному делу, получал у него инструктаж по разным вопросам, в частности по искусству врачевания [3].

В юные годы Абдуррахман-хан проявлял склонность преимущественно к военным занятиям и к ремеслам. На этом поприще он добился определенных успехов, усердно работая в оружейной мастерской под руководством мастеров, выписанных для него отцом из Кабула. Рассказывая об этом, Абдуррахман-хан с гордостью сообщает, что научился делать оружие и собственными руками изготовил три двустволки, причем они были признаны лучшими, чем сделанные его учителем [4].

Значительно хуже у Абдуррахман-хана продвигалось усвоение мусульманской книжной учености, к чему он, как видно, не проявлял в юные годы ни желания, ни способностей. Он испытывал серьезные затруднения даже при приобретении самых элементарных навыков в грамоте. Рассказывая о своих первых занятиях в Балхе в отроческие годы, он впоследствии вспоминал, что чтение и письмо давались ему очень туго и его мысли были больше заняты верховой ездой и стрельбой. По собст-

венному рассказу, он научился свободно читать и писать только почти что в восемнадцатилетнем возрасте (притом не без помощи потусторонних сил, оказавших ему поддержку в лице некоего святого, ниспосланного в ответ на его молитвы и являвшегося к нему во сне) [5].

В 50-х годах Абдуррахман-хан, несмотря на молодость, участвовал в военных действиях, происходивших на севере страны, где войска эмира Дост Мухаммад-хана продолжали завоевание местных узбекских и таджикских ханств. По распоряжению своего отца Абдуррахман-хан вместе со своим дядей Мухаммад Азам-ханом возглавил балхские отряды, выступившие против каттаганского правителя Аталык-хана. Весной 1858 г. войска Аталык-хана были разбиты и он бежал в Рустак под покровительство бадахшанских ханов. Правителем захваченных афганскими войсками областей был назначен Абдуррахман-хан. Стараясь укрепить свою власть, Абдуррахман-хан и Мухаммад Азам-хан направили повсюду своих представителей с небольшими отрядами конницы и в сопровождении кази «для процветания дела священного шариата», вознаграждая покорявшихся им местных феодалов. Однако, несмотря на готовность некоторых местных феодальных владетелей и аксакалов признать власть Кабула, население в ряде случаев отказывалось повиноваться афганским завоевателям и поднимало восстания. Аталык-хан отправился из Рустака в Кулаб, где правил его родственник Сары-бек. Кулябский хан предоставил в распоряжение Аталык-хана 10 тыс. человек, которые совместно с 2 тыс. каттаганцев и 10 тыс. бадахшанцев развернули военные действия в районе укреплений, построенных афганскими войсками. Они нападали на афганские посты и обозы, захватывали в плен и уничтожали мелкие отряды афганских войск [6]. Война приняла затяжной характер. При подавлении восстаний афганские военачальники действовали очень жестоко. Как пишет сам Абдуррахман-хан, он расстреливал пленных из орудий, и за три года было уничтожено 5 тыс. «воров и разбойников» из бадахшанцев, кулябцев и хисарцев помимо 15 тыс. человек, убитых в сражениях. В 1858 г. в районе Таликана произошло решающее сражение между войсками Абдуррахман-хана и отрядами восставших, которое длилось девять часов. Отсутствие единства и сплоченности среди восставших было одной из причин их поражения. Абдуррахман-хан «в назидание выстроил башню из голов убитых» [7].

Затяжная война на левобережье Амударьи вызвала вмешательство эмира Бухары. Дост Мухаммад-хан распорядился направить часть войск против бухарцев. Перевес сил оказался на стороне афганцев, бухарский эмир вынужден был отступить. Одержанная победа позволила Дост Мухаммад-хану заключить в 1859 г. договор, по которому граница между Бухарой и Афганистаном проходила по среднему течению Амударьи. Афганским наместником вновь подчиненных областей был назначен Мухаммад Афзал-хан. Под его нажимом правитель Бадахшана признал себя вассалом Афганистана. В 1859 г. между эмиром Дост Мухаммад-ханом и правителем Бадахшана Султан-шахом было достигнуто соглашение, согласно которому правитель Бадахшана обязывался участвовать со своими войсками на стороне Афганистана в случае военных действий против другого государства и признавал контроль Дост Мухаммада над своими внешними связями. Кроме того, он передал в распоряжение афганского эмира разработки месторождений рубинов и лазурита, обязывался выплачивать дань и посылать своих сыновей заложниками к Дост Мухаммад-хану [8].

В 50-х — начале 60-х годов XIX в. эмиру Дост Мухаммад-хану удалось объединить под своей властью основные области Афганистана, входившие с середины XVIII в. в состав этого государства, исключая, однако, Пешавар и другие города и населенные пуштунами земли правобережья р. Инд, которые после аннексии Англией Панджаба в 1849 г. оказались в пределах британских колониальных владений в Индии. В феодальном государстве Дост Мухаммад-хана не существовало прочных экономических связей между вошедшими в него областями. Эмир сумел добиться некоторых временных успехов в обуздании сепаратистских тенденций многочисленных местных феодалов, однако объединенное им государство еще не было стабильным и устойчивым, и это показали междоусобия, разгоревшиеся в Афганистане вскоре после его смерти.

В конце своего правления Дост Мухаммад-хан в июне 1862 г. предпринял поход на Герат. Он выступил с сильным войском из Кандагара, подошел в начале июля к Герату и осадил его. В конце мая 1863 г. город был взят. Дост Мухаммад-хан ненадолго пережил последнюю свою победу и 9 июня этого же года в Герате скончался.

На четвертый день после смерти Дост Мухаммад-хана в Герате состоялось провозглашение его наследника Шер Али-хана (род. в 1823 г.) эмиром Афганистана [9]. В Герате тогда находились почти все сыновья Дост Мухаммад-хана, одним из немногих отсутствовавших был его старший сын Мухаммад Афзал-хан (род. в 1811 г.), правитель Южного Туркестана. Вскоре Шер Али-хан выехал в Кабул, оставив в Герате сильный гарнизон и назначив наместником своего третьего сына Мухаммад Якуб-хана (тогда еще несовершеннолетнего) [10].

Смуты 60-х годов и отъезд Абдуррахман-хана в Среднюю Азию

Сначала все братья Шер Али-хана согласились признать его власть, но вскоре они вступили в междоусобную борьбу, и военные действия охватили всю страну. Мухаммад Афзал-хан и Мухаммад Азам-хан боролись за эмирский трон; Мухаммад Амир-хан и Мухаммад Шариф-хан противились распространению власти Шер Али-хана на области, которые они считали собственными наследственными владениями; другие братья поднимали мятежи в ответ на попытки эмира ликвидировать феодальные привилегии, такие, как право иметь личные войска и не уплачивать в казну налога со своих земель. Одним из первых против нового эмира выступил Мухаммад Азам-хан, обосновавшийся в Зурмате, однако он не смог противостоять эмирскому войску, бежал в Кохат и поселился затем в Равалпинди (Панджаб), пользуясь покровительством английских колониальных властей и получая от них содержание [11].

Руководители английской колониальной политики всемерно содействовали дальнейшему разжиганию междоусобиц в Афганистане, что было связано с их политикой на северо-западной границе Британской Индии. Продолжая проводить после подавления индийского восстания 1857—1859 гг. политику «закрытой границы» в отношении горных пуштунских племен, британские колониальные власти, однако, систематически направляли карательные экспедиции в их земли, прежде всего в районы, расположенные между Сватом и Индом, где вместе с пуштунами активное участие в борьбе против английских войск принимали эмигранты из Индии, сторонники мусульманского движения «тарика-йи мухам-

мадийа»[12]. Британские колонизаторы рассматривали земли пограничных пуштунских племен как объект своей экспансии, а потому считали нежелательным укрепление в этих землях влияния и власти эмиров Афганистана. Для тех, кто руководствовался подобного рода политическими расчетами, междоусобия в Афганистане представлялись выгодными.

На втором году после смерти Дост Мухаммад-хана вспыхнул крупный вооруженный конфликт между эмиром Шер Али-ханом и его старшим братом Мухаммад Афзал-ханом. Эмирские войска одержали победу в сражении в горной местности Баджгах, в одном из горных проходов Гиндукуша, после чего Шер Али-хан назначил Фатх Мухаммад-хана правителем Южного Туркестана, взятого же под стражу Мухаммад Афзал-хана под конвоем отправил в Кабул, а затем в Газни и держал там в заключении[13].

Вскоре междоусобная борьба в Афганистане разгорелась с еще большей силой, и в числе активных противников эмира оказались его братья Мухаммад Амин-хан и Мухаммад Шариф-хан. Решающее сражение с ними войск Шер Али-хана произошло в июне 1865 г. при Каджбазе, в районе Келат-и Гальзаи. В ходе битвы, в которой победу одержали эмирские войска, состоялся поединок между Мухаммад Али-ханом (любимым сыном и наследником эмира) и Мухаммад Амин-ханом, закончившийся гибелью обоих[14]. Шер Али-хан впал в тяжелую душевную депрессию и долгое время, находясь в Кандагаре, не мог заниматься государственными делами. Вести об этом распространились по стране и способствовали усилению беспорядков. Надеясь воспользоваться благоприятной обстановкой, Абдуррахман-хан, сын Мухаммад Афзал-хана, бежавший в Бухару, возвратился оттуда и сумел склонить на свою сторону афганские войска, находившиеся в районе Акча. Затем он разбил Фатх Мухаммад-хана, занял Таш-Курган и выехал в Бамиан навстречу своему дяде Мухаммад Азам-хану, возвращавшемуся из Индии. Весной 1866 г. Мухаммад Азам-хан и Абдуррахман-хан овладели Кабулом, после чего 21 мая 1866 г. Мухаммад Афзал-хан был провозглашен эмиром[15].

Шер Али-хан отступил из Кандагара в Герат, сумел там укрепиться и распространил свое влияние на Южный Туркестан. Руководители британской колониальной политики поспешили признать Мухаммад Афзал-хана

эмиром Кабула и Кандагара, но одновременно продолжали признавать и Шер Али-хана, правившего в Герате, что вызывало недовольство Мухаммад Афзал-хана. Продолжая доверять английским властям, он пытался установить сношения с Россией, предполагая найти в ней более надежную опору.

7 октября 1867 г. Мухаммад Афзал-хан умер. Управление Кабулом перешло в руки нового эмира — Мухаммад Азам-хана. Его власть оказалась непрочной. В 1868 г. в ходе междоусобной борьбы наступил перелом в пользу Шер Али-хана. Он направил на Кандагар войско во главе со своим сыном Якуб-ханом, который в апреле овладел этим городом. 11 сентября 1868 г. Шер Али-хан занял Кабул [16].

Мухаммад Азам-хан направился в Балх к своему племяннику Абдуррахман-хану. Вместе с ним он вскоре появился в районе Газни, где пытался утвердиться и продолжать борьбу. Но туда прибыло сильное войско эмира Шер Али-хана. В январе 1869 г. у Зурмата произошла решающая битва. Мухаммад Азам-хан и Абдуррахман-хан потерпели поражение и потеряли всё: войско, пушки, казну. С немногими оставшимися верными им людьми, без денег и без надежд на продолжение борьбы, они вынуждены были бежать за границу. Сначала они направились в пограничные с Индией земли, где, преодолев многие опасности и претерпев большие лишения, проследовали через территории племен вазир, ширани и какар, а затем через пустыни Белуджистана в Систан и далее в Иран, к Мешхеду [17].

Через некоторое время Мухаммад Азам-хан умер, а Абдуррахман-хан получил разрешение на выезд от иранского шаха и отправился через туркменские пустыни в Хивинское ханство. Совершив за 40 дней трудное путешествие, он в сентябре 1869 г. достиг пределов этого государства. В архиве хивинских ханов сохранилось письмо, посланное им правителю Хивы при въезде в его владения [18]. Местный историк Агехи свидетельствует, что Абдуррахман-хан, считавшийся необыкновенно храбрым воином, был принят хивинским ханом в четверг, 18 сентября. В рассказе об этой аудиенции, изложенном в позднейших вариантах «Автобиографии» Абдуррахман-хана, сообщается, что она имела место через два дня после прибытия в столицу Хивы; беседа велась через назначенного ханом переводчика, так как в то время Абдуррахман не знал местного языка [19].

В первоначальном варианте истории событий 60-х годов и своего жизнеописания, составленном весной 1870 г. для туркестанского генерал-губернатора, Абдуррахман-хан так вспоминал о своем пребывании в Хиве: «Двадцать дней прожил в Хиве, пользовался большими милостями и изучил в совершенстве хивинское управление»[20]. Далее он сообщал, что хивинскому хану 25 лет и что вторым после хана человеком в государстве был афганец-гильзай, который «управляет всеми делами». Особо Абдуррахман-хан останавливался на положении рабов в Хивинском ханстве (их, по его словам, насчитывалось там около 15 тыс.). Отмечая тяжесть подневольного труда находившихся в Хиве рабов из афганцев, иранцев «и различных племен», он утверждал, что они «чрезвычайно обременены работами», приходили к нему с жалобами и говорили, «что если бы с какой-нибудь стороны пришло войско, то они выдали бы всех хивинцев, чтобы избавиться от рабства и вернуться на родину»[21].

Абдуррахман-хан, после 20-дневного пребывания в Хиве, получив перед отъездом от хивинского хана ценные подарки, отправился в Бухару. Свое пребывание в Бухаре Абдуррахман-хан, видимо, с самого начала рассматривал как временное, намереваясь проехать оттуда в русские владения. Сам он сообщал, что путь от Хивы до Бухары занял у него 15 дней; по приезде туда он отправил письмо туркестанскому генерал-губернатору, а второе письмо послал в Самарканд из Карши (где тогда находился бухарский эмир) с просьбой на случай «если через 10 дней меня эмир не отпустит к Вам, то чтобы Вы меня вытребовали». Что касается намерений Абдуррахман-хана искать убежища и помощи у русских властей, то они были у него значительно раньше и, вероятно, даже во времена, предшествовавшие его приезду в среднеазиатские ханства. Впоследствии он утверждал, что уже с самого начала своей эмиграции, находясь на границе Индии, он отказался от предложения своего дяди вступить в сношения с Англией, имея в виду обратиться к русским властям. Оказавшись в Средней Азии, Абдуррахман-хан неоднократно обращался с письмами к царским властям с просьбами о разрешении ему приехать в русские владения[22].

Наконец 13 февраля (по старому стилю) 1870 г. он прибыл в Самарканд с семьей, приближенными, воинами и слугами; «всех авган» с ним было 221 человек[23].

В среднеазиатских владениях России Абдуррахман-хан прожил затем около 10 лет, получая от царских властей крупную субсидию. Постоянным его местопребыванием оставался Самарканд, но он неоднократно выезжал в Ташкент, где присутствовал на приемах, праздничных увеселениях и балах у генерал-губернатора Кауфмана, который нередко приглашал его также на парады, маневры и воинские учения. Однажды Абдуррахман-хану удалось познакомиться с использованием в военном деле электрического тока, наблюдая взрыв мины на р. Садар, осуществленный путем включения тока с пункта, расположенного от места взрыва на значительном расстоянии, причем Абдуррахман-хану была предоставлена возможность самому соединить проводник с батареей. Для удовлетворения интереса, возникшего у Абдуррахман-хана в связи с этим эпизодом, для него был переведен на персидский язык раздел из русского гимназического учебника физики, посвященный электричеству. Автором этого учебника был петербургский академик Э. Х. Ленц (1804—1865). Для понимания некоторых вопросов, изложенных в переведенном разделе учебника, требовалось знакомство с тригонометрическими формулами; подготовка Абдуррахман-хана, ограничивавшаяся элементарными сведениями из арифметики, была недостаточной. Однако имевшиеся в этом разделе учебника многочисленные описания физических опытов, по-видимому, давали ему возможность получить некоторое представление об электричестве, хотя бы частично соответствовавшее уровню преподавания физики в русских гимназиях 70-х годов XIX в. Впрочем, Абдуррахман-хан интересовался преимущественно прикладной, практической стороной дела. И хотя в дальнейшем для него были доставлены в Самарканд выписанные из Петербурга различные физические приборы, результаты его занятий в изучении физики оценивались скептически в воспоминаниях, опубликованных о нем в русской прессе, причем отмечалось, что в своей самаркандской усадьбе Абдуррахман-хан часто устраивал взрывы мин с помощью электрического тока и развлекался, заставляя людей из своей свиты и челяди становиться в круг и держать в руках оголенный провод, по которому пропускался электрический ток [24].

Годы жизни в Самарканде заметно расширили кругозор Абдуррахман-хана и в дальнейшем, после возвращения на родину, он сохранил интерес к технике (пре-

имущественно в военном деле), учредил в Кабуле с помощью английских специалистов военный завод, а также основал различные мастерские.

Реформы 70-х годов XIX в.

В те годы, когда Абдуррахман-хан находился в качестве эмигранта в Средней Азии, Шер Али-хан, победивший своих соперников, единовластно правил в Афганистане и начал осуществление серьезных реформ в различных областях жизни страны. Закрепив за собою в 1869 г. эмирский трон и распространив свою власть на территории, входившие в состав государства Дост Мухаммад-хана, Шер Али-хан занялся ликвидацией тяжелых последствий междоусобной войны. Чтобы усилить центральную власть, ослабленную этой войной, эмиру были необходимы прежде всего войско и деньги. Шер Али-хан готов был опереться на поддержку извне и принял помощь, предложенную ему Англией. Но начиная переговоры с Англией, эмир не поступался суверенитетом Афганистана, стремился сохранить самостоятельность и не шел на отказ от права беспрепятственно устанавливать дипломатические связи с другими государствами.

Приняв приглашение вице-короля Индии Майо посетить Индию, Шер Али-хан встретился с ним в марте 1869 г. в Амбале. В ходе переговоров эмир добивался от английской стороны отказа от вмешательства во внутренние дела своего государства и обязательства «не признавать в Афганистане друзьями» никого, кроме его самого и его наследников. Однако британские колониальные власти ограничились декларативным осуждением междоусобиц в Афганистане, отказавшись признать права на афганский трон за Абдулла Джаном, которого Шер Али-хан назначил своим наследником.

Возвратившись из Индии, Шер Али-хан принялся за осуществление внутренних преобразований. Он начал с налоговой и военной реформы. Есть сведения о том, что Шер Али-хан решил перейти к взиманию поземельного налога только в деньгах, отказавшись от применявшейся системы сбора налогов натурой. Однако такое решение в жизнь проведено не было. Поземельный налог в Афганистане взимался, как и прежде, и в деньгах, и натурой. В Чар-вилайете (т. е. в Южном Туркестане),

по наблюдениям И. Л. Яворского, подати уплачивались населением «главным образом натурою, т. е. хлебом и скотом» [25].

Под 1293 г. х. (1876 г.) в «Сирадж ат-таварих» сообщается о том, что для упорядочения налоговой системы Шер Али-хан вызвал начальника финансового ведомства Мирзу Хабибулла-хана и поручил ему расследовать отчетность сборщиков налогов, привести в порядок канцелярии и связанные с фиском дела. К сожалению, автор официальной истории ограничился кратким сообщением, не приведя никаких подробностей об этом расследовании и о существовавшей в стране налоговой системе [26].

В начале правления Шер Али-хана годовой доход казны от налоговых поступлений определялся в 1 крор (т. е. 10 млн.) рупий, около половины этой суммы поступало из «Кабула, Кандагара и собственно Афганистана». Другая половина приходилась на Герат и связанные с ним области, т. е., по-видимому, на Южный Туркестан [27]. Сам Шер Али-хан в беседе с русскими представителями (по всей вероятности, преувеличивая) оценивал доходы Афганистана в конце своего правления в 20 млн. рупий, отмечая при этом, что главным источником дохода с города Кабула была торговля [28]. Этот город был самым крупным торговым центром страны. На двух главных рынках Кабула (Шур-базар и Чатта-базар) продавались товары из Индии, Ирана, Средней Азии и России. В городе имелось 5 больших караван-сараев [29].

О населении Кабула в рассматриваемое время имеются достоверные данные, имеющие большое значение как объективный показатель для понимания многих существенных проблем истории Афганистана в последней трети XIX в. Согласно этим данным, основанным на результатах переписи 1876 г., главным руководителем при проведении которой был кази Абдул Кадир, население Кабула было определено в 140,7 тыс., в том числе насчитывалось 103,05 «кабули», 12 тыс. таджиков, 9 тыс. пуштунов (дуррани, гильзаев и сафи), 4 тыс. индийцев, 3 тыс. кашмирцев, 3 тыс. парачи и 0,1 тыс. армян [30]. Несомненную ценность представляют приведенные уникальные данные и об этническом составе населения Кабула в 1876 г., поскольку изучение историко-этнографических вопросов исследователями народов Афганистана затрудняется недостатком достоверных цифровых данных демографического характера. Пере-

писей населения, организованных с соблюдением методики современной демографической статистики, в дореволюционном Афганистане не проводилось, а результаты проводившихся по приказам эмиров переписей в фискальных целях лишь в очень малой мере введены в научный обиход. В источниках имеются упоминания о переписях, проводившихся в годы правления эмира Абдуррахман-хана, но и они охватывали только отдельные области или города.

Кроме Кабула крупными торговыми городами Афганистана были Кандагар, Герат и Мазари-Шариф. Численность населения Кандагара и Герата определялась примерно в 50 тыс. жителей в каждом, а в Мазари-Шарифе (по приблизительной оценке) — до 25 тыс. [31].

Свидетельства современников и такие объективные показатели, как численность населения Кабула в 1876 г. (не превзойденная затем ни к концу XIX в., ни в первые десятилетия XX в.), говорят о прогрессе Афганистана в 70-х годах, а также о том, что реформы Шер Али-хана способствовали развитию экономики, а его начинания в области культуры и просвещения в известной мере предвосхищали преобразования в этой сфере, проведенные в стране позднее, в первые десятилетия XX в.

Стремясь укрепить центральную власть, Шер Али-хан предпринял попытки усовершенствовать административную систему, создал первый в истории Афганистана кабинет министров, а также учредил совещательный орган, который должен был давать эмиру советы по делам управления страной.

Определенных успехов Шер Али-хану удалось достигнуть в укреплении военных сил государства, необходимость чего вызывалась переходом Англии к открыто агрессивной политике и возраставшей опасностью нового вторжения английских войск. Он усилил и увеличил свое регулярное войско, численность которого к осени 1878 г. была доведена до 50 тыс. В артиллерии насчитывалось свыше 300 орудий, но в большинстве это были устарелые гладкоствольные пушки. Значительная часть войска была плохо вооружена и обмундирована. В казне недоставало средств на его содержание, и солдаты нередко были вынуждены искать дополнительных приработков. Несмотря на все это, созданное Шер Али-ханом войско было боеспособным, и многие батальоны и кадровые офицеры отлично показали себя впоследствии, во время борьбы с вторжением английских завоевателей в

1878—1880 гг. При организации регулярной армии Шер Али-хан распорядился перевести на языки пушту и дари английский военный устав [32].

Особого внимания заслуживают начатые Шер Али-ханом реформы в области просвещения и культуры, в частности печатного дела. При нем была учреждена в Кабуле литография и положено начало изданию книг. Впервые литографским способом стали печататься почтовые марки достоинством в $^1/_{10}$, $^1/_4$, $^1/_2$ части рупий и в 1 рупию. В 1873 г. увидел свет первый номер газеты «Шамс ан-Нахар» («Полуденное солнце»), выходившей до середины 1878 г. К числу наиболее важных и интересных с точки зрения истории культуры начинаний Шер Али-хана относятся его мероприятия в области образования. Шер Али-хан основал первую в Афганистане светскую государственную школу, помещавшуюся в Бала-Хисаре, в Кабуле. В этой школе было два отделения — военное и гражданское. Было поставлено обучение английскому языку, которое велось преподавателями-индийцами. Во многих работах современных афганских историков реформам Шер Али-хана 70-х годов XIX в. придается большое историко-культурное значение и они оцениваются как начало модернизации Афганистана [33].

Предпринимались меры по улучшению средств сообщения, строились дороги и ремонтировались мосты. Впервые была организована на современный лад почта. Почтовой связью, соединявшей Кабул с главными городами Афганистана, а также с Пешаваром, получили возможность пользоваться и частные лица, а не только эмирская администрация, как то было прежде.

Началось сооружение оружейных заводов. Закладывался новый город близ Кабула, названный Шерабад, или Шерпур. Для его строительства в 1870 г. была выделена площадь в 50 кульба, что равнялось 2 тыс. джарибов (около 400 гектаров). В официальной истории Афганистана сообщается о внешних городских стенах и внутренних (вокруг крепости — Хисара), которые предписал возводить эмир, о числе занятых на строительстве солдат (в качестве рабочих), о прибавке к жалованью этим солдатам и т. п. Более пяти лет на строительстве города трудилось 6 тыс. рабочих и около 1 тыс. квалифицированных строителей (плотников и т. п.). Работавшим на строительстве солдатам полагалась ежемесячная надбавка в 5 рупий к основному жало-

ванью, а квалифицированные строители получали поденную зарплату, тогда как раньше в стране подобного рода работы выполнялись путем использования принудительного труда («бегар») [34].

Обращаясь к характеристике Шер Али-хана как правителя, следует отметить, что он отчетливо понимал необходимость централизации государства и осуществления внутренних реформ в Афганистане для обеспечения независимости страны и ее самостоятельного развития. Он был довольно хорошо информирован о событиях, происходивших в Европе, и был в некоторой степени знаком с историей европейских государств и России, причем (как и последовавшие за ним правители Афганистана) с большим уважением относился к деятельности Петра I [35].

В ноябре 1878 г., воспользовавшись как предлогом тем обстоятельством, что эмир Шер Али-хан принял в Кабуле русскую миссию, Англия начала войну с Афганистаном [36].

Вторая англо-афганская война и возвращение Абдуррахман-хана в Афганистан

Заняв Кандагар и Джелалабад, английские войска двинулись на Кабул. Оставив наместником в столице своего сына Мухаммад Якуб-хана, Шер Али 13 декабря 1878 г. с членами русской миссии, находившимися еще в Афганистане, выехал в Мазари-Шариф. Он надеялся апелляцией к международному общественному мнению добиться прекращения неспровоцированной агрессии Англии и намеревался отправиться в Петербург для созыва международного конгресса по афганскому вопросу. Однако вскоре после прибытия в Мазари-Шариф Шер Али-хан тяжело заболел и 9 (21) февраля 1879 г. умер. Русская миссия вернулась на родину.

Уже в начале 1879 г. выяснилось, что намеченный британским командованием план ударом на Кабул быстро закончить войну оказался нереальным; положение вторгшихся в Афганистан войск становилось критическим. Однако эмир Мухаммад Якуб-хан пытался закрепиться с английской помощью на троне и распорядился прекратить военные действия. 22 мая 1879 г. его с большой пышностью приняли в лагере генерала Броуна [37]. 26 мая 1879 г. эмир заключил с английским уполномо-

ченным майором Луи Каваньяри неравноправный для Афганистана Гандамакский мирный договор, в силу условий которого Афганистан фактически терял независимость. Для контроля над деятельностью афганского эмира и над расходованием назначенной ему ежегодной субсидии (600 тыс. рупий) в Кабуле должен был постоянно находиться английский резидент с собственной вооруженной охраной. Мухаммад Якуб-хан признал за Англией «права на управление» Сиби, Пишином, Куррамом, а также на контроль над Хайбарским и Мичнинским горными проходами [38].

Английским резидентом в Афганистане был назначен Л. Каваньяри, прибывший 24 июля 1879 г. с вооруженным конвоем в Кабул. Он повел себя как в завоеванной стране, бесцеремонно вмешиваясь в дела управления. Среди населения Афганистана и в армии с каждым днем усиливалось возмущение иностранцами и шедшим у них на поводу эмиром. 3 сентября 1879 г. в Кабуле началось восстание, поднятое афганскими солдатами. К ним присоединились горожане. Повстанцы атаковали дом английского резидента и перебили всех находившихся в нем.

Происшедшие в столице события всколыхнули всю страну. Во многих местностях создавались добровольческие отряды. Завоеватели, которые после Гандамакского договора отвели почти все свои военные силы в Индию, удержались только в Кандагаре. Они предприняли новый поход на Кабул, причем в Индию для усиления сформированных для участия в этом походе войск были доставлены подкрепления из метрополии и с мыса Доброй Надежды. Возглавить карательную экспедицию было поручено генералу Ф. Робертсу. Эмир Мухаммад Якуб-хан отдал приказ гарнизону Кабула сложить оружие, но солдаты отказались подчиниться. После упорных боев англичане в октябре 1879 г. овладели столицей и начали жестокую расправу над ее защитниками и городским населением. Многие жители Кабула были казнены. Месть завоевателей обрушилась не только на жителей столицы, но и на сам город. Сильно пострадала цитадель Бала-Хисар с примыкавшими к ней жилыми кварталами [39]. При разрушениях, которым подвергся Кабул, тяжелый удар был нанесен культурным начинаниям Шер Али-хана, погибло, в частности, оборудование созданной при нем литографии, после чего развитие афганской прессы, возникшей в 70-х годах XIX в., на-

долго затормозилось, и она смогла возродиться только в начале XX в.

Эмир Мухаммад Якуб-хан был обвинен английскими властями в том, что не принял действенных мер для помощи Л. Каваньяри. 28 октября 1879 г. генерал Ф. Робертс специальной прокламацией оповестил жителей Афганистана об отречении Мухаммад Якуб-хана от трона. Низложив эмира, английские власти отправили его под конвоем в Индию и попытались взять в свои руки управление Афганистаном. При помощи денег им удалось привлечь на свою сторону некоторых феодалов, но назначенных из их числа должностных лиц для управления отдельными округами народ встречал с непримиримой враждебностью. Некоторые из таких администраторов были убиты, другие поспешили бежать под защиту английских штыков [40].

Активное участие в освободительной борьбе приняли ополчения пуштунских племен и таджики Кохистана. Они нашли себе умелого руководителя в лице афганского генерала Мухаммад Джан-хана Вардака. В довоенные годы он служил артиллерийским офицером в армии Шер Али-хана, в начале войны отличился в битве при Али Масджиде, а затем с самой лучшей стороны показал себя как военачальник в боях у Чар-Асийа. К осени 1879 г. он прибыл в один из газнийских районов, склонив предварительно к участию в предстоящих военных действиях ополчения племени вардак. В это время к джихаду против Англии призывал народ мулла Дин Мухаммад, который вместе с Мухаммад Джан-ханом Вардаком и муллой Абдул Гафуром Лангари руководил сбором ополчения племен, стекавшихся в Газнийскую область [41].

В конце ноября повстанческие отряды из Газни и других районов повели наступление на Кабул. Генералу Робертсу не удалось воспрепятствовать их соединению. Решающие бои между наступавшими на Кабул ополчениями повстанцев и английскими войсками развернулись за высоту Кох-и Асмаи, они продолжались с 11 по 14 декабря 1879 г. и завершились победой афганцев на подступах к Кабулу, вынудившей генерала Робертса с его войсками укрыться в шерпурском укрепленном лагере. Отряды воинов, боровшихся за освобождение Афганистана, окружили Кабул и 15 декабря 1879 г. вошли в него. После победы восставших волна народного гнева обратилась против сардаров, известных приспешников

Англии. Кабульские дома этих сардаров были сожжены и разграблены [42]. Освобождение столицы было достигнуто не только благодаря доблести воинов, собравшихся из различных частей страны и наступавших под руководством Мухаммад Джан-хана Вардака, Гулам Хайдар-хана Чархи и других начальников ополчений, но и благодаря активному участию в борьбе местного населения — горожан Кабула и жителей окрестных районов.

Дальнейшие действия афганцев против укрывшихся в шерпурском лагере войск генерала Робертса были неудачными. Неблагоприятное соотношение сил, складывавшееся в связи с подходом вражеских подкреплений, побудило через некоторое время Мухаммад Джан-хана Вардака отступить. Он направился в долину Майдана (в районе Газни). 4 января 1880 г. английские войска вновь заняли Бала-Хисар, разрушенную цитадель Кабула.

В конце 1879 — начале 1880 г., несмотря на то что Кабул снова оказался под властью оккупационных властей, положение завоевателей в Афганистане оставалось непрочным. Партизанская война не прекращалась. Британским правящим кругам пришлось убедиться в провале своих планов превратить Афганистан в колонию силой оружия. Они стали искать пути к возможно более выгодному для себя окончанию затянувшейся войны, стоившей много денег и не сулившей благоприятных перспектив. Некоторые руководители английской политики стали склоняться к тому, чтобы посадить на афганский трон покорного их власти эмира и оставить в отдельных пунктах страны оккупационные гарнизоны, превратив таким образом Афганистан в зависимое государство. Наряду с этими планами создавались проекты расчленения Афганистана на несколько зависимых от Англии владений.

На первых этапах англо-афганской войны царское правительство не разрешало Абдуррахман-хану выехать в Афганистан. Оно считало, что появление в Афганистане опасного для Шер Али-хана, а затем и для Мухаммад Якуб-хана претендента на трон может внести разлад в силы сопротивления и ослабить афганцев, боровшихся против завоевателей. Однако к осени 1879 г. в результате изменения обстановки в Афганистане изменилось и отношение царских властей к вопросу об отъезде Абдуррахман-хана на родину. После низложения Мухаммад Якуб-хана Афганистан остался без эмира, анг-

лийские же власти сумели установить контроль лишь над частью территории страны, а в соседний с владениями России Южный Туркестан им проникнуть еще не удалось. Появились возможности затруднить распространение власти английских оккупантов на северные области Афганистана, и царское правительство сочло целесообразным разрешить Абдуррахман-хану выехать на родину. Способствуя выходу на политическую арену нового претендента, царские власти рассчитывали, что если Абдуррахман-хану удастся утвердиться только в Южном Туркестане, он создаст там независимое владение, а в случае если он станет эмиром всего Афганистана, надеялись приобрести в его лице дружественного соседа.

30 ноября (по старому стилю) 1879 г. Абдуррахман-хан выехал из Ташкента на родину, причем официально было объявлено, что он скрылся и его «разыскивают». В действительности ему оказывалось содействие, и царские власти рекомендовали бухарскому эмиру пропустить Абдуррахман-хана в Афганистан, соблюдая, однако, большую осторожность. Не давая английской дипломатии повода обвинить Россию во вмешательстве в афганские дела, царские власти позволили Абдуррахман-хану лишь беспрепятственно выехать из своих владений, ему оказали небольшую помощь деньгами, подарили 200 берданок и разрешили закупить для его свиты револьверы в оружейных магазинах Ташкента. В Петербург из Ташкента была отправлена телеграмма, в которой сообщалось, что Абдуррахман-хан, «отправившись для свидания с родственниками в Ферганскую область», бежал за границу [43].

Первым крупным городом на его пути был Ходжент, где он остановился на шесть дней и откуда направился на Ура-Тюбе. Затем через труднопроходимые в зимнее время горы, казавшиеся непреодолимым барьером — «словно ледяная стена», Абдуррахман-хан проник со своими спутниками в Зеравшанскую долину. Он прошел через Варзи-минар и несколько других селений, пробыл некоторое время в районе Пенджикента, а оттуда проследовал на Магиан. Повернув в сторону Шахрисябза и не останавливаясь в нем, Абдуррахман-хан пробрался к границе Бадахшана [44].

Перед прибытием к переправе через р. Пяндж Абдуррахман-хан послал письмо шахзаде Хасану, правившему тогда в Файзабаде, сообщая о своем намерении

отправиться через Бадахшан в Кабул и призывая его и других своих родственников содействовать осуществлению поставленной им цели — овладению властью в Афганистане. Шахзаде Хасан на это письмо ответил отказом и приказал не пропускать Абдуррахман-хана в Бадахшан и заставить его избрать другой путь на Кабул. Абдуррахман-хан узнал об этом, уже переправившись на левый берег Пянджа. Однако он сумел обосноваться в поселении Рустак, где бывший правитель этого округа Мухаммад Умар-хан оказал ему поддержку [45].

После вступления в пределы Бадахшана Абдуррахман-хан повел политику, способствовавшую закреплению и развитию его первоначальных успехов. Ласковым обхождением, ценными подарками и изысканными угощениями, всячески задабривая еще не подчинившихся ему представителей местной знати, он стремился привлечь на свою сторону влиятельных и нужных ему людей и повысить свой престиж [46].

Уяснив, что шахзаде Хасан настроен к нему враждебно, Абдуррахман-хан организовал поход для захвата Файзабада. Шахзаде Хасан не смог оказать сколько-нибудь серьезного противодействия. В начале февраля 1880 г. Абдуррахман-хан занял Файзабад, а оттуда направился в Каттаган и остановился в Таликане [47].

Главным соперником Абдуррахман-хана в борьбе за власть в северной части страны выступал Гулам Хайдар-хан Вардак, афганский генерал, получивший от эмира Якуб-хана в 1879 г. пост наместника в Чар-вилайете и утвердившийся в Мазари-Шарифе и в других главных пунктах на левобережье Амударьи. Гулам Хайдар-хан Вардак замышлял стать правителем всей северной части Афганистана и вступил в контакт с бухарским эмиром Музаффаром, обеспечивая себе его поддержку.

Генерал Гулам Хайдар-хан Вардак направил крупные силы из подчиненных ему регулярных войск в Каттаган, намереваясь распространить свою власть на эту провинцию и на соседний с ней Бадахшан. Однако посланные им афганские войска признали своим главой Абдуррахман-хана и присоединились к нему. Это сразу изменило в пользу Абдуррахман-хана обстановку в северных провинциях. Гулам Хайдар-хан Вардак бежал в Бухару, где впоследствии был убит [48].

Утвердившись в Ханабаде, Таликане и Кундузе, Абдуррахман-хан продолжал вести осторожную и выжи-

дательную политику и старался избегать шагов, которые могли бы привести его к столкновению с Англией. Начав переписку с приехавшим в Кабул из Индии Л. Гриффином, он таким образом вступил в переговоры с английским политическим представителем.

Руководители британской политики разрабатывали в это время проекты расчленения Афганистана на «самостоятельные владения» под протекторатом Англии. Герату и Афганскому Туркестану была уготовлена участь вассальных провинций государства иранских шахов. Однако намерения английской дипломатии вызвали противодействие царского правительства, опасавшегося утверждения влияния Англии в Герате в том случае, если он будет передан Ирану. Одно из главных звеньев плана руководителей английской политики, убедившихся в провале попыток превратить Афганистан в британскую колонию силой оружия, состояло в том, чтобы найти подходящего претендента из афганской знати на пустовавший эмирский трон в Кабуле. На состоявшемся в столице Афганистана 13 апреля 1880 г. дурбаре английский политический представитель Л. Гриффин объявил, что английские войска очистят страну, как только вожди Афганистана придут между собой к соглашению о выборе эмира, дружественно расположенного к британскому правительству; при этом оговаривалось, что в Кандагарской области будет образовано «самостоятельное государство» [49].

Именно в это время, весной 1880 г., английские власти опасались одновременного наступления на Кабул отрядов Абдуррахман-хана с севера и газнийских ополчений с юга, что могло поставить войска генерала Ф. Робертса в критическое положение. В Кабул был направлен во главе с генералом Дональдом Стюартом семитысячный отряд из Кандагара, прибытие которого усилило английские оккупационные войска в столице.

Тем не менее в начале лета 1880 г. общая обстановка в стране стала весьма угрожающей для оккупантов. Обеспечить контроль над коммуникациями они не смогли. Из Афганистана в Индию поступали сведения о сборе в Газнийской области афганских ополчений численностью до 20 тыс. В сложившейся ситуации английское правительство видело в возведении на престол в Кабуле Абдуррахман-хана приемлемый для себя путь к выходу из тупика. Руководители британской политики рассчитывали, что он пойдет на существенные уступки. Абдур-

рахман-хан придерживался выжидательной тактики и, когда определилось решение английского правительства отторгнуть Кандагар от Афганистана, не уступал в этом вопросе, однако и не пошел на разрыв с Англией. Он принял приглашение встретиться с ее представителями в Кабуле, направился туда с войском в несколько тысяч человек и прибыл в Чарикар. В то же время Абдуррахман-хан продолжал вести пропаганду среди населения Афганистана, стремясь показать себя жителям страны поборником единства и независимости афганского государства. Его влияние усиливалось [50].

14 июня 1880 г. английские власти послали Абдуррахман-хану ультимативные условия, а 16 июня в Кабуле было получено известие, что он идет на столицу во главе двухтысячного отряда с 12 орудиями. Страна в целом оказалась на стороне вчерашнего эмигранта. 26 июня в Кабуле был получен ответ Абдуррахман-хана, заявившего, что он должен полностью владеть территорией, находившейся в прошлом под властью его деда эмира Дост Мухаммад-хана.

Формально в ответе был обойден вопрос о Кандагаре, по которому Англии не удавалось заставить Абдуррахман-хана пойти на уступки, но по существу его требование на владение Кандагаром было очевидно английским дипломатам. Вице-король Индии Дж. Ф. Рипон, однако, не принял тогда поспешного решения, несмотря на советы подчиненных ему должностных лиц, призывавших прекратить переговоры. Обстановка вынуждала английскую дипломатию пойти на признание Абдуррахман-хана эмиром. При содействии Л. Гриффина на сторону Абдуррахман-хана перешел мулла Мушки Алам, пользовавшийся большим авторитетом в стране.

Соглашаясь принять трон и столицу из рук Англии, Абдуррахман-хан постарался сгладить, насколько было возможно, невыгодное впечатление от этого шага среди населения Афганистана и 20 июля (т. е. накануне кабульского дурбара) провозгласил себя эмиром в Чарикаре, а 22 июля состоялся дурбар в Кабуле, на котором главный уполномоченный Абдуррахман-хана — его дядя Мухаммад Юсуф-хан сидел между генералами Д. Стюартом и Ф. Робертсом. На дурбаре представителям афганской знати было объявлено, что королева Виктория признает Абдуррахман-хана эмиром Кабула и что английские войска вскоре будут выведены из его владений [51]. В соответствии с этим английские власти переда-

ли ему столицу, оказали помощь вооружением и снаряжением, а в дальнейшем стали выплачивать крупную ежегодную субсидию.

В ходе переговоров Абдуррахман-хану удалось добиться согласия Англии на отмену предусмотренного Гандамакским договором требования о пребывании в Афганистане постоянного английского резидента с вооруженной охраной. Вместо такого резидента в Кабуле должен был находиться дипломатический агент из индийских мусульман для связи Абдуррахман-хана с английскими властями в Индии. Это означало отказ Англии от непосредственного вмешательства в управление страной. Однако Абдуррахман-хан был вынужден признать такие, весьма тяжелые для Афганистана, условия Гандамакского договора, как потеря права на самостоятельные дипломатические отношения с другими государствами, и согласиться с отторжением ряда афганских районов — Куррам, Пишин и Сиби, а также с установлением английского контроля над Хайбарским и Мичнийским горными проходами.

Эмир обязался обеспечить безопасное отступление английских оккупационных войск. Это развязало британскому командованию руки и дало ему возможность использовать наличные силы для операций в Кандагарской области. Английское правительство, намереваясь отторгнуть от афганского государства Кандагарскую область, выделило ее в «независимое владение» во главе со своим ставленником сардаром Шер Али-ханом Кандахари.

В то время как переговоры Абдуррахман-хана с Англией о признании его эмиром уже вступали в завершающую фазу, правивший в Герате Мухаммад Аюб-хан предпринял поход на Кандагар. Быстрое продвижение его войск, вышедших из Герата 15 июня 1880 г., оказалось неожиданным для британского командования. В ответ на просьбу кандагарского правителя о срочной помощи его войскам, расположенным в районе Гиришка, туда была отправлена бригада под командованием генерала Бэрроуза, выделенная из состава оккупационных войск, дислоцированных в Кандагаре. Руководители английской политики опасались, что в случае, если их войска в Кандагаре ограничатся пассивным ожиданием подхода сил Мухаммад Аюб-хана, он сможет, не задерживаясь около Кандагара, предпринять наступление на Газни.

При приближении Мухаммад Аюб-хана солдаты войск кандагарского правителя не пожелали сражаться против своих соотечественников и стали переходить на его сторону. Бригада Бэрроуза не смогла им помешать. Войско Мухаммад Аюб-хана пополнилось также многочисленными добровольцами из местного населения. В результате этих событий военная и политическая обстановка в Кандагарской области резко изменилась не в пользу Англии.

27 июля 1880 г. произошла битва около селения Майванд (в 55 км от Кандагара), в которой отряды Мухаммад Аюб-хана одержали решительную победу, разгромив бригаду регулярных войск противника, взяли два знамени, захватили две пушки, свыше тысячи ружей, много боеприпасов и снаряжения. Результаты Майвандского сражения определили судьбу Кандагара, похоронив планы отторжения этого города от Афганистана, вынашивавшиеся руководителями британской колониальной политики. Убедившись в непримиримом отношении населения Кандагара к оккупантам, они сочли за лучшее уйти из этого города и передать его Абдуррахман-хану. В апреле 1881 г. последние английские войска, находившиеся еще в Кандагаре, были отведены в Индию.

Кратко изложенное здесь описание второй англо-афганской войны может быть дополнено интересными подробностями, содержащимися в «Сирадж ат-таварих». Они не только помогают с большей полнотой восстановить отдельные эпизоды. Имеющийся в этом сочинении материал представляет интерес и в плане источниковедческом, потому что его отбор и освещение отражают взгляды, идеологические и политические установки правящих кругов Афганистана в конце XIX — начале XX в., т. е. того времени, к которому восходят истоки официальной историографии этой страны.

Описание событий второй англо-афганской войны начинается с раздела «Смерть шахзаде Абдулла Джана, наследника престола, и вступление английского войска в Афганистан» [52]. Затем с различной степенью обстоятельности рассказывается об оккупации английскими войсками Джелалабада и Куррама, далее о событиях в Кандагарской области и в смежных с нею округах, в которых принимал участие сардар Мухаммад Юсуф-хан (т. е., очевидно, прежде всего со слов этого сардара). Также подробны здесь и сведения о происходившем в

Герате, куда прибыли из Мешхеда сардар Мухаммад Аюб-хан и из Гиришка — сардар Мухаммад Юсуф-хан [53]. Довольно подробно изложены события, связанные со смертью эмира Шер Али-хана и вступлением на престол эмира Мухаммад Якуб-хана [54]. В разделе «О возвращении из Самарканда посланцев покойного эмира Шер Али-хана и о прибытии к эмиру Мухаммад Якуб-хану посланца от английского правительства» [55] приводятся десять условий договора, предложенные (в Гандамаке) английскими представителями эмиру Мухаммад Якуб-хану. Материал о внутреннем положении Афганистана на первом этапе войны в основном сводится к упомянутым выше сведениям о гератских делах и о волнениях в войсках в Герате, а также, в дальнейшем, о волнениях в полках, дислоцированных в Тахта-Пуле и в области Меймене. Кроме того, сообщается о карательной экспедиции, предпринятой по приказу эмира Мухаммад Якуб-хана афганскими властями из Газни в хазарейские районы. В этой экспедиции, направленной против непокорного Баз Али-хана Хазара-йи Джагури, принимали участие несколько байраков (полков) гарнизонной пехоты (сахлу), находившихся в Газни, с четырьмя орудиями, перевозимыми на мулах, а также конница и пехота вардаков, таджиков и газнийских племен, возглавляемые ханами.

Восстание в Кабуле и убийство прибывшего туда в соответствии с условием Гандамакского договора английского резидента Л. Каваньяри описываются в «Сирадж ат-таварих» как результат беспорядков среди солдат, требовавших увеличения жалованья, причем отмечается что недовольство солдат подогревалось матерью покойного наследника Абдулла Джана, настроенной против эмира Мухаммад Якуб-хана. Л. Каваньяри обвиняется в том, что он не сделал даже попытки узнать, по какой причине блокировали занятый им дом афганские солдаты (а они пришли, надеясь через посредство Л. Каваньяри получить надбавку к жалованью), а открыл стрельбу. Несколько афганских солдат было убито, и только тогда, увидев пролитую кровь, остальные солдаты бросились к эмирскому арсеналу, силой захватили оружие, напали на английское резидентство, перебили там всех и сожгли дом [56]. Далее сообщается о судьбе эмира Мухаммад Якуб-хана, явившегося в английский лагерь и отправленного под стражей в Индию [57].

Освободительная война против английских завоевателей, развернувшаяся в Афганистане после низложения эмира Мухаммад Якуб-хана, представляется в «Сирадж ат-таварих» как борьба газиев (борцов за веру) против иноверцев, устранивших законного монарха. Для официальной истории афганского государства, каковой является «Сирадж ат-таварих», этот религиозно-легитимистский взгляд на сущность народной войны вполне естествен. Однако вне зависимости от того, как в книге называются и как понимаются события, приводится много фактов, объективно показывающих народный характер войны, предательство значительной части сардаров, жестокость завоевателей, которым террор не помог поставить на колени непокорных.

Во время карательного похода на Кабул войск генерала Ф. Робертса месть английских завоевателей обрушилась не только на жителей столицы, но и на сам город. Бала-Хисар с примыкающими к нему жилыми кварталами был разрушен, и в течение более чем полустолетия в этом районе оставались лишь груды камней и развалины. Приведенные в «Сирадж ат-таварих» факты показывают, как оккупанты обращались с населением афганской столицы и ее окрестностей. Приказав всем жителям Бала-Хисара выселиться, английские военные власти определили им двухдневный срок для вывоза имущества. Уложиться в этот срок было заведомо невозможно. В назначенное время, совершенно не считаясь с оставшимися людьми и их имуществом, английские войска начали все громить. Разрушив все здания в Бала-Хисаре, англичане перевезли оттуда в Шерпур все пригодное для строительства дерево, которое было ими использовано на работах по восстановлению шерпурского военного лагеря [58].

При описании подготовки военных сил пуштунов и других народов страны к дальнейшей борьбе в «Сирадж ат-таварих» приводятся сведения о том, что в Газнийскую область (ставшую с осени 1879 г. центром этой подготовки) прибыл генерал Мухаммад Джан-хан Вардак, склонив предварительно к военным действиям ополчения племени вардак. Далее сообщается, что к священной войне против Англии призывали мулла Дин Мухаммад и мулла Абдул Гафур Лангари. Упомянуты названия следующих пуштунских племен и кланов, отряды которых собрались в Газнийской области: вардак, андари, вазир, джадран и гильзай из кланов тараки и сулей-

ман-хель; наряду с ними сообщается и об отрядах таджиков [59].

Сражениям между народными ополчениями и английскими войсками, происходившим на подступах к столице Афганистана с 11 по 14 декабря 1879 г., посвящен раздел, озаглавленный «О битве при Тепе-Маранджан и Кох-и Асмаи и о мученической смерти Мухаммад Осман-хана» [60]. Здесь говорится о подвиге, совершенном Мухаммад Осман-ханом во время упорных боев, развернувшихся за высоту Кох-и Асмаи, неоднократно переходившую из рук в руки. В ходе этих боев афганцы, потесненные мощной атакой англичан, возглавленной полковником Дженкинсом, вынуждены были временно оставить высоту. Защищая уже покинутую основными силами афганцев позицию, девять газиев во главе с Мухаммад Осман-ханом залегли и отстреливались от наступавших батальонов Дженкинса. Они сражались до последней возможности, пока все не погибли. В итоге сражение за высоту Кох-и Асмаи закончилось победой афганцев, что оказало большое влияние на исход битвы на подступах к столице. Отряды газиев окружили Кабул и 15 декабря 1879 г. вошли в него.

Освобождение столицы было достигнуто не только благодаря доблести воинов, собравшихся из различных частей страны и наступавших под руководством Мухаммад Джан-хана Вардака, Гулам Хайдар-хана Чархи и других вождей народных ополчений, но и благодаря активному участию в борьбе местного населения — горожан Кабула и жителей окрестных районов. В «Сирадж ат-таварих», отражающем в данном случае, вероятно, местную устную традицию и воспоминания участников событий, говорится, что во время боев за Кабул даже «пожилые женщины-мусульманки также явились и взяли на свои плечи знамя джихада, и, отважно проявляя усердие, некоторые получили ранения, а некоторые были убиты» [61].

Дальнейшие действия афганцев против войск генерала Ф. Робертса, укрывшихся в шерпурском лагере, были неудачными. Афганцы не смогли использовать благоприятный момент для немедленного нападения на отступавших врагов (не последнюю роль в этом сыграли раздоры между афганскими руководителями), а когда осадили шерпурский лагерь, англичане успели укрепиться в нем, и отсутствие у афганцев артиллерии не позволяло им овладеть лагерем штурмом. В «Сирадж ат-таварих» ви-

на за неудачу возлагается на генерала Мухаммад Джан-хана Вардака, который обвиняется в получении от английского командования взятки в 60 тыс. рупий золотом, за что он будто бы намеренно сорвал штурм шерпурского лагеря и добился того, что взявшие Кабул гази рассеялись. Это обвинение не аргументировано, и достоверность его весьма сомнительна. И не только потому, что оно не вяжется со всем, что известно о Мухаммад Джан-хане Вардаке, но и в силу явно тенденциозного отношения к этому человеку в официальной истории Афганистана. Во всяком случае, явно неудачна попытка объяснить только двуличием Мухаммад Джан-хана Вардака (каковы бы ни были его ошибки, вольные или невольные, действительные или мнимые) тот факт, что в 1879 г. афганцам не удалось, в отличие от 1842 г., уничтожить всю находившуюся в Кабуле английскую армию [62].

Впоследствии генерал Мухаммад Джан-хан Вардак (наряду со многими другими участниками освободительной войны) оказался жертвой репрессий эмира Абдуррахман-хана. В связи с этим представляется вероятным, что для опорочения человека, которого эмир Абдуррахман-хан считал одним из своих опасных врагов, были пущены в ход наветы, вымыслы и клевета, как прижизненные, так и посмертные, накладывающие тень на память о нем.

Как отмечалось выше, в автобиографических произведениях эмира Абдуррахман-хана и в изданной Султан Мухаммад-ханом книге весьма пристрастно и тенденциозно освещается и оценивается все связанное с деятельностью эмира Шер Али-хана. О начатых этим правителем в 70-х годах реформах либо говорится очень мало и необъективно, либо вовсе умалчивается. Часто это делается с явной целью не только подчеркнуть, но и преувеличить заслуги эмира Абдуррахман-хана и создать у читателя впечатление, в ряде случаев не соответствующее действительности, об абсолютной беспрецедентности чуть ли не всех его мероприятий и о его приоритете во введении в Афганистане полезных новшеств.

В «Сирадж ат-таварих» отношение к эмиру Шер Али-хану не только спокойнее, чем в изданной Султан Мухаммад-ханом книге, но и более внимательное, в общем даже корректное. Однако сведения о внутренней жизни страны в годы правления эмира Шер Али-хана довольно скудны. Во всяком случае, они значительно

менее обстоятельны, чем того надо было бы ожидать, учитывая возможности использования обильной устной информации. О нововведениях в области культуры, имевших место в Афганистане в 70-х годах, в «Сирадж ат-таварих» ничего не сообщается.

Изложение сложных вопросов внешней политики и международного положения Афганистана в 70-х годах XIX в. в официальной истории несистематично и содержит мало оригинального фактического материала. Сравнительно пространно рассказывается об амбальской встрече эмира Шер Али-хана в 1869 г. с лордом Майо [63], кратко сообщается о дипломатическом нажиме на афганского эмира со стороны лорда Литтона (и о неудачных попытках в связи с этим вести с Англией переговоры в Пешаваре), о пребывании в Кабуле миссии Столетова и о привезенном турецким посольством послании эмиру Шер Али-хану от султана Абдул Хамида (1876—1909). При этом в авторской ремарке утверждается, что турецкое посольство было отправлено султаном по настоянию английского правительства [64].

Материал по внешнеполитическим вопросам 70-х годов XIX в., содержащийся в «Сирадж ат-таварих», заслуживает внимания исследователей и не лишен значения потому, что его отбор и использование отражает взгляды на международные отношения того времени, распространенные в правящих кругах Афганистана в конце XIX — начале XX в., т. е. в основном представления эмира Абдуррахман-хана и таких его приближенных, как Мухаммад Юсуф-хан и Саадуддин-хан, участвовавших в подготовке официальной истории, а затем и в контроле над ее изданием.

Глава III

КРИЗИСНЫЕ СИТУАЦИИ 80-х ГОДОВ XIX в. И ОФИЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

К началу лета 1881 г. все находившиеся в Афганистане английские войска были выведены в Индию. Вторая англо-афганская война закончилась. Правящие круги Англии должны были признать, что все их усилия, направленные на превращение Афганистана в британскую колонию, не привели к цели.

Летом 1881 г. Мухаммад Аюб-хан с войском, в состав которого, как утверждается в официальной истории Афганистана, входили 14 регулярных полков конницы и пехоты, двинулся на Кандагар [1]. Навстречу ему Абдуррахман-хан послал отряды во главе с Гулам Хайдар-ханом Чархи и Саадуддин-ханом. В июле 1881 г. Мухаммад Аюб-хан разбил их и овладел Кандагаром.

Освещение в официальной историографии Афганистана политических событий этого времени и нескольких последующих лет может быть во многих аспектах довольно детально прослежено по «Сирадж ат-таварих». В заключительных главах первого тома книги о жизни Абдуррахман-хана, изданной Султан Мухаммад-ханом, приводятся некоторые интересные подробности о военных действиях, но в целом содержится сравнительно мало дополнительного материала о событиях 80-х годов.

Используя полученную от Англии поддержку деньгами и оружием, Абдуррахман-хан к началу осени 1881 г. подготовил силы и выступил на Кандагар. Решающее сражение, происшедшее около руин Старого Кандагара 22 сентября 1881 г., было очень упорным [2]. В течение двух часов после начала боя ни одна из сторон не добилась перевеса. Затем Абдуррахман-хану удалось, лично побуждая своих воинов к атакам, несколько продвинуться в центре. Исход битвы еще не был решен, но в самый критический момент ряды стойко оборонявшихся солдат Мухаммад Аюб-хана были обстреляны с тыла.

Ему изменили кабульские отряды, которые в прошлом находились в составе войска Абдуррахман-хана, в июле 1881 г. примкнули к Мухаммад Аюб-хану, а теперь решили принять сторону, которую они посчитали более сильной. В рядах воинов Мухаммад Аюб-хана возникло замешательство, они дрогнули и вскоре были разбиты. Оставив пушки и снаряжение, Мухаммад Аюб-хан с остатками войска бежал в направлении Герата.

Абдуррахман-хан вступил в Кандагар и продолжительное время оставался в этом городе, принимая меры к упрочению своей власти в Кандагарской области. Здесь, как и в других частях Афганистана, он при помощи тайных агентов выявлял настроения людей, жестоко карая представлявшихся ему опасными. Многие знатные семьи, дальнейшее пребывание которых в Афганистане эмир считал для себя нежелательным, были изгнаны из страны, что считалось относительно мягким наказанием. Среди казненных Абдуррахман-ханом его противников в Кандагаре были Абдуррахим-хан Какари и мулла Ахад Попользай [3].

Еще когда Мухаммад Аюб-хан только начинал поход на Кандагар, Абдуррахман-хан поручил Абдул Куддус-хану организовать наступление на Герат с целью отвлечь внимание своего противника, а в конечном счете — захватить гератское владение. Исполняя эмирский приказ, управлявший Таш-Курганом Исхак-хан выделил 13 июля 1881 г. Абдул Куддус-хану 300 всадников, и тот двинулся на Герат [4]. Абдул Куддус-хан старался усилить свои войска отрядами хазарейцев и других народов, населявших земли, расположенные к востоку и юго-востоку от Герата. Вследствие ряда затруднений (в частности, ненадежности хазарейских отрядов) он долго не мог добиться решающего успеха, но нажим его войска на Герат ко времени поражения Мухаммад Аюб-хана у Кандагара усилился, а известия об этом событии привели в замешательство гератских сановников и военачальников. Абдул Куддус-хан воспользовался благоприятной обстановкой и в начале октября 1881 г. занял город

Мухаммад Аюб-хан после поражения под Кандагаром и потери Герата эмигрировал в Иран. До конца своей жизни (ум. в 1914 г.) он оставался в эмиграции (сначала в Иране, затем в Индии) и участия в происходивших в Афганистане событиях уже не принимал.

Абдуррахман-хан еще в конце июля 1881 г. получил

признание законности своей власти от престарелого муллы Мушк-и Алама, что сыграло тогда немаловажную роль в упрочении нового эмира на троне. Однако в дальнейшем, распространяя свою власть на всю страну, Абдуррахман-хан разбил партизанские отряды и, как упоминалось выше, казнил многих руководителей народной войны, сражавшихся против английских завоевателей, а потом выступивших против него как эмира, примирившегося с врагом. Были казнены и некоторые улемы, выступавшие против Абдуррахман-хана, в частности из Кандагара, активно поддерживавшие Мухаммад Аюб-хана.

Стремясь обезопасить свою власть от попыток захвата ее потомками эмира Шер Али-хана, Абдуррахман-хан выслал за границу многих признанных их приверженцами людей из знатных родов Афганистана. Назначив правителями областей своих сторонников, находившихся под его постоянным контролем, и наводнив страну тайными агентами, Абдуррахман-хан решительно стал проводить политику всемерного укрепления эмирской власти.

Перед новым правителем в разоренной войной стране стояло много трудных задач и во внутренней и во внешней политике.

Политика Абдуррахман-хана в отношении среднеазиатских ханств

При описании событий 1881—1883 гг. в «Сирадж аттаварих» приводятся данные, характеризующие политику Абдуррахман-хана в отношении среднеазиатских ханств и показывающие, с какой осторожностью он относился к исходившим с их стороны предложениям, связанным с опасностью конфликта с Россией. Вскоре после утверждения власти Абдуррахман-хана над Гератом в этот город прибыл Ишан Мирза Караулбеги с письмом от хивинского хана. Правивший в Герате Абдул Куддус-хан, приняв посланца с почетом, задержал его при себе, а письмо отправил эмиру. В письме хан обращался к афганскому эмиру с просьбой о военной помощи против России.

Фирманом от 21 зу-ль-хидджа 1298 г. х. (16 ноября 1881 г.), который, судя по дате, был подписан афганским эмиром еще во время пребывания его в Кандагаре,

откуда он выехал 19 ноября 1881 г., Абдуррахман-хан приказал Абдул Куддус-хану оказать хивинскому послу радушный прием и дал строгое предписание обеспечить неразглашение известий о письме хивинского хана. Рассматривая это дело как государственную тайну, Абдуррахман-хан понимал, что самый факт приезда хивинского посланца скрыть трудно, и потому велел: если кто-нибудь станет о нем расспрашивать, отвечать, что-де прибыл он, этот посол, с поздравлениями по поводу завоевания Герата, как всегда приезжают в таких случаях гонцы от близких соседей. В соответствии с указаниями эмира хивинский представитель был отправлен обратно из Герата с подарками и ответным посланием, в котором изъявлялась радость по поводу получения весьма приятного письма и выражалась благодарность хивинскому правителю Мухаммад Рахим-хану и его сановникам, сопричастным к отправлению данного письма. Вскоре после этого к Абдуррахман-хану прибыл другой «посланец от хана Хорезма» — туркмен Азизулла, доставивший в подарок эмиру шесть коней; он был пожалован халатом и с ответными ценными подарками для хана Хивы отправился на родину [5].

Насколько можно судить по изложению этого дипломатического эпизода в официальной истории, Абдуррахман-хан не дал никакого конкретного ответа на содержавшуюся в письме хивинского хана просьбу о помощи, выразив сочувствие и благосклонность лишь в самой осторожной и отвлеченной форме риторического изъявления радости, стремясь в то же время сохранить в тайне даже сам факт получения письма из Хивы. Осторожность и скрытность, проявленные Абдуррахман-ханом в связи с этим эпизодом, были характерны для его взаимоотношений со среднеазиатскими соседями Афганистана и в дальнейшем.

Примерно в это же время (1881 г.) к Абдуррахман-хану обращался мервский правитель Махтум Кули-хан с просьбой о включении Мерва в состав афганского государства. И на эту просьбу эмир ответил отказом. В официальной истории приводится содержание обращения Махтум Кули-хана и письменного ответа Абдуррахман-хана с мотивировкой отказа: «До высочайшего слуха дошла петиция Махтум Кули-хана, главы Мерва, о том, чтобы царственной милостью эмира Мервский вилайет был бы присоединен к государству Афганистан. Его величество соблаговолил дать письменный ответ, что

округ Мерв находится слишком далеко от входящих ныне в состав Афганистана земель и что тамошним людям должно, соответственно обстоятельствам, сноситься с правительствами России или Ирана. Подобного рода петиция помещается в сей благословенной истории для того, чтобы все смертные ведали, что мусульмане, в какой бы стране они ни находились, не отвернут лица от единения и взаимопомощи со своими единоверцами, но также и для того, чтобы все уразумели, что Его величество эмир Абдуррахман-хан старается тушить подобного рода пожары. В противном случае, если поступать [только] сообразно с мнениями мусульманских жителей иностранных государств о том, что им необходимо, то ни один день не пройдет без боев и сражений и всегда будут распахнуты врата ссоры и распрей» [6].

Среди туркменской знати в Мерве существовало несколько группировок. О наличии в Мерве влиятельных людей, склонявшихся одно время к ориентации на афганского эмира, можно судить по приведенному эпизоду с посланием Махтум Кули-хана. Однако в дальнейшем Махтум Кули-хан стал последовательным сторонником русской ориентации, поступил на русскую службу, получил офицерский чин, содействовал присоединению Мервского оазиса к России, и когда в феврале—марте 1884 г. в Мерве было введено русское управление, был назначен начальником Мервского уезда [7]. Были в самом Мерве и среди окрестных туркменских племен и сторонники подчинения хивинскому хану; подданство Хиве сравнительно мало к чему их обязывало, поскольку было всего лишь формой присоединения к России, так как хан Хивы к этому времени (с 1873 г.) стал вассалом русского царя.

Отношения Абдуррахман-хана с Бухарой ограничивались преимущественно торговыми связями; он имел там агентов по продаже каракулевых шкурок [8], по закупке различных товаров и т. п. Бухарский эмират стал вассалом России при эмире Музаффар ад-дине (1860—1885), в годы правления которого Бухара еще продолжала обмениваться посольствами с соседними странами. Однако официальные дипломатические связи правителей Афганистана с другими государствами были уже с 1879 г. запрещены Гандамакским договором; отказ от независимой внешней политики был признан и Абдуррахман-ханом при приходе его к власти в 1880 г. Поэтому и в первые годы его правления, когда эмир Бухара-

ры продолжал еще дипломатические сношения с соседними государствами, открытый обмен посланцами с Афганистаном уже не мог иметь места. После 1886 г., когда в Бухаре было учреждено Российское политическое агентство, и до конца правления эмира Абдул Ахада (1885—1910) посольские связи Бухарского эмирата с другими странами уже не поддерживались.

Отсутствие официальных дипломатических отношений Бухары с зарубежными государствами не исключало возможности негласных контактов бухарских сановников с неофициальными иностранными представителями. Так, например, в официальной истории Афганистана сообщается, что Мир Ахмад-шах-хан, хаким Файзабада в Бадахшане, находился в 1888 г. некоторое время в Бухаре [9]. Бухарский эмир, узнав, что Мир Ахмад-шах-хан состоит на службе у афганского правительства, отправил ему в подарок 4 тыс. танька и двух верховых лошадей, а также пригласил в столицу, где принял с почетом, а через некоторое время, уважив его просьбу, разрешил уехать на родину. У эмира Абдуррахман-хана Мир Ахмад-шах-хан пользовался большим доверием; поэтому не исключено, что в Бухаре он выполнял ответственную неофициальную миссию, связанную с происходившим в это время в Южном Туркестане восстанием против власти афганского эмира [10].

Освещение в «Сирадж ат-таварих» пограничной политики Абдуррахман-хана в 1884—1887 гг.

Рассматривая освещение в официальной истории взаимоотношений Афганистана с Россией и Англией в 80-е годы XIX в., изложим некоторые из содержащихся в источнике сведений, связанные с русско-афганскими пограничными вопросами, в частности данные о деятельности английской разграничительной миссии на северо-западных рубежах этого государства в 1884—1887 гг. По соглашению, достигнутому правительствами России и Англии, демаркационные работы по проведению афгано-русской границы возлагались на смешанную англо-русскую комиссию. Царское правительство назначило пограничным комиссаром генерала Зеленого, который должен был встретиться в Серахсе около 1 октября 1884 г. с английским комиссаром генералом П. Лэмсденом, чтобы условиться о ходе работ по разграничению.

Английская миссия, начавшая в первых числах сентября 1884 г. свой путь на Герат из Белуджистана, была скомплектована в Индии в таком составе: 30 английских офицеров и различных специалистов, 465 человек военного эскорта (кавалеристы из 11-го Бенгальского уланского полка и пехотинцы из 20-го Панджабского полка), 900 человек лагерной и обозной прислуги и т. п., включая пуштунов и белуджей, нанятых в качестве погонщиков верблюдов. Всего из Индии двинулось около 1400 человек. Для перевозки персонала, палаток, теплой одежды и другого имущества, интендантских припасов (отпущенных из расчета на 1200 человек на год) было собрано много вьючных и верховых животных — 1300 верблюдов, 100 мулов, 250 пони и др. В казне, которую везла с собой миссия, большая сумма была предусмотрительно взята в русских золотых рублях. На сей раз английское золото, предназначенное для подкупа и разжигания антирусских настроений, выступало в монетах русской чеканки [11]. Генерал П. Лэмсден, назначенный английским правительством главой английской части смешанной комиссии, ехал к месту встречи с русским комиссаром другим путем, через Иран.

Эмир Абдуррахман-хан, учитывавший возможности осложнений в связи с прибытием в Афганистан английской миссии с военным эскортом, разослал в пограничные области обширную и подробную инструкцию, текст которой полностью приводится в «Сирадж ат-таварих».

В этой «высочайшей инструкции по установлению границ» [12], направленной правителям пограничных областей, Абдуррахман-хан заверил своих чиновников (имея в виду, конечно, через них воздействовать и на население), что «английская правительственная миссия рассматривается как арбитр и эксперт в определении границ», Россия же считается находящейся в состоянии конфликта с Афганистаном. Наказывая своим чиновникам проявлять твердость в решении пограничных вопросов и ссылаясь на английские гарантии, Абдуррахман-хан разъяснял, что они не относятся к тем землям, на которые права Афганистана «не распространяются». В числе таких земель он упоминал Мерв. Далее эмир перечислил права английской разграничительной миссии и указал, что предстояло делать и как себя вести афганским должностным лицам. На переговорах, информировал своих подчиненных Абдуррахман-хан, решать «вопросы с русскими и ставить подписи будут английские

должностные лица» [13]. Предписывалось привести в готовность конников регулярной и иррегулярной кавалерии в Герате и в пограничных районах для несения караульной и курьерской службы, а также подготовить пехотинцев и конников для охраны и сопровождения английской миссии. Высшим афганским должностным лицам пограничных районов вменялось в обязанность принимать, если потребуется, личное участие в переговорах, вникать в суть бесед и блюсти при этом интересы Афганистана [14].

В инструкции излагались рекомендации эмира своим чиновникам касательно ответов на вопросы русских и английских уполномоченных. Если вопросы будут предложены «откровенно и без намеков», эмир требовал от афганских должностных лиц краткости и четкости в выражениях, отражающих их точку зрения. Если же афганцам будут задаваться вопросы «в насмешливой форме и с [недобрым] тайным умыслом», то не рекомендовалось торопиться, так как поспешный ответ при подобных обстоятельствах весьма опасен. В таком случае предписывалось в тот же день встретиться с кази Саадуддин-ханом (полномочным представителем эмира в период деятельности англо-русской разграничительной комиссии), обстоятельно обсудить вопрос и, согласовав с ним, давать ответ, а если потребуется, оттянуть время, учитывать, что разумная задержка ущерба не причинит. Наставляя таким образом своих подчиненных в дипломатическом искусстве, Абдуррахман-хан разъяснял им, что лицам, участвующим в переговорах между державами, не возбраняется говорить и «вольные слова» от себя — так водится повсюду у дипломатов, но при этом необходимо делать оговорку, что в данном случае высказывается частное мнение, дабы потом оно не могло бы послужить аргументом при принятии решения.

Эмир требовал оказывать содействие английским топографам, предоставлять им охрану и проводников, приставлять к ним доверенных лиц и указывал, что афганские государственные служащие должны постоянно проявлять внимание к нуждам английской миссии. Эмир строжайше запрещал своим подданным (кроме особо уполномоченных лиц) самовольно встречаться и вести какие-либо разговоры с английскими представителями. «Ни вожди и знатные, ни райаты Герата и его округи и других мест — и Туркестана, и Фараха, и Чахансура, не уполномочены и им не разрешено без дозволения прави-

тельственных должностных лиц самим вступать в беседы с людьми миссии, посещать их или принимать у себя», так как афганцы «малорассудительны и неопытны» в подобных разговорах, а у них любыми способами будут выпытывать сведения и предъявлять претензии тысячи лиц, извращающие смысл каждого слова [15].

Абдуррахман-хан категорически запрещал всем своим подданным, будь то знатные люди и начальники войска или райаты, принимать от членов миссии какие-либо подарки и награды за услуги [16]. Эмир указывал своим должностным лицам на необходимость всячески «удерживать» англичан от раздачи ими подарков населению пограничных районов, угадывая в этом, как следует из текста инструкции, тайный умысел, умаляющий суверенитет Афганистана.

Абдуррахман-хан приказал для торжественной встречи английской миссии и дальнейшего ее сопровождения отправить с правителем Герата 400 всадников и 200 человек пехоты регулярных войск при двух орудиях, перевозимых на мулах. К ним должны были присоединиться из конницы Герата столько всадников, «сколько потребуется». Фарамурз-хану, командующему войсками, дислоцированными в Герате, запрещалось выступать из города, ибо это может быть воспринято как «серьезный поход», вызвать предположения, что в столь большой охране нуждается английская миссия и повлечь «дурные мысли и подстрекания к смуте». В последних параграфах инструкции имелись также указания о взаимоотношениях с членами английской миссии, о их приеме и сопровождении. Правителю Герата предписывалось оказать им надлежащий прием, и, если глава миссии о том попросит, разрешалось принять их в военном лагере, но не допуская в город. В случае если члены миссии обратятся с просьбой побывать в Герате, правитель не должен отвечать на этот запрос, не дождавшись гонца из Кабула с решением эмира [17]. В ходе демаркационных работ правитель Герата должен располагать «доверенными и правдивыми людьми», каковых другим афганским чиновникам предполагалось предоставить в его распоряжение.

Далее в официальной истории приводится содержание приказа Абдуррахман-хана правителям Фараха и Герата о маршруте движения английской миссии и о ее снабжении. Сообщалось, что, согласно заключенному между двумя государствами договору, по указанному

маршруту будут совершать движение около 1 тыс. человек.

Допустив на территорию Афганистана английскую миссию с большим военным эскортом, Абдуррахман-хан оставил, однако, в полной силе свои прежние приказы о недопущении в пределы страны иностранцев, кроме как по его собственному распоряжению в каждом отдельном случае. Это касалось европейцев, а также гонцов из мусульман, посылавшихся английскими властями [18].

В официальной истории Афганистана подробно описываются встречи и переговоры Саадуддин-хана с руководителями и членами английской миссии [19].

Далее рассказывается о событиях, предшествовавших столкновению у Таш-Кепри. Это описание представляет собой официальную афганскую версию политических и военных событий. В «Сирадж ат-таварих» утверждается, это эмир Абдуррахман-хан предписывал афганским отрядам «в случае наступления русских войск» отойти без боя. Английский же генерал П. Лэмсден советовал афганским властям не отходить, а сражаться. По просьбе гератского наместника Фарамурз-хана и кази Саадуддин-хана он даже выдал на сей счет письменный документ, гласивший, что афганские пограничные начальники во время переговоров об определении границ должны сохранять спокойствие, но в случае наступления русских войск вступать в бой «без стеснения и промедления» [20].

Эмир Абдуррахман-хан всемерно стремился использовать англо-русские противоречия во время деятельности совместной разграничительной комиссии. Однако вооруженного конфликта с Россией эмир не желал. Поэтому, узнав о напряженном положении в районе Таш-Кепри, он направил приказ кази Саадуддин-хану и офицерам афганских пограничных войск, в котором писал, что «война с Россией невыгодна для улучшения положения и решения спорных вопросов» [21].

Описание вооруженного столкновения при Таш-Кепри 18 (30) марта 1885 г. в «Сирадж ат-таварих», как и описания других сражений в этом источнике, не дает общей картины событий и может вызвать интерес у историка только некоторыми деталями. Например, сообщается, что «у афганцев ружья заряжались с дула, а порох вследствие сильного дождя превращался в тесто» [22].

Столкновение у Таш-Кепри привело к значительно большим негативным последствиям для Англии, чем

тогда можно было бы ожидать. В результате спровоцированного английскими политиками конфликта был нанесен серьезный удар престижу Великобритании не только в Афганистане, но и в обширном регионе Среднего Востока.

Правительство царской России, не стремившееся к войне, пошло на разрешение созданного британской дипломатией кризиса путем переговоров. Между Россией и Англией была достигнута договоренность об общем направлении русско-афганской границы; она была оформлена подписанным в Лондоне протоколом от 29 августа (10 сентября) 1885 г. [23].

Значительную роль в мирной развязке кризиса 1885 г. сыграла позиция Абдуррахман-хана, отказавшегося от действий, которые могли бы привести к войне. Эта позиция отчетливо выражена в опубликованном в Афганистане описании переговоров Абдуррахман-хана с вице-королем Индии Дафферином, изданном впоследствии в переводе на русский язык в Ташкенте [24].

Английские представители настаивали на проведении в Герате срочных «оборонительных мероприятий», предусматривавших безжалостное разрушение архитектурного комплекса памятников тимуридской эпохи. Это затронуло религиозные и патриотические чувства местных жителей и вызвало у них крайне неприязненное отношение к Англии. Как сообщается в официальной истории, гератский наместник, «опасаясь волнений и смуты» и с целью их предотвращения, обязал улемов и муфтиев «успокаивать народ» [25].

Абдуррахман-хан и афганские должностные лица были возмущены поведением английских представителей в пограничной комиссии, подталкивавших афганские власти к столкновению с русскими войсками. В дальнейшем эмир и его чиновники весьма настороженно относились к их участию в разборе даже самых мелких спорных вопросов, возникавших при демаркации афгано-русской границы.

Отношение Абдуррахман-хана к пограничным связям между афганскими и русскими властями, его опасения по поводу действий и намерений английских арбитров достаточно подробно освещены в официальной истории. Сообщается, например, что эмир информировал кази Саадуддин-хана о письме вице-короля Индии, в котором утверждалось, что представители русского правительства «лестью, соблазном, лаской и лукавством склонили

на свою сторону афганских чиновников». Абдуррахман-хан разъяснял Саадуддину свое толкование этого места из письма вице-короля, указывая, что, как видно, британские власти нетерпимы к дружественным контактам русских и афганских чиновников, они возражают и протестуют, не желая, чтобы другие державы «относились с уважением к Афганистану и склонялись бы к дружбе с ним» [26].

Абдуррахман-хан предлагал кази Саадуддин-хану проявлять твердость при переговорах, действовать сообразно обстоятельствам и иметь всегда под рукой содержание эмирских ответов на запросы вице-короля Индии. В отношении английского арбитража в пограничных вопросах эмир рекомендовал своему уполномоченному соблюдать крайнюю осторожность и постоянную бдительность.

После инцидента при Таш-Кепри русская сторона дала понять афганскому эмиру, что политика России в отношении Афганистана отнюдь не враждебна. Ввиду отсутствия официальных дипломатических связей между Россией и Афганистаном афганскому эмиру было направлено по указанию царского правительства частное письмо через правителя (губернатора) Бадахшана. В этом письме было сказано: «В русско-афганском конфликте виновны только англичане, Россия же дружественно относится к Афганистану». По-видимому, это частное письмо было написано знакомым Абдуррахман-хану еще по Самарканду подполковником Черневским, который упоминался в «Сирадж ат-таварих» как русский «пограничный начальник», обращавшийся письменно к афганскому эмиру через бадахшанского губернатора [27].

Интересно, что в неофициальной истории Афганистана, написанной в Иране в начале XX в. гератским эмигрантом Мухаммад Юсуфом Риязи, освещение пограничных переговоров 1885 г. очень благожелательно к России, которая представлена как сторонник независимости Афганистана, уважительно относившаяся (не в пример Англии) к афганскому эмиру и его должностным лицам. Что же касается Таш-Кепри, то при описании конфликта Мухаммад Юсуф Риязи утверждал, что «из передвижений афганских войск русские поняли, что англичане раздувают огонь войны» [28].

Внутренний кризис в Афганистане в 1886—1888 гг. и политика Абдуррахман-хана

Карательные экспедиции эмирских войск и часто происходившие в различных районах страны военные действия были характерны для истории Афганистана в 80-е годы XIX в. Иногда эти экспедиции и военные действия были связаны с борьбой эмира против непокорных феодалов. Однако чаще всего внутренние войны того времени являлись результатом проводившейся Абдуррахман-ханом политики жестокого подавления народного недовольства и народных движений, направленных против феодальной эксплуатации, тяжелых налогов, гнета и произвола эмирских властей.

Уже первые годы правления Абдуррахман-хана ознаменовались многочисленными народными восстаниями. Вооруженные выступления, вызванные произволом властей и налоговым гнетом, происходили в Хазараджате. Крупные волнения имели место в Бадахшане, неоднократно восставали племена Хоста (мангал, джаджи и др.). Длительную борьбу вели эмирские войска против племени шинвари [29].

Абдуррахман-хан столкнулся с большими трудностями при введении жесткой централизованной системы сбора податей в землях пуштунских племен, где в прошлом отсутствовало сколько-нибудь регулярное налогообложение жителей. Но нередко не меньшие осложнения возникали и в тех областях, с которых прежде взимались налоги, но небольшие, и где земли оставались необмеренными. К таким областям относились земли гильзаев.

Гильзайское восстание 1886—1888 гг. было серией разновременных выступлений, потрясших власть Абдуррахман-хана, из которых самых крупных насчитывается не менее трех. Одной из главных причин, побуждавших гильзаев к вооруженным восстаниям, было нарушавшее традиции обложение их налогами по общим правилам наравне с большинством райатов в афганском государстве. В прошлом гильзаи облагались сравнительно необременительными податями по твердой системе фиксированных квот, внося установленные взносы и поставляя в счет налогов скот своим ханам, которым центральное правительство доверяло сбор и представление в казну налогов. Гильзайские племена, вынесшие на своих пле-

чах главную тяжесть освободительных войн афганского народа за самостоятельность и независимость в 1838—1842 и 1878—1880 гг., оставались серьезной военной силой в Афганистане и в 80-е годы.

Эмир внес существенные изменения в уплату гильзаями налога с земли. Он ввел систему налогообложения с уплатой $^1/_3$ части урожая с земель «нахри», т. е. орошаемых водами рек [30]. Таким образом, к правительственным налогам добавлялись и различные сборы и поборы, ложившиеся тяжелым бременем на гильзайские племена.

Эмирские репрессии 1881—1883 гг. были направлены в значительной мере против ханов и мулл гильзаев. Ликвидация налоговых привилегий, централизаторская политика эмира, суровость его правления и жестокость обрушившихся на них репрессий побудили стать активными противниками эмира основную часть знати гильзаев.

Вместе с тем среди рядовых членов гильзайских племен росло недовольство прежде всего значительным увеличением взимавшихся с них налогов, сборов и поборов. Ополчения гильзаев еще недавно сражались в первых рядах в освободительной войне против англичан, а теперь их сравнительно легко было поднять против эмира, сблизившегося со вчерашними врагами. Суровый режим внутри страны и усиливавшееся сближение эмира во внешней политике с Англией вызвали возмущение среди гильзаев, а также многих других пуштунских племен и народов страны. Со своей стороны Абдуррахман-хан использовал традиционное соперничество между гильзайскими и дурранийскими феодалами, он не преминул предостеречь баракзайских сардаров о том, что руководители гильзаев домогаются власти над страной, угрожая их господствующему положению [31].

Популярным вождем восставших гильзаев стал мулла Абдул Карим. Отец его — мулла Дин Мухаммад (Мушк-и Алам) умер в 1886 г. в возрасте 96 лет; в последние годы его жизни принадлежавшие ему обширные земельные владения были впервые обложены налогом, а выплата от правительства денежного содержания, которое прежде получали он и его сыновья, была отменена эмиром [32]. Ликвидация земельно-налоговых привилегий, преследования вождей антианглийской борьбы и таких гильзайских сановников, как Исматулла-хан Гильзай, побудили Дин Мухаммада и его сыновей выступить про-

тив эмира. Исматулла-хан Гильзай был арестован в январе 1882 г. Его арест, по-видимому, сам Абдуррахман-хан рассматривал впоследствии как одну из причин гильзайского восстания, отмечая, что гильзаи почитали Исматулла-хана своим вождем. В памяти потомков остались рассказы о том, что Исматулла-хан был признан ханом всех гильзаев и что эмир даровал ему титул «мир-и Афган», но затем, опасаясь его растущего авторитета, казнил сардара. Арестованный был близок к мулле Дин Мухаммаду, который просил эмира освободить его, но безрезультатно — в октябре 1882 г. Исматулла-хан был повешен [33].

В официальной истории Афганистана сообщается, что семья и дети казненного «также возмутились против правительства» и, собрав имущество, бежали в горы Ягистана, а их укрепленное поселение (кала) и владения (мульк) были полностью конфискованы и переданы в казну [34].

В конце 1885 г. управлявший Газни Мухаммад Хасан-хан потребовал от гильзаев клана андари уплаты крупной недоимки за два года, которую он числил на них по налогу за непредоставление воинов (нукеров) на эмирскую службу. Однако андари проявили непокорность. Об этом из донесения газнийского агента стало известно эмиру, и он предписал денег с андари не брать, возвратить им, что было с них по этой статье собрано, но потребовать предоставления нукеров. Следуя предписанию эмира, газнийский правитель вынудил знатных людей андари покориться приказу [35]. Но эмир остался неудовлетворен — и тем, что нужного ему решения удалось достигнуть лишь принуждением, и вообще проявленным непокорством андари. По его повелению зачинщики из знатных людей андари были доставлены в Кабул и брошены в тюрьму, что вызвало крайнее возмущение всего племени [36]. В следующем, 1886 г. посредничество Абдул Карима между андари и властями закончилось безрезультатно, и в октябре того же года эмирским фирманом газнийскому правителю было приказано взыскать с племени андари причитающиеся налоги [37]. В результате в октябре 1886 г. вспыхнуло первое большое гильзайское восстание, поднятое андари в районе Мукур. Посланные эмиром войска разбили ополчение андари, но это не означало конца восстания, напротив, оно вспыхнуло с еще большей силой весной 1887 г. и разрасталось, охватывая уже не только гильзаев. Восстание

поддержали какары, вазиры, некоторые племена Хоста и даже часть хазарейцев [38].

В начале 1887 г. эмир пытался успокоить вождей восставших обещаниями уступок. Он посулил, удостоверив свое обещание поставленной на Коране печатью, что с гильзаев будут взимать подати лишь в том размере, в каком они платили при эмире Дост Мухаммад-хане, если только они прекратят восстание. Абдуррахман-хан взывал также к религиозным чувствам гильзайских вождей, указывая им, что при наличии враждебных соседних иноверческих держав внутренний раскол в Афганистане может причинить большой ущерб делу ислама. Но ни обещания, ни убеждения не помогали. В период гильзайских восстаний популярность эмира в стране заметно спала, и он не решился идти на риск — объявить широкий сбор ополчений племен для подавления мятежных сил. В отдельных случаях эмиру все же удавалось, используя рознь между народами и племенами страны, привлекать неафганские ополчения для борьбы против гильзаев, например ополчения хазарейцев джагури [39]. Попытка эмира получить от улемов (собранных на джиргу в Кабуле) фетву, которая санкционировала бы военные действия против гильзаев, закончилась неудачей [40]. Это был грозный признак для эмира и в без того опасной для него военной и политической ситуации.

Эмир получил поддержку дурранийских феодалов, имевшую, правда, больше политическое значение, чем военное, он использовал также технические и организационные преимущества своей регулярной армии над ополчениями гильзайских племен. Эмирские войска весной 1887 г. нанесли поражение гильзаям хотаки. Затем возглавлявший эмирские войска Гулам Хайдар-хан Чархи двинулся в земли тараки, где в июне 1887 г. одержал победу. Однако ни эта победа, ни несколько других успешных для Абдуррахман-хана сражений еще не означали подавления восстания.

Военное счастье далеко не всегда сопутствовало эмирским войскам. Так, в горах Хоста они потерпели поражение от сил Нур Мухаммад-хана, к которому присоединились вазиры, а южнее — от многочисленных ополчений какаров, также выступавших совместно с вазирами. Есть сведения о поддержке гильзайских повстанцев племенами шинвари и вардак. В Герате подняли восстание 800 гильзайских солдат (из племени андари) одного из полков регулярной армии; однако ос-

тальные войска гератского гарнизона остались верными эмиру, восставшие солдаты, вынужденные отступить из города, сумели с оружием пробраться в населенные гильзаями районы. Они прибыли туда в июле 1887 г. и включились в военные действия [41].

Широкий размах восстания, вовлечение в него и негильзайских племен, наконец, угроза распространения восстания на эмирские войска — все это создавало в конце весны — начале лета 1887 г. критическую обстановку в стране. В индийской прессе, внимательно следившей за происходившими в Афганистане событиями, стали появляться самые мрачные прогнозы. Утверждалось, что «дни нынешнего кабульского эмира сочтены и его изгнание из собственных владений рассматривается многими как вопрос времени» [42]. Скептические голоса вновь ставили под сомнение целесообразность для английских властей политики опоры на такой ненадежный «буфер», как подвластный Абдуррахман-хану Афганистан. При этом существовавшие отношения квалифицировались как более выгодные афганскому эмиру, ибо он получал регулярные субсидии от Англии, она же отнюдь не может быть уверенной в завтрашнем дне и, во всяком случае, не может сказать с определенностью, насколько «действительно полезным» окажется для нее эмир «в час суровых испытаний». При характеристике опасной для Абдуррахман-хана ситуации в середине 1887 г. подчеркивалось враждебное отношение к нему подданных, что объяснялось тягостью налогов и суровостью эмирских порядков [43].

Однако в итоге упорная борьба с гильзайскими и выступавшими с ними другими повстанцами завершилась победой эмира. Войска в целом сохранили верность Абдуррахман-хану. Это обстоятельство, а также превосходство материальных и военно-технических средств и ресурсов эмирской регулярной армии над вооружением и в особенности над снаряжением и снабжением повстанческих отрядов, опиравшихся в основном на традиционную военную организацию пуштунских племен, решили дело в пользу эмира.

О жестокой расправе эмирских властей над повстанцами и связанными с ними людьми, в частности над таджикскими крестьянами, снабжавшими их продовольствием, подробно рассказывается в официальной истории Афганистана [44].

Еще более опасным для своей власти, чем гильзай-

ские восстания, Абдуррахман-хан считал мятеж на севере страны, поднятый летом 1888 г. его двоюродным братом Исхак-ханом. Исхак-хан (род. в 1851 г.) был сыном Мухаммад Азам-хана, дяди Абдуррахман-хана. В 1880 г. Исхак-хан помогал Абдуррахман-хану прийти к власти и получил от него в управление Южный Туркестан (Чар-вилайет). Его зависимость от эмира выражалась в периодической поставке в Кабул ценных подарков, например лучших скакунов с драгоценной сбруей. В первые годы правления Абдуррахман-хана его отношения с Исхак-ханом внешне были корректными. Впоследствии эмир, рассказывая о прошлом с горечью и пристрастием, сожалел о вниманни, которое некогда оказывал двоюродному брату [45]. С 1884 г. отношения между ними резко ухудшились, ибо Исхак-хан просил пожаловать ему управление Южным Туркестаном пожизненно, что насторожило эмира. Исхак-хан был обижен тем, что после подчинения Меймене, для решения судеб которого эмир неоднократно привлекал его прежде [46], правителем этого ханства стал не он, а присланный эмиром ставленник.

В Южном Туркестане, населенном в основном узбеками, таджиками и туркменами, широкие массы влачили жалкое существование. Накипавшее народное недовольство крайне тяжелым положением Исхак-хан решил использовать в своих интересах. В течение длительного времени он готовился стать самостоятельным правителем провинции и старался мягким обхождением и некоторыми уступками снискать популярность среди жителей края. Он стремился воздействовать на их религиозные чувства и показать себя в исполнении обрядов ревностным мусульманином, афишировал свою принадлежность к авторитетному среди местных жителей (в особенности среди туркмен) дервишскому ордену «накшбандия» (в который он вступил еще будучи в Самарканде). Он сумел завоевать расположение солдат и офицеров расквартированных в Южном Туркестане войск, которым с необычной для Афганистана тех времен регулярностью и аккуратностью выплачивалось жалованье.

Восстание началось в конце 1888 г. Исхак-хан объявил собранным в Мазари-Шарифе войскам и жителям города об отторжении Чар-вилайета от афганского государства. Горожане и солдаты присягнули ему на верность, он был провозглашен эмиром и возложил на себя золотую корону.

К начальнику русского гарнизона в Керки стали прибывать посланцы от Исхак-хана с просьбами о принятии его под покровительство России и об оказании ему помощи. Царские власти, однако, придерживались политики невмешательства в дела Афганистана, и Россия оставалась нейтральной.

До сентября 1888 г. не происходило крупных столкновений между мятежниками и главными силами эмира Абдуррахман-хана. Исхак-хан стремился воспользоваться этой передышкой и наряду с военными мероприятиями проявил дипломатическую активность, стремясь приобрести союзников среди правителей соседних с Афганистаном феодальных владений. Он рассылал письма, в которых правители Читрала, Дира, Баджаура, Свата и др. призывались к совместному выступлению против Абдуррахман-хана (как угрожавшего их власти), на случай победы давались щедрые обещания.

Войска Исхак-хана заняли населенные пункты на Бамианской дороге, ведущей в Кабул, и в некоторых других соседних с Чар-вилайетом районах. Абдуррахман-хан оказался в сложном и опасном положении. Сам он был тяжело болен. На границе появился Мухаммад Аюб-хан. Но вскоре события стали развертываться в пользу эмира, поскольку среди населения на территориях, занятых Исхак-ханом, не было единства.

Войска Абдуррахман-хана предприняли наступление на Таш-Курган. Они соединились с отрядами бадахшанского наместника, и в конце сентября у селения Газнигак, расположенного в 25—30 км к югу от Таш-Кургана, произошла решающая битва. Она длилась около четырех часов. В результате силы мятежников были полностью разбиты, хотя в упорной схватке успех неоднократно сопутствовал то одной, то другой стороне. Потеряв почти всю артиллерию под Газнигаком, Исхак-хан вскоре вновь был разгромлен близ Меймене, а 24 сентября 1888 г. в Ташкенте стало известно, что он со своим сыном Исмаилом и несколькими тысячами воинов и приближенных бежал и пересек границу с Россией. В русских владениях ему было предоставлено убежище, и он жил на получаемую от царских властей пенсию в Самарканде до своей смерти в 1909 г.

Абдуррахман-хан счел необходимым лично выехать в Южный Туркестан для окончательного усмирения непокорных, ликвидации последствий восстания и наказания людей, причастных к мятежу. Оставив в Кабуле своим

регентом сына Хабибулла-хана, эмир отправился в Мазари-Шариф осенью 1888 г., а возвратился обратно в столицу лишь в июле 1890 г.[47]. При описании событий 1888 г. в официальной истории Афганистана упоминается эмирский приказ, демонстрирующий суровость мер, принимавшихся эмиром для ликвидации последствий восстания. Приказом предписывалось не оставлять в живых приверженцев Исхак-хана, а их имущество подлежало разграблению[48].

В работах советских историков восстание Исхак-хана определяется как сепаратистское и феодально-династическое выступление. Правильность такой оценки в целом не вызывает сомнений. Вместе с тем справедливо указывается, что это восстание по своему характеру было сложным и независимо от намерений Исхак-хана и узкоклассовых интересов поддерживавших его феодалов участие в нем трудящихся масс было в какой-то мере выражением их протеста против усилившегося феодального гнета и деспотического правления эмира Абдуррахман-хана[49].

После урегулирования пограничных вопросов с Россией Абдуррахман-хан перенес основное направление своей внешней политики на пограничные с Британской Индией области, населенные пуштунскими племенами. Английская агрессия в земли восточных пуштунских племен привела в конце 80-х годов XIX в. к обострению англо-афганских отношений[50].

После 1887 г. произошли некоторые изменения в английской политике в отношении Афганистана и его эмира. Английские колониальные власти в Индии перешли к борьбе с ним, обеспокоенные растущим сближением восточнопуштунских племен с афганским эмиром. В Британской Индии была проведена реорганизация армии и увеличена ее численность, создавались укрепленные военные плацдармы и сооружались дороги на подходах к границе с Афганистаном. История борьбы восточнопуштунских племен против британских завоевателей и взаимоотношений Абдуррахман-хана с Англией была обстоятельно изучена в ряде работ советских исследователей[51]. Мы остановимся на событиях, происходивших на подступах к Гиндукушу. Вынашивая экспансионистские планы захвата этого района, Англия преследовала цель распространить британское влияние на Памир и Припамирье. В 1885 г. в результате миссии Локхарта был установлен британский протекторат над Читралом,

в 1887 г. было создано политическое агентство в Гилгите[52]. С конца 80-х годов, опираясь, с одной стороны, на подвластную им Пешаварскую область, а с другой — на зависимые от них Читрал и Гилгит, руководители британской колониальной политики повели на северном участке границы активную борьбу с афганским эмиром за влияние в Баджауре, Дире, Читрале и в соседних областях, расположенных на подступах к Гиндукушу. Связанные с этой борьбой события, в которых значительную роль сыграл Умра-хан — правитель Джандола, подробно освещены в «Сирадж ат-таварих». Умра-хан, будучи младшим сыном местного правителя, захватил в конце 70-х годов власть над Джандолом, создал сильное (по местным масштабам) войско и совершил ряд успешных завоевательных походов в окрестные земли. В 1882 г. он подчинил себе значительную часть Дира, затем с успехом вышел из затруднений, создавшихся в результате образования в 1883 г. враждебной ему коалиции правителей соседних областей. Однако дальнейшему укреплению Умра-хана препятствовала политика Абдуррахман-хана, который старался усилить собственное влияние в Баджауре и строил планы утверждения своей власти в этой области и в соседних землях[53].

В 1885—1887 гг. имели место политические контакты Абдуррахман-хана не только с феодалами Баджаура, но и с ханами и маликами Свата и Бунера. Однако при переговорах с депутациями, приезжавшими к нему оттуда, эмир избегал прямого вмешательства в местные конфликты. В «Сирадж ат-таварих» сообщается о депутации, прибывшей к нему «с прошением от народа» Свата, Бунера и других областей[54]. 2 октября 1885 г. он принял доставивших это прошение «ханов, именитых людей и маликов области Бунер» и ханов, живущих в Свате. В беседе с почетными гостями, интересовавшимися ситуацией на афгано-русской границе и отношениями Афганистана с Россией и с Англией, эмир сообщал о мирных отношениях с Россией, установившихся после инцидента у Таш-Кепри, и о полученной им от Англии помощи вооружением[55]. Осенью 1887 г. к Абдуррахман-хану приехали три посланца от старшин области Бунер и просили поддержки войсками и оружием и «наказания» баджаурцев[56]. Он не согласился выполнить просьбу, аргументируя отрицательный ответ тем, что бунерцы отказываются «заключить договоры и примириться с мусульманами-афганцами», а также тем, что отношения между

правительствами Афганистана и Англии дружественны.

В начале 1888 г. Абдуррахман-хан, продолжая противодействовать правителю Джандола Умра-хану, серьезно готовился к распространению своей власти на Баджаур. Принимая при своем дворе Тахмасп-хана, нового владетеля Асмара, эмир попрекал своего вассала недостатком мужества, ибо тот не отважился атаковать Умра-хана. В мае 1888 г. эмир узнал от своих баджаурских сторонников, что их люди подверглись нападению со стороны враждовавших с ними местных маликов, «заключивших союз и сговор с ханом Навагаи и с Умра-ханом из Джандола» [57]. В это время три малика из племени утман-хель обратились к Абдуррахман-хану с просьбой защитить их «силами падишахского войска и принять в подданство», обещая склонить к подчинению ему жителей Баджаура. Эмир предписал своему сипах-салару (главнокомандующему) Гулам Хайдар-хану Чархи, используя авторитет афганского эмира, защитить его баджаурских сторонников и готовить почву для покорения Баджаура, в осуществлении чего предстояло участвовать и тамошним эмирским сановникам, которые в случае надобности должны оказать «падишахскому войску помощь своими отрядами и приведением своих людей к покорности» [58].

К концу 80-х годов соперничество и противоречия между Абдуррахман-ханом, Умра-ханом и мехтаром (правителем) Читрала создали сложную обстановку на подступах к Гиндукушу. Разрядить ее не торопились руководители британской колониальной политики, придерживавшиеся видимости «дружественных отношений» одновременно со всеми тремя правителями. На событиях 90-х годов, приведших к установлению британского колониального господства в районах на подступах к Гиндукушу со стороны Индии, мы остановимся в следующей главе, основываясь преимущественно на данных, содержащихся в «Сирадж ат-таварих».

Глава IV

ПОЛИТИКА ЭМИРА АБДУРРАХМАН-ХАНА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В 1897 г. (по «Сирадж ат-таварих»)

Политика Абдуррахман-хана в пограничных с Британской Индией районах в начале 90-х годов и «соглашение Дюранда»

Во владениях Абдуррахман-хана проживало лишь около половины пуштунского народа, остальная его часть населяла захваченные Англией равнинные области на правобережье Инда и пограничную между Афганистаном и Британской Индией полосу фактически независимых восточнопуштунских племен, не подчинявшихся ни британским колониальным властям, ни кабульским эмирам. Абдуррахман-хан добивался признания горными племенами его власти. Провозгласив себя религиозным главой всех афганцев, он призывал к национальному объединению и священной войне с иноверными завоевателями. Но при этом он стремился избегать столкновений с Англией, которые могли бы перерасти в войну [1].

В начале 90-х годов противоречия между афганским эмиром и английскими колониальными властями из-за полосы горных племен достигли большой остроты. Англия аннексировала земли в южной части этой полосы, а также в районах Куррама и Хайбарского прохода. Однако пуштунские племена оказывали упорное сопротивление. Надежды на помощь афганского государства в борьбе против английских завоевателей под знаменем ислама обеспечивали Абдуррахман-хану их симпатии. В составленном по его приказанию группой улемов богословско-политическом трактате «Таквим уд-дин» («Укрепление веры») и в многочисленных воззваниях, распространявшихся агентами эмира среди пограничных племен, проповедовалось учение о джихаде (священной

войне) и о религиозной обязанности всех мусульман подчиняться государю ислама, ревнителю веры — падишаху Афганистана.

В Кабул часто приезжали ханы и малики момандов, вазиров, оракзаев и других племен. Многим из них назначалось жалованье из эмирской казны. Проводившаяся Абдуррахман-ханом политика способствовала признанию его высшего авторитета в делах религии не только среди пограничного пуштунского населения, но и среди индийских мусульман.

Английские власти в Британской Индии, обеспокоенные известиями о договорах, заключенных эмиром с пограничными племенами, предпринимали дипломатические шаги, стараясь добиться его отказа от сюзеренитета над полосой племен. Но Абдуррахман-хан отказывался от приглашений приехать для переговоров в Индию и не соглашался принять в Кабуле английскую миссию, во главе которой английские власти намеревались поставить генерала Ф. Робертса. В газете «Таймс» в начале ноября 1892 г. была напечатана воинственная статья, направленная против пограничной политики Абдуррахман-хана. В статье говорилось, что Англия должна положить конец существованию Афганистана как государства. В свою очередь Абдуррахман-хан, не соблюдая обычной осторожности, выступал с решительными антианглийскими заявлениями [2]. Однако его политика в отношении горных восточнопуштунских племен не была достаточно гибкой. Он пытался облагать их налогами, что вызывало недовольство, выливавшееся и в открытые восстания, которые жестоко подавлялись отрядами эмирских войск. Используя слабые стороны пограничной политики Абдуррахман-хана, английские власти засылали к недовольным своих агентов, призывавших горцев к подчинению Великобритании и провоцировавших восстания против эмира [3].

На возможностях Абдуррахман-хана противостоять английскому нажиму существенно сказывалась напряженность и нестабильность внутреннего положения в самом афганском государстве. Именно к 1892 и 1893 гг. относятся крупнейшие восстания хазарейцев, причем еще в середине 1893 г. самому Абдуррахман-хану перспективы на окончательную победу в Хазараджате представлялись столь неопределенными, что одно время он склонялся даже к мысли отозвать оттуда свои войска и прекратить военные действия, т. е. «фактически при-

знать особый статус части хазарейских территорий» в афганском государстве[4]. Абдуррахман-хан привлекал ополчения одних племен и народов Афганистана для подавления восстаний других. Так, против восставших гильзаев в 1886—1888 гг. он, как отмечалось выше, использовал дурранийские отряды, а на борьбу с хазарейцами двинул ополчения пуштунских кочевых племен[5]. Такая политика приводила к взаимному озлоблению натравливаемых друг на друга племен и народов Афганистана, которое сохранилось на долгие годы[6]. К 1892—1893 гг. и гильзайский вопрос, имевший важное значение в период всей новой истории Афганистана, не только не был разрешен или смягчен, но приобрел особую остроту. После жестоких расправ с повстанцами эмиру трудно было полагаться на гильзаев в случае большой войны против Англии.

В событиях на северо-западном участке границы Британской Индии наряду с афганским эмиром активную роль к началу 90-х годов продолжал играть Умра-хан (правитель Джандола и Баджаура, а затем и Дира). Англичане вначале поддерживали Умра-хана как противовес влиянию Абдуррахман-хана в пограничных областях, но старались при этом не допустить объединения под властью правителя Джандола воинственных горцев, чьи земли лежали на подступах к Гиндукушу. Умра-хан видел путь к расширению и укреплению своей власти в организации завоевательного похода в Кафиристан. В начале июня 1890 г. мехтар Читрала получил письмо от Умра-хана о предполагаемом джихаде, известие о котором встревожило и мехтара и старейшин Кафиристана.

Обстановка побуждала Абдуррахман-хана поторопиться с реализацией собственных замыслов завоевания Кафиристана. В официальной истории Афганистана при описании событий ноября 1890 г. сообщается, что из Джелалабада в Кабул эмирским фирманом был вызван Гулам Хайдар-хан Чархи, который был тогда сипах-саларом и губернатором (вали) Нангархара и Лагмана, получивший затем «инструкцию относительно покорения Кафиристана» и выступивший с войсками в район Лагмана[7]. Однако попытка афганских войск проникнуть тогда в Кафиристан оказалась неудачной.

К зиме 1890/91 г. относятся сведения о том, что кафиры ответили отказом на эмирское послание, в котором им предлагалось подчиниться добровольно, в противном

случае эмир грозил покорить их силой. Весной 1891 г. Абдуррахман-хан вновь поручил Гулам Хайдар-хану Чархи «приступить к завоеванию кафиров». Однако исполнение эмирского приказа было временно отложено [8]. Но в том же году Абдуррахман-хан начал систематическую подготовку к завоеванию Кафиристана, предусматривая вторжение в него с нескольких сторон, о чем свидетельствует содержание фирмана эмира, отправленного находившемуся в Бадахшане генералу Сайид Шах-хану. Ему предписывалось двинуться из Бадахшана в область Мунджан «с двумя или с одним пехотным полком из регулярного войска, которое находится под его знаменем», отремонтировать, расчистить и выровнять дорогу до Мунджана, собрать там «все пригодные к делу силы, разбить лагерь для проживания войска, назначить подходящих начальников для проведения строительных работ и обосноваться там на зиму»; весной 1892 г. эмирским войскам надлежало выступить со стороны Панджшера, Кунара и Мунджана для завоевания Кафиристана или добиться его подчинения «рассудительностью и мирными, разумными средствами», так чтобы кафиры покорились в результате «движения победоносных войск без сражения и смертоубийства» [9].

К походу в Кафиристан со стороны Кунара готовился Гулам Хайдар-хан Чархи. В конце ноября — начале декабря 1891 г. он выступил из Хоста с войсками и, «развернув знамена покорения Асмара, Шигаля, ущелья Пич и Кафиристана», двинулся в Кунар и сделал остановку, «достигнув местности Чагатан-Сарай, известной как Чаган-Сарай» [10]. Одновременно к выполнению эмирского фирмана преступил генерал Сайид Шах-хан, который отправился с войском из Файзабада в Мунджан и прибыл в Ханджан. Там к нему явились 20 кафирских старшин из ущелья Вайран с изъявлением покорности; их отпустили домой с внушением, «чтобы они другим кафирам, обитающим в тех горах, дали распоряжения о подчинении, дабы дело не перешло бы от мирной речи к мечам и копьям» [11].

Подготовка афганских войск к наступлению в Кафиристан продолжалась и в январе 1892 г. Принимались меры по обеспечению солдат теплой одеждой, недостаток которой сказывался в предшествовавших неудачных военных экспедициях в кафирские земли. 7 января Гулам Хайдар-хан Чархи получил присланные для войск 3 тыс. кабульских полушубков [12].

Наряду с планами завоевания Кафиристана Абдуррахман-хан в начале 1892 г. намеревался добиться выгодных для себя политических изменений в Баджауре и Дире и в случае успеха полностью подчинить Баджаур своей власти. Но на пути к выполнению таких планов стоял Умра-хан. Английские власти предупредили Абдуррахман-хана, что вооруженный конфликт с Умра-ханом и его вмешательство в баджаурские дела будут рассматриваться как нарушение интересов Великобритании. Абдуррахман-хану пришлось отказаться от своих планов в отношении Баджаура, и он ограничил первоочередные задачи, поставленные перед Гулам Хайдар-ханом Чархи, овладением Асмаром и «наказанием и подчинением» жителей района Пич (в основном населенного афганским племенем сафи) [13]. Достигнутая военной силой покорность сафиев властям была оформлена, как обычно делалось в практике взаимоотношений администрации Абдуррахман-хана с племенами, взятием заложников [14].

Теперь Гулам Хайдар-хану Чархи предстояло двинуться в Кафиристан, а потом на Асмар. Но он не только не проник тогда в кафирские земли, но не смог удержаться и на подступах к ним. Из ущелья Пич он отвел войска в Верхний Чаган-Сарай и должен был заняться не Кафиристаном, а Асмаром. Подвластное эмиру Афганистана на вассальных правах асмарское владение угрожал захватить Умра-хан, поставивший правителем в нем своего ставленника. Гулам Хайдар-хан направил отряд, который овладел Асмаром (при этом ставленник Умра-хана бежал в Читрал), а затем принял меры для закрепления власти эмира над этим важным пунктом в Кунарской долине, разместив там афганские полки. Абдуррахман-хан придавал Асмару очень большое значение, как «воротам Кунара, Лагмана, Кафиристана и Джелалабада» [15]. Однако намеченное эмиром на 1892 г. вторжение в Кафиристан так и не состоялось по внешнеполитическим, а главным образом по внутриполитическим причинам.

Уже в первые месяцы этого года отношения Абдуррахман-хана с Англией резко обострились из-за английской экспансии в населенные пуштунами пограничные районы. А в апреле этого года вспыхнуло мощное восстание против эмирских властей в Хазараджате, вскоре охватившее почти все районы расселения хазарейцев. В Афганистане создалась ситуация, опасная для эмира, и заботы по ликвидации восстания надолго приковали его

внимание; против повстанцев были брошены едва ли не все наличные силы [16]. В такой обстановке наступление на Кафиристан было невозможно.

В 1893 г. наступил критический момент в отношениях между Афганистаном и Англией. Руководители британской политики потребовали, чтобы Абдуррахман-хан отказался от борьбы за полосу горных восточнопуштунских племен и прекратил поддержку сопротивления этих племен британской колониальной экспансии. Абдуррахман-хан готовил войска для отпора новому английскому вторжению. Однако, опасаясь еще большего осложнения отношений с Россией, а также учитывая силу сопротивления пуштунских пограничных племен и печальный для Англии опыт предшествовавших вторжений в Афганистан, вызывавших народные войны против завоевателей, британское правительство предпочло на сей раз более осторожные шаги, отказалось от политики ультиматумов и отправило в Кабул посольство во главе с Мортимером Дюрандом. Его назначение главой посольства было согласовано с Абдуррахман-ханом, который уже прежде встречался с ним при посещении Равалпинди (в 1885 г.) и теперь отнесся одобрительно к его кандидатуре [17]. В официальной истории Афганистана подробно рассказывается о следовании миссии в Кабул и о встрече ее в столице Афганистана [18].

Период, непосредственно предшествовавший миссии М. Дюранда, характеризовался сильнейшим дипломатическим нажимом Англии на Афганистан, подкреплявшийся военными угрозами. В созданной английской наступательной политикой обстановке и проводились переговоры Абдуррахман-хана с М. Дюрандом. Абдуррахман-хан подписал 12 ноября 1893 г. предложенный М. Дюрандом текст соглашения, состоявший из семи пунктов. Эмир отказался в пользу Англии от большей части полосы пуштунских пограничных племен и принял на себя обязательство не вмешиваться в дела районов, отходивших к британским владениям в Индии. Он отказывался от прав на Бунер, Сват, Дир, Баджаур, земли афридиев, Вазиристан (кроме местности Бирмал, или Фармул), а также на территорию Биланд-хель, Куррам, на спорную местность Новый Чаман (где англичане построили железнодорожную станцию на пути, ведущем к Кандагарской области Афганистана). В ходе переговоров эмиру все же удалось добиться признания Англией его права на владения долиной Асмар (занятой к тому

времени афганскими войсками) и местностью Бирмал в Вазиристане. Предусматривалось увеличение ежегодной субсидии, выплачивавшейся Англией Абдуррахман-хану, с 12 до 18 лакхов [19] рупий. Британские власти обещали не чинить препятствий эмиру в импорте военного снаряжения в Афганистан.

Англо-афганское соглашение 1893 г., явившееся крупным поражением эмира Абдуррахман-хана, вызвало мощный взрыв негодования восточнопуштунских племен. Земли, отторгнутые от Афганистана, охватило пламя войны [20]. Однако в официальной истории Афганистана неблагоприятные для эмира обстоятельства не рассматриваются, общей оценки соглашения (как, впрочем, и других дипломатических документов) не дается, а вместо того детально описываются различные второстепенные моменты — прежде всего придворные церемонии, сообщаются подробности, связанные с пребыванием М. Дюранда и его миссии в стране, рассказывается о большом дурбаре, состоявшемся на следующий день после окончания «государственных переговоров о разграничении», т. е. 13 ноября 1893 г. Восседая на золотом стуле, Абдуррахман-хан произнес большую речь с разъяснением «вчерашних переговоров» [21]. Однако суть навязанного Англией соглашения остается в «Сирадж ат-таварих» скрытой формулами дипломатической вежливости. Тенденциозность изложения и лакировка действительности искажают смысл происходивших событий. Однако описанные далее в официальной истории многочисленные факты, касавшиеся индо-афганской границы и отношения восточнопуштунских племен к продвижению Англии к «линии Дюранда», раскрывают экспансионистскую сущность соглашения М. Дюранда с эмиром и силу противодействия пуштунских горцев британской агрессии.

В пуштунских пограничных районах, которые должны были отойти к Британской Индии, продолжали действовать эмиссары эмира, под исламскими лозунгами вели антианглийскую агитацию местные муллы, которые за помощью и указаниями обращались, как и прежде, в Кабул. Но теперь эмир избегал непосредственной переписки с ними, поддерживая связи с руководителями антианглийской борьбы через своих пограничных чиновников и тайных агентов, которые должны были отвечать на запросы и передавать советы и указания афганского эмира не от лица правительства, а от себя лично [22]. Вме-

сте с тем Абдуррахман-хан пытался воздействовать на руководителей английской политики и на общественное мнение в Англии путем «частных» писем к отдельным лицам. В 1894—1895 гг. были опубликованы письма Абдуррахман-хану к д-ру Лейтнеру, написанные в 1893 и 1894 гг. (в персидском подлиннике с английским переводом), в которых эмир подчеркивал свои дружественные отношения к Англии, превозносил М. Дюранда и некоторых других английских деятелей как сторонников «разумной политики», полезной обеим сторонам, и порицал «высокопоставленных лиц», главным образом из английской администрации в Британской Индии, не доверяющих ему, афганскому эмиру, искреннему и верному союзнику Англии [23].

В инструкциях руководителям афганских комиссий по разграничению, содержание которых приводится в «Сирадж ат-таварих», Абдуррахман-хан формулировал свои взаимоотношения с пуштунским народом, этническая территория которого была разделена англо-афганским соглашением надвое. Рассматривая соглашение с М. Дюрандом как временную уступку, Абдуррахман-хан рассчитывал на дальнейшее развертывание борьбы пограничных племен против Англии. Племена, земли которых включены в состав Британской Индии, писал эмир, находятся в дружественном союзе с пуштунами в его владениях и с Афганистаном. В тот момент, когда потребуется, «они будут с нами в сотовариществе, они не могут быть от нас отделены вследствие общности религии» [24]. Вместе с тем эмир предостерегал пуштунов и своих уполномоченных от неосторожных действий. Еще не время открыто говорить что-либо о священной войне под лозунгами ислама, ибо сейчас «...внешне [Англия] с нами в хороших отношениях и прикрывает враждебность личиной дружбы», а вот когда ее враждебность выявится открыто, тогда «пусть осуществится то, что будет угодно господу» [25]. Так, в несколько завуалированных выражениях, однако вполне ясных для адресата его письма, Абдуррахман-хан призывал к джихаду на случай войны с Англией в своем послании Гулам Хайдархану Чархи в конце июня — начале июля 1894 г. [26].

В то время эмира крайне возмутило провокационное воззвание английского чиновника Р. Удни ко всем жителям Баджаура, момандам и «другим племенам от р. Кабул до южной границы Читрала», заявившим, что вопрос о переходе их земель к Британской Индии якобы

уже согласован с ним. На границе с момандами были сосредоточены афганские регулярные части [27]. В сложной обстановке Гулам Хайдар-хан Чархи показал себя умелым исполнителем воли эмира; в конце 1894 г. состоялись его переговоры с Р. Удни [28]. Шатры для приема английского представителя были разбиты в Чаган-Сарае [29]. Гулам Хайдар-хан Чархи, руководствуясь инструкцией эмира, не шел на уступки по вопросу о границах в землях момандов. Р. Удни заявил, что английское правительство не имеет намерения завоевывать Баджаур. В ответ афганский представитель выразил сомнение в искренности этого заявления: как же можно этому верить — ведь «подобные заверения давались англичанами в отношении области вазиров, а что получилось впоследствии?» Р. Удни на вопрос не ответил, а счел за лучшее переменить тему и повести разговор о необходимости оборонительных мероприятий против России. Но этот традиционный для английских колониальных деятелей прием ничуть не подвинул решение спорных вопросов о границе в момандских землях [30]. В конце 1894 г. переговоры зашли в тупик.

Конфликты на подступах к Гиндукушу

Пограничные осложнения в землях момандов переросли в начале 1895 г. в новый кризис в отношениях между Афганистаном и Англией в связи с событиями в Читрале, побудившими руководителей английской колониальной политики ускорить намеченные ими ранее наступательные действия в северной части полосы горных восточнопуштунских племен. Англия стремилась установить там свой контроль, окончательно завладеть Читралом (не допустив распространения на него влияния афганского эмира), а затем продиктовать свои условия разграничения проявлявшему неуступчивость Абдуррахман-хану. Решение английских властей о переходе к дальнейшим наступательным действиям на севере от Британской Индии ознаменовалось организацией ими в 1895 г. администрации, носившей официальное название «Агентство Дира, Свата и Читрала». Значение этого административно-политического мероприятия в истории английских колониальных захватов на северо-западной границе Британской Индии было ретроспективно оцене-

но последним британским генерал-губернатором Северо-Западной пограничной провинции как более важное, чем оккупация Кветты и создание провинции «Британский Белуджистан»[31]. Как и в других аналогичных случаях, новую экспансию пытались оправдать необходимостью оборонительных мер против мифической «русской угрозы» Индии. Связанные с Читральским конфликтом события затронули Дир, Сват, Баджаур, Кафиристан и соседние с ними районы.

В происходившей в Читрале в начале 90-х годов междоусобной борьбе претендентов за престол имели своих ставленников и Англия и афганский эмир. К концу 1892 г. власть в Читрале захватил Низам ал-Мульк, ориентировавшийся на Англию. Не располагая опорой среди населения, он искал помощи у своих покровителей и просил учредить в Читрале постоянное английское политическое представительство. Не желая упускать возможности для укрепления своего влияния, Англия направила в начале 1893 г. миссию в Читрал и учредила там политическое агентство.

Умра-хан, выступавший ранее сторонником Англии, переменил политическую ориентацию и стал склоняться на сторону афганского эмира, который охотно пошел на сближение с ним и признал его власть не только над Джандолом, но и над всем княжеством Дир. 1 января 1895 г. правивший в Читрале Низам ал-Мульк был убит, и там вновь разгорелась борьба за власть, осложненная вмешательством Умра-хана. Начался «Читральский конфликт». Новый мехтар Амир ал-Мульк обратился за помощью к Англии и получил ее[32]. В Читрал прибыли английские войска.

Умра-хан, в феврале вторгшийся в Читрал, занял южную часть княжества, заключив соглашение с афганским ставленником Шер Афзал-ханом (до 1895 г. находившимся во владениях афганского эмира)[33]. Имея в своем распоряжении 3—4 тыс. воинов, Умра-хан готовился к захвату всего Читрала, прикрываясь слухами о том, будто он начал священную войну против кафиров долины Башгуль и не имеет намерений продвигаться дальше на север. С помощью Умра-хана борьбу за читральский трон выиграл Шер Афзал-хан[34]. Объявив себя правителем, он предложил английским властям немедленно покинуть территорию княжества, однако они отказались, после чего читральцы и Умра-хан осадили укрепление, занятое английским отрядом, командир кото-

рого в донесении вице-королю Индии характеризовал свое положение как «почти безнадежное» [35].

Из Пешавара на подмогу осажденным выступили значительные воинские силы под командованием генерала Лоу. Перед началом похода была выпущена прокламация к пуштунским племенам, через чьи земли должны были продвигаться войска, возвещавшая, что британское правительство находится в ссоре только с Умра-ханом и не имеет намерений нарушать независимость племен. Хотя английским властям удалось склонить на свою сторону маликов некоторых племен, отряды пуштунских горцев все же заняли важнейшие перевалы и оказали сопротивление. У Малакандского перевала, несмотря на то что только треть его защитников располагала огнестрельным оружием, английские войска понесли значительные потери, составившие 50% всех их потерь во время этого похода [36]. Наконец отрядам Лоу удалось пробиться в Читрал. Несколькими днями ранее туда вступил английский отряд Келли, следовавший другим путем. С завоеваниями Умра-хана было покончено, и надежды Абдуррахман-хана на овладение Читралом рухнули. Умра-хан нашел себе убежище в Кабуле[37].

Английские власти, заинтересованные в овладении путем из Пешавара в Читрал через Дир, вернули к власти Мухаммад Шариф-хана и заключили с ним соглашение об охране этого пути, предоставив ему ежегодную субсидию [38]. Дир превратился в одно из шестисот вассальных княжеств британской колониальной империи в Южной Азии. Положение в областях Восточного Гиндукуша определилось. В них теперь господствовала Англия, опиралась на подчинившихся ей местных феодальных правителей.

Между афганскими и английскими представителями по разграничению 9 апреля 1895 г. было заключено соглашение, по которому к Афганистану отошли Башгульская долина и спорные селения Сао, Нари и Барикот, расположенные на границе с Читралом; Абдуррахман-хан наградил посланцев, доставивших документы этого соглашения [39].

Поездка афганского посольства в Лондон

В 90-е годы Абдуррахман-хан ставил целью добиться согласия Англии на право непосредственных дипломатических сношений с английским правительством в Лондо-

не (минуя вице-короля Индии). При этом эмир по мере обострения положения на границах с Британской Индией должен был все больше считаться с антианглийскими настроениями населения Афганистана. В 1891 и 1892 гг. он отказывался от предлагавшейся ему английскими властями поездки в Лондон, ссылаясь на отрицательное отношение своих подданных к этому визиту [40].

6 июля 1894 г. вице-король Индии обратился к эмиру Абдуррахман-хану с письмом, в котором сообщал о приглашении посетить Англию, исходившем от английского правительства. В ответном письме эмир отказался принять приглашение, ссылаясь на то обстоятельство, что его ставят в крайне затруднительное положение нынешняя деятельность английских уполномоченных на границах Афганистана и «вызываемое постоянно их действиями чувство горечи в сердцах народа Афганистана». Разгоревшийся в начале 1895 г. Читральский конфликт поставил под вопрос, по распространенному в Англии мнению, всякую возможность приезда в Лондон Абдуррахман-хана или одного из его сыновей, во всяком случае в ближайшее время [41]. Однако именно в это время Абдуррахман-хан согласился принять приглашение. По-видимому, он счел момент благоприятным и напряженность обстановки удобной для осуществления своего давнего желания добиться установления непосредственных дипломатических отношений с Лондоном, минуя Калькутту.

Абдуррахман-хан послал в поездку своего второго сына — Насрулла-хана, выехавшего из Кабула 7 апреля 1895 г. [42] (т. е. вскоре после того, как в Читрал были посланы английские войска). В числе сопровождавших его видных сановников были сардар Мухаммад Хасан-хан и мирза Абдурауф-хан; всего в свите насчитывалось до ста человек [43]. Насрулла-хан со своим посольством проследовал через Джелалабад на Пешавар, откуда выехал поездом в Лахор и далее. Афганское посольство останавливалось в Дели, затем проследовало в Бомбей, а оттуда на пароходе «Клайв», принадлежавшем английским властям Индии, отправилось в Англию через Суэцкий канал и Средиземное море [44].

При описании стран Средиземноморья в официальной истории со ссылками на дневник, который ежедневно вел Мухаммад Хасан-хан, сообщается о колониальных захватах Англии и Франции на мусульманском Востоке. В связи с судьбой Туниса к читателям обращены призывы к единению мусульман на основе Корана и ха-

дисов и приводятся упреки Османской державе в забвении ислама, во введении «законов Ференгистана» (т. е. Европы). Этими отступлениями от чистоты веры только и объясняются успехи врагов ислама — турецкие отступники «до того дело довели, что одна надежда — на милость божью» [45]. Выраженное в официальной истории Афганистана отрицательное отношение к новшествам, воспринятым в османской Турции, в частности к «новым наукам», соответствовало политике «закрытых дверей», проводившейся эмиром Абдуррахман-ханом в то время.

24 мая 1895 г. «Клайв» стал на якорь в Портсмуте, откуда Насрулла-хан отправился в Лондон. Там ему был оказан пышный прием. Конец мая и начало июня 1895 г. прошли для него и сопровождавших его сардаров в приемах, встречах, прогулках и развлечениях. Насрулла-хан побывал на военных учениях и спортивных состязаниях, совершил поездку в Виндзорский замок, присутствовал на устроенном лондонскими городскими властями приеме. Насрулла-хан побывал на различных промышленных предприятиях, в Британском музее и на театральных представлениях. Затем он совершил в сопровождении части своей свиты десятидневную поездку по Великобритании, во время которой посетил Бирмингем, Манчестер, Ливерпуль, Глазго и другие города, обозревая корабли, судостроительные верфи, каналы и шлюзы для морских судов, осматривая фабрики, знакомился с различными изобретениями, в частности с начинавшимся тогда применением электрических двигателей в промышленности и на транспорте [46]. В путевом журнале афганского посольства после описания посещений предприятий и осмотра технических новинок высказываются соображения об изменениях в жизни людей, вызванных использованием машин [47].

В начале сентября Насрулла-хан с сопровождавшими его лицами прибыл, возвращаясь на родину, в Париж. Через две недели он проехал через Марсель и Рим, побывал в Неаполе и на раскопках Помпеи, а затем отправился морским путем в Индию и возвратился на родину, в Кандагар, в конце октября 1895 г.

Путешествие афганского посольства закончилось. Ожидавшихся Абдуррахман-ханом политических результатов поездка не дала. На просьбу афганского эмира о непосредственных и прямых сношениях с Лондоном и о разрешении иметь в английской столице постоянного дипломатического представителя Англия ответила отка-

зом. Этот отказ объяснялся нежеланием признать Афганистан самостоятельным государством; руководители британской колониальной политики хотели видеть в афганском эмире вассала Англии.

Путешествие Насрулла-хана было первой поездкой афганской миссии в Европу. В изданном Султан Мухаммад-ханом жизнеописании Абдуррахман-хана приводятся слова этого эмира о том, что его сын Насрулла-хан «написал книжку о своем путешествии и о своих впечатлениях об английской жизни. Книжка была отпечатана в кабульской типографии, но я задержал ее распространение, так как обнародование ее не клонилось ко благу»[48]. По-видимому, Абдуррахман-хан в этом случае, как и в ряде подобных других, руководствовался стремлением максимально изолировать своих подданных от внешнего мира и давать им поменьше информации о других странах. В частности, как известно, в годы его правления в Афганистане не выпускались газеты (в отличие от времени эмира Шер Али-хана), не распространялась и пресса, выходившая в странах Востока за пределами Афганистана. Рассказ о путешествии афганской миссии в Европу, содержавший сведения о жизни Запада, о таких городах, как Лондон, Париж и Рим, о промышленности и технических новинках и т. д., мог вызвать нежелательный, с точки зрения эмира, интерес у восприимчивых афганских читателей и способствовать нарушению средневековых представлений, в границах которых, как видно, хотел удержать своих подданных Абдуррахман-хан.

В официальной истории Афганистана при изложении материала о поездке миссии в Лондон ничего не сообщается о содержании переговоров. Подробно описывается путешествие Насрулла-хана и его спутников по морю и по суше, приводятся некоторые сведения о достопримечательностях, увиденных ими в заморских странах и городах, много места уделяется рассказам о прогулках, приемах, встречах и т. д. Такими описаниями преследовалась цель дать читателям информацию о лежавших на пути миссии и посещенных ею странах Востока и Запада (прежде всего Запада) — географического, политического, по некоторым вопросам экономического (некоторые сведения о торговле, промышленности, современной технике) и исторического характера. При этом мотивы религиозного отношения к явлениям и событиям встречаются только в рассуждениях о судьбах мусуль-

манских стран Средиземноморья, ставших жертвами колониальных захватов европейских стран. В целом же описание свободно от мусульманских религиозных предубеждений. Не только светского характера постройки в Лондоне и Париже, но и собор св. Петра в Риме описываются с искренне звучащим восхищением размерами, величественностью и красотой сооружений. Подобного рода описания, считавшиеся в конце XIX в. эмиром нежелательными для опубликования, были допущены на страницы официальной государственной истории в начале XX в. Это было результатом больших изменений, происшедших в культурной жизни Афганистана, во многом связанных с деятельностью Махмуда Тарзи, опубликовавшего, как известно, описание собственных путешествий по Восточному Средиземноморью. В издаваемой им газете «Сирадж ал-ахбар-и афгания» регулярно помещалась информация о международных событиях. Поэтому в годы, когда готовился и печатался третий том «Сирадж ат-таварих», наложенный Абдуррахман-ханом запрет на публикацию описания поездки афганской миссии в Европу был снят, и оно было опубликовано на страницах официальной истории.

Памирское разграничение и завоевание Кафиристана

Английская пограничная политика в Восточном Гиндукуше описывается в «Сирадж ат-таварих» как направленная во вред интересам афганского эмира, а именно в таком контексте излагается пребывание в стране кафиров генерала Робертсона [49]. Сведения о контактах английских властей с кафирами побудили эмира убедить их старшин из Кама в твердости своей позиции и в нереальности для них помыслов об ориентации на Англию [50].

Судьба Кафиристана была решена на переговорах с М. Дюрандом, в ходе которых Англия пошла эмиру на уступки в вопросах, для нее второстепенных, чтобы заставить его согласиться на предложенные условия разграничения. К числу таких вопросов относились сохранение эмиром Асмара и будущее Кафиристана. Английские власти располагали сведениями о том, что Абдуррахман-хан исключал возможность сдачи своих позиций по этим вопросам. Враждовать с ним из-за этого Англия не хотела. Ей нужен был внешнеполитический контроль

над Афганистаном, изоляция его от внешнего мира и предусмотренный соглашением М. Дюранда буферный «Ваханский коридор». Кафиристан сам по себе не представлял интереса для руководителей английской колониальной политики, и с их стороны предоставление эмиру свободы рук в Кафиристане было сделкой за счет малого народа, послужившего в ходе переговоров разменной монетой. В третьем пункте соглашения 1893 г. говорилось о сохранении за эмиром Асмара «и долины выше него до Чанака», что означало признание Кафиристана областью, которая должна была быть включена в состав владений афганского эмира, о чем он и оповестил своих подданных на состоявшемся 13 ноября 1893 г. дурбаре.

Для Абдуррахман-хана, стремившегося быть признанным высшим авторитетом и религиозным главой своих подданных и населения пограничных районов, вопрос о судьбе Кафиристана приобретал особую актуальность в затруднительном положении, в котором эмир оказался в результате переговоров с М. Дюрандом[51]. Раньше он не исключал возможности сохранения частью кафиров их религии при условии подчинения и уплаты джизьи (налога, взимавшегося с иноверцев). Теперь же ему более чем прежде нужна была слава распространителя ислама среди язычников — как средство укрепления его авторитета и как идеологическое противоядие от разочарований, причиненных афганцам соглашением эмира с М. Дюрандом.

К непосредственной подготовке вторжения в Кафиристан войска эмира приступили летом 1895 г. В это время работами англо-русской разграничительной комиссии закончилось разрешение Памирского вопроса, окончился Читральский конфликт, в результате соглашения о Башгульской долине от 9 апреля 1895 г. определилась обстановка в спорных районах Восточного Гиндукуша. Средствами дипломатии вопросы о границах на Памире были разрешены между Англией и Россией 27 февраля 1894 г., когда правительства этих стран утвердили направление пограничной линии и определили задачи предстоявших работ смешанной разграничительной комиссии; при этом был окончательно решен, в частности, и вопрос о передаче афганскому эмиру «Ваханского коридора».

В июле 1895 г. английская часть пограничной комиссии прибыла на Памир, где встретилась с русской комиссией и с представителями Афганистана — генералом Тадж Мухаммад-ханом, Гулам Мухиуддин-ханом и муф-

тием Ашур Мухаммад-ханом. Русскую часть разграничительной комиссии возглавлял военный губернатор Ферганской долины генерал Повало-Швейковский, а английскую — британский военный атташе в Петербурге полковник Джерард, получивший на время деятельности комиссии чин генерал-майора. В результате переговоров был подписан документ о предстоящей установке разграничительных знаков. В сообщении об этом в официальной истории Афганистана отмечается, что афганские представители, относившиеся с настороженностью к деятельности комиссии, отказались поставить свои подписи на упомянутом документе до получения указаний эмира, что вызвало некоторую задержку в работе. Далее подробно рассказывается, в каких пунктах были установлены разграничительные знаки, и описывается маршрут комиссии. В конце августа 1895 г. работы по разграничению на Восточном Памире были завершены. 11 сентября 1895 г. комиссия подписала карту разграничения, причем представители Афганистана согласились поставить свои подписи только после того, как генерал Джерард дал им письменное заверение в том, что в случае несогласия эмира с новой границей он, Джерард, примет вину на себя. Рассказ о деятельности памирской комиссии в официальной истории Афганистана заключается известиями о том, что генерал Джерард отослал сопровождавший его отряд через Читрал в Индию, сам же вместе с представителями России возвратился в Петербург, а Гулам Мухиуддин-хан и Ашур Мухаммад-хан отбыли в Файзабад и обо всем доложили эмиру [52].

Летом 1895 г., когда Памирский вопрос в принципе уже был урегулирован, Абдуррахман-хан принял решение не откладывать завоевание Кафиристана и в конце июня приказал приступить к подготовке войск для вторжения [53]. Гулам Хайдар-хан Чархи заготовил в Сао и Нари припасы на два месяца, например муку из расчета по сумке на солдата, для довольствования в предстоящем походе в кафирские горы, непроходимые для вьючных животных, причем каждый воин должен был нести весь потребный запас на себе. К осени были заняты граничащие с Читралом местности, чтобы отрезать кафирам возможные пути бегства [54]. Эмирские войска готовились наступать с нескольких сторон, и для исходных позиций главным отрядам были назначены (как и в 1891 г.) районы Кунарской долины, Панджшера и Бадахшана; кроме того, небольшой отряд должен был идти

из Лагмана. Наряду с регулярными войсками в разных областях Афганистана формировались ополчения добровольцев. Эмирские инструкции о сборе ополченцев получили, в частности, старшины панджшерских селений, где в конце сентября публично оглашались фирманы о завоевании Кафиристана [55].

Концентрация войск в пограничных с Читралом местностях встревожила кафиров, и в лагерь Гулам Хайдар-хана Чархи прибыли их представители, пытавшиеся договориться (на условиях уплаты налогов и джизьи) о сохранении старой веры. Согласно версии, изложенной в «Сиradж ат-таварих», сипах-салар не отверг этих предложений, а вступил в переговоры, опасаясь, что отказ может толкнуть кафиров к объединению для отпора завоеванию или побудить их сжечь свои жилища и рассеяться в горах. Он воспользовался переговорами для получения данных о путях предстоявшего наступления и других сведений [56].

Подготовка к наступлению проводилась также в Панджшере, Мунджане и Лагмане. Приготовления, сборы ополчений, передвижения войск продолжались до поздней осени [57].

Приказ эмира Абдуррахман-хана об одновременном вторжении в Кафиристан предусматривал начало военных действий главными отрядами в первый день месяца джумада II (20 ноября 1895 г.); именно в этот день приступил к проведению военных операций Гулам Хайдар-хан Чархи. Он разделил находившиеся под его командованием силы на четыре части и каждой указал направление наступательных действий; они двинулись на Камдеш, Гавардеш, Питтигаль и Базгель и заняли их в течение нескольких дней. Морозы и снегопады затрудняли передвижения эмирских войск, однако препятствовали и кафирам бежать и укрываться в горах. Все же многим кафирам удалось миновать афганские кордоны и уйти в Читрал. Сопротивление в Восточном Кафиристане было разрозненным; внезапность нападения помешала кафирам объединиться [58]. Завоеванный за два месяца Восточный Кафиристан был в основном подчинен к концу января 1896 г. [59]. Сипах-салар Гулам Хайдар-хан Чархи реквизировал у покоренных оружие, брал заложников, приказывал сжигать храмы и строить мечети.

Со стороны Панджшера выступил Мухаммад Алихан с регулярными войсками и ополчениями, разделивший силы на шесть частей. Главной его цепью было за-

воевание находившегося в сердце кафирских гор района Кулема, осуществлявшееся при поддержке лагманского отряда. Продвижение было очень трудным, а в ночь на 6 декабря 1895 г. снегопад преградил перевалы, немало воинов погибло от холода (в отряде Мухаммад Садик-хана замерзло 50 человек). К этому же времени относится сообщение о гибели группы кафиров, занесенных снегом при попытке бежать в Читрал. Наступление все же продолжалось, отряд Мухаммад Садик-хана к 2 января 1896 г. подошел к Кулему, где произошло самое крупное сражение при завоевании Кафиристана. Наступавшие потеряли, по официальным данным (обычно занижавшимся), около 120 человек. На следующий день Мухаммад Садик-хан овладел крепостью Кулем. Подчинив окрестные селения, он 20 января 1896 г. отправился в обратный путь к Лагману [60].

Весной 1896 г. продолжалось покорение других районов Кафиристана. В Пушангель и Катвар были направлены из Мунджана войска Тадж Мухаммад-хана и бадахшанское ополчение, а также каттаганские и андарабские отряды. Посланные Гулам Хайдар-ханом Чархи войска заняли Парун и Рамгель, без боя подчинились жители Вайгеля и Прасуна; покорение кафиров ущелья Пич и Дигаля было возложено на афганское племя сафи [61]. Завоевание Кафиристана было в основном завершено, отличившиеся были повышены в чинах и награждены. Особо ценные дары получил Гулам Хайдар-хан Чархи [62]. Кафиры были обращены в ислам, обложены налогами, получили солдат на постой и мулл для обучения истинной вере, которых должны были кормить. (Обучение осуществлялось муллами, вооруженными ружьями и саблями и находившимися под охраной приданных им отрядов хассадаров, которых приходилось от 10 до 20 человек на каждого муллу [63].) Новые порядки туго прививались среди покоренного населения. Нередкие случаи сопротивления жестоко подавлялись. В отдаленных районах противодействие эмирским порядкам и новой вере проявлялось сильнее, старые традиции сохранялись дольше; некоторые затерянные в горах деревни не были еще сколько-нибудь прочно подчинены и к осени 1896 г. В то время правителю Лагмана предписывалось «усмирить и вразумить» 1360 семей из селений в ущельях Кулем, Паргель, в Пушале и других местностях. В приказе утверждалось, что эти семьи продолжают «коснеть в невежестве», «не признали шариата и не

вступили на путь повиновения правительству», о чем эмиру стало известно из донесений его тайных агентов, находившихся в Кафиристане [64].

В результате завоевания численность населения Кафиристана уменьшилась, по-видимому, почти вдвое; по переписи осени 1896 г., на его территории проживало менее 25 тыс. жителей. До завоевания же численность населения Кафиристана определялась (по минимальным оценкам) в 40 тыс. Велики были потери кафиров во время боевых действий, они могли противопоставить английским ружьям завоевателей лишь холодное оружие, луки и стрелы, а также старинные мушкеты. В районах, где кафиры оказывали упорное сопротивление, полностью уничтожались их деревни. Несмотря на афганские кордоны и тяжелые зимние условия, около 3 тыс. кафирских беженцев сумели добраться до Читрала (впоследствии часть из них вернулась в свои селения). Много кафиров попало в плен, и тысячи их были переселены в различные районы Афганистана, где они оставались потом долгое время. Таковы были последствия завоевания Кафиристана [65].

После обращения жителей в ислам область бывших «кафиров» (т. е. «неверных») получила наименование Нуристан («страна света», т. е. страна, озаренная светом ислама). Новое наименование сначала применялось только для части территории бывших «кафиров», но при Хабибулла-хане было распространено на всю территорию их расселения [66].

Что же касается эмира Абдуррахман-хана, то он в результате завоевания кафиров Гиндукуша получил как «воитель за веру» («гази») новые возможности для поддержания престижа и упрочения за собой репутации мусульманского государя — ревностного поборника ислама. В 1896 г. он стал обладателем почетного титула «зия ал-миллат ва-д-дин» («светоч нации и религии»), изъявив «милостивое согласие» на просьбы, исходившие от различных групп населения (ремесленников, солдат, купцов, скотоводов-кочевников, чиновников и др.), которые к 7 августа 1896 г. прислали ему 194 верноподданнических прошения, причем первым поступило прошение от выступавшего инициатором эмирского рода мухаммадзай [67]. Публичные торжества по поводу принятия эмиром этого титула состоялись 6 раби I 1314 г. х. (16 августа 1896 г.), или 26 асада по солнечному календарю [68]. Впоследствии в этот день отмечался «Праздник

единения». Новый титул появился на печати эмира и на золотых и серебряных монетах, причем применялся и в более пространной редакции — «зия ал-миллат ва-д-дин, амир-и ибн амир, амир Абдуррахман гази» («светоч нации и религии, эмир сын эмира, эмир Абдуррахман — воитель за веру») — именно так он был провозглашен при большом стечении людей в новопостроенной мечети Идгах в Кабуле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальную историю Афганистана, каковой является «Сирадж ат-таварих», в источниковедческом плане (о чем свидетельствует ее внимательное изучение) следует рассматривать прежде всего как обширный свод материалов, освещающих многие важные стороны социальной, политической и идеологической жизни афганского общества и государства во второй половине XIX в. В ряде случаев содержащиеся в ней сведения уникальны; сказанное относится прежде всего к третьему тому «Светильника историй».

Иногда исследователи именно к этому тому официальной истории Афганистана возводят истоки традиций панегирического восхваления личности эмира Абдуррахман-хана и его деятельности. По-видимому, истоки эти следовало бы искать в двух группах источников (книг и статей), опубликованных в конце XIX — самом начале XX в. и содержащих самые позитивные характеристики этого эмира. Первая группа источников — мемуары самого Абдуррахман-хана (им написанные или ему приписываемые), а также официальные афганские документы времени его правления. Вторая группа источников — английского происхождения. После прихода к власти Абдуррахман-хана в английской историографии постепенно создавался в его лице образ мудрого правителя, заботящегося об интересах государства, жестокость которого многие авторы пытались оправдать необходимостью или характером народа, которым он должен был управлять. Эта линия в изображении Абдуррахман-хана и его деятельности отчетливо выражена во многих английских публикациях конца XIX — начала XX в.[1]. В той или иной мере апологетика Абдуррахман-хана и отрицательное отношение к его предшественнику эмиру Шер Али-хану сохранялись и в последующих английских изданиях.

Оценивая место «Сирадж ат-таварих» в историографии Афганистана, надо в целом учитывать, что эта кни-

га представляет официальную версию истории страны, в которой обновление в области культуры в первых десятилетиях XX в. еще только начиналось. Этот труд при обилии собранного его автором обширнейшего, часто уникального фактического материала (особенно интересного для современных исследователей, как сказано выше, в летописном изложении событий конца XIX в. в третьем томе книги) в общем еще не выходит за рамки традиционной для феодальной историографии тематики, круга затронутых вопросов и характера их освещения. Вместе с тем в «Сирадж ат-таварих», с одной стороны, прослеживается следование традициям придворного летописания, а с другой — обнаруживаются новые для Афганистана того времени тенденции развития культуры в русле «просвещенного абсолютизма». Объяснялось это тем, что страна остро нуждалась в реформах и их необходимость (прежде всего в области военной и технической) в некоторой степени осознавалась уже и правящей верхушкой общества.

Новое проявлялось в привлечении документальных материалов, в сравнительно широком кругозоре автора и лиц, принимавших участие в работе над книгой, в использовании находившейся в известной мере на уровне европейской науки XIX в. географической и исторической литературы, содержавшей информацию, которая выводила читателей за рамки средневековых представлений.

Опубликование трех томов «Сирадж ат-таварих» ознаменовало новый этап в истории книжного дела в Афганистане. Это была одна из первых книг в стране, напечатанных подвижным шрифтом, прежде издание книг осуществлялось только литографским способом.

В более широком историко-культурном плане публикацию трех томов официальной истории Афганистана следует рассматривать как одно из существенных проявлений процесса формирования национального самосознания афганцев в годы, непосредственно предшествовавшие восстановлению независимости страны. Рост национального самосознания проявился в развитии культуры, в деятельности Махмуда Тарзи и его сподвижников на поприще просветительства [2], в начинавшемся новом этапе развития письменной литературы на языке пушту [3].

Одновременно повышался интерес к истории родины у афганской интеллигенции, и в частности среди образо-

ванных людей из окружения эмира Хабибулла-хана. Сам он разделял интерес к истории, руководствуясь желанием укрепить популярность своей династии освещением прошлого в выгодном для нее духе. Опубликование трех томов официальной истории «Сирадж ат-таварих» наряду с созданием в 1918 г. первого в Афганистане музея (на основе коллекций, принадлежавших эмиру) готовили условия для становления и развития в стране современной исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] См.: *Ромодин В. А.* Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в.— Очерки по новой истории стран Среднего Востока (Индия, Афганистан, Иран). М., 1951, с. 99—125.

[2] *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в.; т. 2. Афганистан и новое время. М., 1964—1965.

[3] *Ромодин В. А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана. Середина XIX — первая треть XX в. М., 1983; также см.: *он же.* Афганистан.— Новая история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1959; *он же.* Дир и Сват (Историко-географический очерк).— Страны и народы Востока. Вып. I. М., 1959; *он же.* Афганистан.— Новейшая история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1963; *он же.* Сведения об афганцах и Афганистане в сочинении Сайфи ал-Харави «Тарих-намэйи Харат».— Ближний и Средний Восток. М., 1968; *он же.* Афганистан в XVI—XVIII вв.— История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970; *он же.* Некоторые историко-демографические данные об афганском населении Афганистана.— Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973; *он же.* Тайна сенсационной публикации Султан Мухаммад-хана.— Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976; *он же.* Генеалогическая структура основных групп афганских (пуштунских) племен и их расселение в XVI—XVII вв.— Страны и народы Востока. Вып. XXII. Кн. 2. М., 1980; *он же.* Афганистан в новое время.— История Афганистана. М., 1982 (пер. на англ. яз.— М., 1985); *он же.* Рабство и некоторые другие формы зависимости в позднефеодальном Афганистане.— Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

[4] *Ромодин В. А.* Из истории изучения афганцев и Афганистана в России.— Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953; *он же.* Изучение Афганистана в Советском Союзе.— Ближний и Средний Восток: экономика и история. М., 1983; также см.: *он же.* Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии.— Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XXV. М., 1960; *он же.* И. П. Петрушевский — выдающийся советский исследователь истории Ближнего и Среднего Востока.— Ближний и Средний Восток. М., 1968; *он же.* Изучение истории Ближнего и Среднего Востока.— История ориенталистики и Институт востоковедения в Ленинграде. Багдад, 1968 (на араб. яз.); *Кляшторный С. Г., Ромодин В. А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР.— Тюркологический сборник. 1970. М., 1970; *Ромодин В. А.* Некоторые вопросы этнической истории Средней Азии в трудах В. В. Бартольда и после него.— Бартольдовские чтения. М., 1974.

[5] *Ромодин В. А.* и *Кондратьев А. А.* Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов.— Советское востоковедение. 1958, № 4; *Ромодин В. А.* Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда. М., 1960; также см.: *он же.* Великий ученый Средней Азии Ибн-Сина (Авиценна). 980—1033. М., 1952; *Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России.— Вопросы истории. 1953, № 8; *Ромодин В. А.* Средняя Азия и Казахстан во второй половине XVII и в XVIII в.— Всемирная история. М., 1958; *Агаджанов С. Г., Ромодин В. А.* Средняя Азия, Афганистан.— История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986 (ч. 2. Средневековье).

[6] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М., 1973.

[7] *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.

[8] *Ромодин В. А.* «Сирадж ат-таварих» (том III) как источник.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1968; также см.: *он же.* Последние годы домусульманской истории кафиров Гиндукуша и политика Абдуррахман-хана (по «Сирадж ат-таварих»).— Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971; *он же.* Еще об авторе «Сирадж ат-таварих» и об издании этого сочинения.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. XVI. Ч. 1. М., 1979.

Глава I

[1] О трех газнийских кланах хазарейцев см.: *Темирханов Л.* Хазарейцы. Очерки новой истории. М., 1972, с. 36; упоминания о них см.: *Файз Мухаммад.* Сирадж ат-таварих. Т. 1—3. Кабул, 1331—1333 гг. х. (1912/13—1914/15) (далее — Сирадж ат-таварих), с. 850, 851, 1019, 1171.

[2] Эта дата, основанная на сведениях, имеющихся в редакции Большой Советской Энциклопедии, была принята нами и указана в заметке о Файз Мухаммаде (Советская Историческая Энциклопедия. Т. 14, с. 947). Ее достоверность подтверждается хронологическими данными о жизни Файз Мухаммада, содержащимися в воспоминаниях о нем, записанных А. И. Шкирандо в Кабуле в 1979 г., в которых, в частности, годом рождения Файз Мухаммада указан 1279 г. х. (1862/63 г.) (подробнее см.: *Файз Мухаммад.* Книга упоминаний о мятеже. М., 1988, с. 11—24) (*примеч. ред.*).

[3] Есть сведения, что в годы обучения за границей Файз Мухаммад побывал не только в Индии, но и в Иране. См.: *Азизуддин Поползай.* Тимур-шах Дуррани. Т. 1. Кабул, [б. г.], с. 8.

[4] По данным, собранным в Кабуле в 1920—1921 гг. И. М. Рейснером.

[5] *Азизуддин Поползай.* Тимур-шах Дуррани, с. 7—9.

[6] Сирадж ат-таварих, с. 868.

[7] Там же, с. 868—869.

[8] Там же, с. 869.

[9] Там же, с. 1236.

[10] там же, с. 3.

[11] См., например: *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих. Кабул, 1967, с. 685, 830.

[12] Сирадж ат-таварих, с. 869.

[13] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 718—719.

[14] Портрет Файз Мухаммада, выполненный М. И. Вологдиной по фотографии, опубликованной в газете «Кабул таймс» от 26 августа 1975 г., см. в кн.: *Ромодин В. А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана, с. 129.

[15] *Азизуддин Поползай.* Тимур-шах Дуррани, с. 9.

[16] О задачах, ставившихся перед этой газетой и ее редакцией, говорилось в номере от 5 мая 1927 г. См.: *Аханг Мухаммад Казим.* Сайр-и журнализм дар Афганистан. Т. 1. Кабул, 1970, с. 196—197.

[17] Подробнее см.: *Коргун В. Г.* Афганистан в 20—30-е годы XX в. Страницы политической истории. М., 1979.

[18] *Азизуддин Поползай.* Тимур-шах Дуррани, с. 9.

[19] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 830.

[20] *Азизуддин Поползай.* Тимур-шах Дуррани, с. 9.

[21] Сочинение Файз Мухаммада «Китаб-и тазаккур ал-инкилаб» («Книга упоминаний о мятеже»), посвященное событиям 1928—1929 гг., в переводе на русский язык было издано в Москве в 1988 г. (*примеч. ред.*).

[22] См.: Сирадж ат-таварих, с. 1240.

[23] Там же, с. 1172.

[24] Подробнее см.: *Lentz W.* Sprachwissenschaftliche und völkerkundliche Studien in Nuristan.— Deutsche in Hindukusch. B., 1937, с. 257.

[25] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 685.

[26] Сирадж ат-таварих, с. 468.

[27] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 685.

[28] «Сирадж ал-миллат ва-д-дин» («Светоч нации и религии») — титул эмира Хабибулла-хана.

[29] *Семенов А. А.* «Светильник историй». История Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибулла-хана.— Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Т. 17. Таш., 1925, с. 198.

[30] Сирадж ат-таварих. Т. 2.

[31] Там же, с. 2—3, 27, 35—36, 193—194, 334, 837, 1236.

[32] Там же, с. 193.

[33] Там же, с. 194.

[34] См. подробнее: *Аханг Мухаммад Казим.* Сайр-и журнализм дар Афганистан, с. 72.

[35] О мадраса-йи шахи в Кабуле см.: Сирадж ат-таварих, с. 951—952.

[36] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 723; *Аханг Мухаммад Казим.* Сайр-и журнализм дар Афганистан, с. 28—33.

[37] Сирадж ат-таварих, с. 1236.

[38] Там же, с. 3.

[39] Там же, с. 220.

[40] Там же, с. 339, 434, 351, 365, 366, 373, 388, 389, 593, 960. См. также: *Риштия С. К.* Афганистан в XIX веке. М., 1958, с. 291—295, 297, 298, 300, 306, 416, 420.

[41] Сирадж ат-таварих. Т. 3.

[42] *Adamec L.* Historical and Political Who's Who of Afghanistan. Graz, 1975, с. 219, 220; Также см.: *Ромодин В. А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана, с. 118—119.

[43] Сирадж ат-таварих, с. 391, 392.

[44] Там же, с. 27.

[45] Там же, с. 35—36.

[46] Там же, с. 386, 404. Также см.: *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-

йи дунйа ва дин. (Машинописная копия литографского издания.) Кабул, 1886, с. 216—217, 237.

[47] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 361.

[48] *Abdul Ghani.* A. Review of the Political Situation in Central Asia. Lahore, 1921, с. 68, 77—78.

[49] Сирадж ат-таварих, с. 3.

[50] *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. М., 1972, с. 905—911; Также см.: *Бартольд В. В.* Иран. Исторический обзор.— Сочинения. Т. VII. М., 1971, с. 410, 412.

[51] *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 711.

[52] Сирадж ат-таварих, с. 9, 11, 13, 15 и сл.

[53] *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 1231—1232; также см.: *Хусайн Али.* Украшение летописей. Таш., 1965, с. 12.

[54] *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 1217.

[55] *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 1. М., 1975, с. 35.

[56] Подробнее см.: *Имомов Ш.* Общественная мысль Афганистана в первой трети XX в. М., 1986 (*примеч. ред.*).

[57] Подробнее см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 1234—1235; также см.: *Саидмурадов Д.* Источники по истории Афганистана второй половины XVIII в.— Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972, с. 182—183.

[58] *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке. Ч. 1, с. 56; *Саидмурадов Д.* Источники по истории Афганистана второй половины XVIII в., с. 185—186.

[59] *Стори Ч. А.* Персидская литература, с. 1230.

[60] Там же, с. 1228.

[61] Там же, с. 1225—1227.

[62] Там же, с. 379, 969—972, 975, 976.

[63] *Ван-Дейк К.* Мираат ал-вазийат фи-л-курат ал-арзийат. Бомбей, [б. г.].

[64] *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 369, примеч. 14.

[65] *Джавид.* Саргузайшт-и Тадж ат-таварих.— Адаб. Кабул, 1349 г. х., № 5—6, с. 141.

[66] Там же, с. 141—142.

[67] *Kakar M. H.* Afghanistan. A Study in Internal Political Development. 1880—1896. Lahore, 1971, с. 217.

[68] General Catalogue of Printed Books of British Museum. Vol. 190. L., 1963, col. 399.

[69] Сирадж ат-таварих, с. 3, 9.

[70] Там же, с. 9.

[71] Там же, с. 16.

[72] Там же, с. 25.

[73] Там же, с. 38.

[74] Там же, с. 45—62.

[75] Там же, с. 56.

[76] *Семенов А. А.* «Светильник историй», с. 202.

[77] *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958, с. 109, 143, 144, 151, 155.

[78] Подробнее см.: История Афганистана. М., 1982, с. 136—137.

[79] Этим объясняется отправка английскими колониальными властями в Индии во владения Заман-шаха тайного агента по имени Гулам Сарвар. Пробыв во владениях афганского падишаха свыше года, Гулам Сарвар доставил английскому генерал-губернатору де-

тальный отчет о вооруженных силах Афганистана в 1796—1797 гг. См.: India Office Records. Bengal Secret Proceedings. Vol. 41. 7 july 1797. L. (*примеч. ред.*).

[80] Сирадж ат-таварих, с. 10, 13.

[81] Там же, с. 62—67.

[82] Там же, с. 69.

[83] Там же, с. 77—78.

[84] Там же, с. 81—127.

[85] Там же, с. 113.

[86] Там же, с. 125 и сл.

[87] Там же, с. 128—134, 144, 148, 149, 171, 175—177.

[88] *Султан Мухаммад-хан Дуррани.* Тарих-и Султани. Бомбей, 1298 г. х., с. 252—253.

[89] Сирадж ат-таварих, с. 143.

[90] Там же, с. 187.

[91] Там же, с. 152, 153 и сл. Сопоставление данных различных источников см.: *Массон В. А., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 2, с. 198—201.

[92] Сирадж ат-таварих, с. 193.

[93] Там же, с. 196.

[94] Там же, с. 197.

[95] Там же, с. 200.

[96] Там же, с. 209—237.

[97] Там же, с. 238—325.

[98] Там же, с. 251.

[99] Там же, с. 264—307.

[100] Там же, с. 307—314, 318, 319, 320, 321, 324.

[101] Там же, с. 342 и сл.

[102] Там же, с. 364.

[103] Там же, с. 372.

[104] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 132—133; Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Изд. Султаном Магомет-ханом. Пер. с англ. М. Грулева. Т. 1—2. СПб., 1901, т. 1, с. 192.

[105] Сирадж ат-таварих, с. 365—366.

[106] Там же, с. 372—373.

[107] *Семенов А. А.* «Светильник историй», с. 206—207.

[108] Сирадж ат-таварих, с. 29.

[109] *Султан Мухаммад-хан Дуррани.* Тарих-и Султани, с. 146—147.

[110] *Махмуд ал-Хусайни.* Тарих-и Ахмад-шахи. Т. 2. М., 1974, л. 635а, 642б.

[111] Сирадж ат-таварих, с. 62, Правильной датой является 1216 г. х. (1801 г.). См., например: *Риштия С. К.* Афганистан в XIX веке, с. 42.

[112] Сирадж ат-таварих, с. 823, 924, 969, 981, 1075.

[113] Там же, с. 1155, 1178, 1184, 1190, 1211, 1218, 1222, 1234.

[114] Там же, с. 762.

[115] Там же, с. 762—771.

[116] Там же, с. 456—464; также см.: *Мухаммад Наби-хан.* Подробности беседы Его величества эмира Абдуррахман-хана с Его превосходительством вице-королем Индии во время свидания их в 1302 г. хиджры (1884 г.).— Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским Военным Округом. Вып. 14. Таш., 1899, прил., с. 1—21.

[117] Сирадж ат-таварих, с. 551, 572, 881, 924, 956, 983, 1012, 1013, 1040, 1042, 1059, 1188, 1190, 1199, 1210, 1230, 1238.

[118] Там же, с. 450, 451, 482, 486, 488, 542, 571, 576, 652, 668, 669, 674, 696, 735, 773, 815, 934, 983, 1033, 1035, 1037, 1059.
[119] Там же, с. 76, примеч. 2.
[120] Там же, с. 397, 398, 406, 423, 434, 439, 508, 511 и др.
[121] Там же, с. 736, 976, 980, 1023, 1026, 1028, 1113, 1159, 1167. О канцелярии минеральных ресурсов см.: *Шохуморов С.* «Ахкам-и хузур» как источник по истории Афганистана начала XX в. М., 1980.
[122] Сирадж ат-таварих, с. 439, 466—468, 476, 602, 603, 621, 1120, 1239.
[123] Там же, с. 605, 612, 680, 749.
[124] Там же, с. 400—402, 450—453, 455, 478, 481 и др.
[125] Там же, с. 382, 456, 478, 485, 498, 503—504, 530, 640, 1231.
[126] Там же, с. 1120, 1123, 1124, 1128, 1133, 1137.
[127] Там же, с. 880.
[128] Там же, с. 706, 916 и сл.
[129] Там же, с. 405. 439, 839. 865, 875, 941, 1028, 1112, 1113.
[130] Там же, с. 730, 771, 773, 782, 803.
[131] Там же, с. 422, 423, 450, 702, 780, 787.
[132] Там же, с. 405, 406.
[133] См., например: там же, с. 408.
[134] Там же, с. 725, 818, 871, 920, 924, 925, 932, 953, 1011, 1070, 1171, 1208.
[135] Там же, с. 942, 951, 952.
[136] Там же, с. 917.
[137] См., например: там же, с. 439.
[138] Там же, с. 514, 637, 794, 868, 880, 889, 934, 1016, 1093, 1108.
[139] См., например: там же, с. 709, 833, 875, 878, 921, 938—950, 1022, 1113, 1121.
[140] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 346—347.
[141] Сирадж ат-таварих, с. 1325.
[142] Там же, с. 975, 976.
[143] Там же, с. 855.
[144] Там же, с. 875.
[145] Там же, с. 1016, 1061.
[146] См., например: там же, с. 990.
[147] Там же, с. 662.
[148] Там же, с. 964, 965, 1113.
[149] Там же, с. 511.
[150] *Аристов Н. А.* Англо-индийский «Кавказ». Столкновения Англии с пограничными авганскими племенами (этнико-исторический и политический этюд). СПб., 1900, с. 43.
[151] *Рейснер И. М.* Афганистан. М., 1929, с. 85.
[152] *Асланов М. Г.* Афганцы.— Народы Передней Азии. М., 1957, с. 61.

Глава II

[1] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 2—3; Сирадж ат-таварих, с. 212.
[2] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 4.
[3] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 4; Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 4—5.
[4] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 5.

[5] Там же, с. 37—39.
[6] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 7—10, 11.
[7] Там же, с. 11, 12, 15.
[8] Там же, с. 15, 20.
[9] Сирадж ат-таварих, с. 249, 252.
[10] Там же, с. 252, 253.
[11] О междоусобицах в Афганистане см.: там же, с. 258—264 и сл.
[12] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Восточные пуштуны. Основные проблемы новой истории. М., 1987, с. 15—41 (*примеч. ред.*).
[13] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 40, 41.
[14] *Яворский И. Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2. СПб., 1883, с. 169, 170.
[15] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 39, 41—43, 44. Также см.: Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. Военно-ученый архив главного управления Генерального штаба (далее — ЦГВИА СССР, ф. ВУА), д. 6821, л. 75—76.
[16] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йа дунйа ва дин, с. 59—60.
[17] Там же, с. 65—81.
[18] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6821, л. 84; Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) УзбССР, ф. И-125, оп. 2, д. 260.
[19] *Агехи.* Шахид-и икбал. Рукопись Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. С-572, л. 199б; Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 134—135.
[20] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6821, л. 84.
[21] Там же, л. 84—85.
[22] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 86; Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 135—137; см. также: ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6821, л. 81, 82. 84—86.
[23] ЦГИА УзбССР, ф. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (далее — КТГГ), оп. 29, д. 24, л. 4.
[24] Новое время. СПб., 1(13). 04.1885.
[25] *Яворский И. Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2, с. 233; см. также: *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 7.
[26] Сирадж ат-таварих, с. 336.
[27] *Muhamad Hayat Khan.* Afghanistan and Its Inhabitants. Lahore, 1874, с. 43.
[28] *Яворский И. Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2, с. 164.
[29] *Muhamad Hayat Khan.* Afghanistan and Its Inhabitants, с. 11—12.
[30] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 14.
[31] Подробнее см.: *Соболев Л. Н.* Страница из истории восточного вопроса. Англо-афганская распря. (Очерк войны 1879—1880). В 4-х томах. СПб., 1882—1885, т. 1, с. 195.
[32] Подробнее см.: История вооруженных сил Афганистана. 1747—1977. М., 1985, с. 34—38 (*примеч. ред.*).
[33] См., например: *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 672.
[34] Подробнее см.: там же, с. 594.
[35] *Яворский И. Л.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2, с. 107, 132, 151, 229.

[36] Подробнее см.: История Афганистана, с. 161—163.
[37] *Roskoschny H.* Afghanistan and seine Nachbarländer. Bd. 2. Lpz., 1885, s. 305.
[38] Сирадж ат-таварих, с. 351. Полный перевод текста Гандамакского договора на русский язык см.: *Соболев Л. Н.* Страница из истории восточного вопроса. Т. 1, с. 137—147.
[39] Сирадж ат-таварих, с. 355.
[40] Многочисленные сведения об этих событиях содержатся в русских архивных документах. См., например: ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6932, л. 67; ЦГИА УзбССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 451, л. 92.
[41] Сирадж ат-таварих, с. 355, 356.
[42] Там же, с. 358.
[43] ЦГИА УзбССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 451, л. 29, 32.
[44] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 110—112; Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 161—166.
[45] ЦГИА УзбССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 451, л. 43, 61; ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6931, л. 30; также см.: Сирадж ат-таварих, с. 363.
[46] ЦГИА УзбССР, ф. КТГГ, оп. 29, д. 451, л. 101.
[47] *Абдуррахман-хан.* Панд-нама-йи дунйа ва дин, с. 117, 119, 125, 126; Сирадж ат-таварих, с. 363.
[48] Сирадж ат-таварих, с. 370.
[49] Подробнее см.: *Соболев Л. Н.* Страница из истории восточного вопроса. Т. 4, с. 1421, 1423, 1424.
[50] О ходе переговоров и обстановке в стране подробнее см.: *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 25—54, 222—283.
[51] Там же, с. 17, 18.
[52] Сирадж ат-таварих, с. 342.
[53] Там же, с. 343, 344—347 и сл.
[54] Там же, с. 344—350.
[55] Там же, с. 350—351.
[56] Там же, с. 353.
[57] Там же, с. 353, 355.
[58] Там же, с. 355.
[59] Там же, с. 356.
[60] Там же, с. 357—358.
[61] Там же, с. 358.
[62] Там же.
[63] Там же, с. 314—317.
[64] Там же, с. 336—339.

Глава III

[1] Сирадж ат-таварих, с. 380.
[2] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 289—291.
[3] Сирадж ат-таварих, с. 382.
[4] Там же, с. 380.
[5] Там же, с. 383, 384, 386, 389.
[6] Там же, с. 388.
[7] Подробнее см.: *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960, с. 47, 59, 61, 238.
[8] Сирадж ат-таварих, с. 1113, 1149 и др.
[9] Там же, с. 617, 618.
[10] О Мир Ахмад-шах-хане см.: там же, с. 632, 781, 918, 964.

[11] Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885. Ч. 2. СПб., 1886, с. 94, 95, 98, 99.
[12] Сирадж ат-таварих, с. 434.
[13] Там же, с. 434, 435.
[14] Там же, с. 435.
[15] Там же.
[16] Там же, с. 435, 436.
[17] Там же, с. 436, 437.
[18] Там же, с. 439.
[19] Там же, с. 440, 444—446, 448, 449 и сл.
[20] Там же, с. 452.
[21] Там же, с. 455.
[22] Там же.
[23] Афганское разграничение, с. 377—381.
[24] Сирадж ат-таварих, с. 456—464. См. также: *Мухаммад Набихан.* Подробности беседы Его величества эмира Абдуррахман-хана с Его превосходительством вице-королем Индии во время свидания их в 1302 г. хиджры (1884 г.), с. 1—21.
[25] Сирадж ат-таварих, с. 466.
[26] Там же, с. 505
[27] Там же, с. 395.
[28] *Мухаммад Юсуф Рийази.* Куллийат-и Рийази. Тегеран, [б. г.], с. 219.
[29] Подробнее см.: *Назаров Х. Н.* Народные и просветительско-антифеодальные движения в Афганистане (конец XIX и начало XX века). Душ., 1976; *Темирханов Л.* Хазарейцы; также см.: Сирадж ат-таварих, с. 413, 547, 618, 630 и сл.
[30] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 93—101, 121.
[31] Там же, с. 125.
[32] *Wheeler S.* The Ameer Abdur Rahman. L., 1895, с. 139, 142.
[33] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1. с. 251; *Kakar M. A.* Afghanistan, с. 117.
[34] Сирадж ат-таварих, с. 385, 386.
[35] Там же, с. 503.
[36] Там же.
[37] Там же, с. 519.
[38] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 129.
[39] Сирадж ат-таварих, с. 524.
[40] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 127.
[41] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1. с. 257.
[42] The Voice of India. Vol. 5. [Б. м.], June 1887.
[43] Там же, с. 266, 269, 270.
[44] Сирадж ат-таварих, с. 531, 532 и сл.
[45] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 261—263.
[46] Сирадж ат-таварих, с. 394—396.
[47] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 272.
[48] Сирадж ат-таварих, с. 597.
[49] Подробнее см.: *Назаров Х. Н.* Народные и просветительско-антифеодальные движения в Афганистане, с. 107.
[50] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Восточные пуштуны, с. 58—93 (*примеч. ред.*).
[51] См.: там же, с. 42—57, 94—142.
[52] *Аристов Н. А.* Англо-индийский «Кавказ»; *Лужецкая Н. Л.*

Очерки истории Восточного Гиндукуша во второй половине XIX в. М., 1986, с. 69—106 (*примеч. ред.*).

[53] Сирадж ат-таварих, с. 414, 590, 591, 635, 659, 663 и сл.

[54] Там же, с. 469.

[55] Там же, с. 470.

[56] Там же, с. 565.

[57] Там же, с. 590.

[58] Там же, с. 591.

Глава IV

[1] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Восточные пуштуны, с. 58—73 (*примеч. ред.*).

[2] Сирадж ат-таварих, с. 826.

[3] Там же, с. 882—883.

[4] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Хазарейцы, с. 116.

[5] Там же, с. 100; также см.: *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 125.

[6] *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 663 и сл.

[7] Сирадж ат-таварих, с. 702; *Губар М. Г. М.* Афганистан дар масир-и тарих, с. 671.

[8] Сирадж ат-таварих, с. 710.

[9] Там же, с. 743.

[10] Там же, с. 745—746.

[11] Там же, с. 746.

[12] Там же, с. 747.

[13] Там же, с. 749.

[14] Там же, с. 751.

[15] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 2, с. 2.

[16] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Хазарейцы, с. 95, 97—99.

[17] Сирадж ат-таварих, с. 938, 948, 962.

[18] Там же, с. 940.

[19] Один лакх равен 100 000.

[20] Подробнее см.: *Темирханов Л.* Восточные пуштуны, с. 74—93 (*примеч. ред.*).

[21] Сирадж ат-таварих, с. 946—948.

[22] Там же, с. 981, 982, 1195, 1219.

[23] The Asiatic Quarterly Review. Vol. VII. April 1894, с. 289—291; Vol. VIII. October 1894, с. 245—248.

[24] Сирадж ат-таварих, с. 982.

[25] Там же, с. 1013.

[26] Там же, с. 1012—1013.

[27] Там же, с. 1011, 1015; также см.: *Гамильтон А.* Афганистан. СПб., 1908, с. 270—274.

[28] Сирадж ат-таварих, с. 612, 1058, 1067, 1074, 1209.

[29] Там же, с. 1045.

[30] Там же.

[31] *Caros O.* The Pathans. L., 1958, с. 383, 386.

[32] Сирадж ат-таварих, с. 1052, 1053.

[33] Там же, с. 1058.

[34] Там же, с. 1062—1063, 1068—1069.

[35] Подробнее см.: *Гордон Л. Р.* Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX века.— Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951, с. 150.

[36] Подробнее см.: *Wylly H. C.* From the Black Mountain to Waziristan. L., 1912, с. 165—167.

[37] Сирадж ат-таварих, с. 1084.
[38] Там же, с. 1085.
[39] Там же, с. 1070.
[40] Там же, с. 743.
[41] The Asiatic Quarterly Review. Vol. IX. 1895, с. 473.
[42] Сирадж ат-таварих, с. 1064.
[43] The Asiatic Quarterly Review. Vol. X. July—October 1895, с. 181.
[44] Сирадж ат-таварих, с. 1064—1067, 1071, 1072, 1073, 1075.
[45] См., например: Сирадж ат-таварих, с. 917.
[46] Там же, с. 1090—1093, 1101—1106.
[47] Там же, с. 1109.
[48] Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 2, с. 189.
[49] Сирадж ат-таварих, с. 856.
[50] Там же, с. 873.
[51] Высказывания эмира Абдуррахман-хана о причинах, побудивших его к завоеванию Кафиристана, приведены в кн.: *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 200.
[52] Сирадж ат-таварих, с. 1123, 1124, 1128, 1133, 1137.
[53] Там же, с. 1116, 1117.
[54] Там же, с. 1117, 1124, 1125, 1129.
[55] Там же, с. 1148, 1149.
[56] Там же, с. 1129, 1130, 1136, 1145.
[57] Там же, с. 1129, 1130, 1136, 1140, 1145, 1148, 1149.
[58] Там же, с. 1173 и сл.; также см.: Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана. Т. 1, с. 382.
[59] Сирадж ат-таварих, с. 1173, 1174, 1178.
[60] Там же, с. 1164, 1166, 1174—1176, 1178.
[61] Там же, с. 1188, 1189, 1192—1194.
[62] Там же, с. 1189.
[63] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 201.
[64] Сирадж ат-таварих, с. 1238.
[65] Там же, с. 1167, 1173, 1174.
[66] *Kakar M. H.* Afghanistan, с. 200—201.
[67] Там же, с. 209, 291—297.
[68] Сирадж ат-таварих, с. 1235.

Заключение

[1] См., например: *Durand H.* The Amir Abdour Rahman Khan.— Proceedings of the Central Asian Society. L., 1907, с. 3—20.
[2] Подробнее см.: *Ромодин В. А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана, с. 88—109; *Имомов Ш.* Общественная мысль Афганистана в первой трети XX в., с. 31—37; также см.: Библиография Афганистана. М., 1965, № 5395, 5411, 5414 (*примеч. ред.*).
[3] Подробнее см.: Библиография Афганистана, № 5370—5373, 5376, 5379, 5392, 5401, 5404 (*примеч. ред.*).

SUMMARY

Vadim Romodin. *Afghanistan in the Second Half of the 19th and Early 20th Century. An Official History and Historiography.* Romodin (1912-1984) was a distinguished Soviet student of the history of Afghanistan. His book is comprised of four chapters. The opening chapter deals with the life and work of the last of Afghanian chroniclers, Faiz Muhammad Khan, the author of a three-volume chronicle, *Siraj at-tawarikh,* published in Kabul in the early 20th century. The next chapter explores the rule of emir Sher Ali Khan (1863-79) and the second Anglo-Afghan war; in it the author particularly concentrates on the manner in which official historiography describes those tumultuous events in Afghan history. The third chapter concerns itself with the country's crisis of the 1880s, and wrapping up the book is an investigation of the rule of emir Abdurrahman Khan (1880-01).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Файз Мухаммад-хан и его сочинение «Сиradж ат-таварих» 6
Глава II. События 60—70-х годов XIX в. и их освещение в официальной историографии Афганистана 55
Смуты 60-х годов и отъезд Абдуррахман-хана в Среднюю Азию 59
Реформы 70-х годов XIX в. 64
Вторая англо-афганская война и возвращение Абдуррахман-хана в Афганистан 68
Глава III. Кризисные ситуации 80-х годов XIX в. и официальная историография 83
Политика Абдуррахман-хана в отношении среднеазиатских ханств 85
Освещение в «Сиradж ат-таварих» пограничной политики Абдуррахман-хана в 1884—1887 гг. 88
Внутренний кризис в Афганистане в 1886—1888 гг. и политика Абдуррахман-хана 95
Глава IV. Политика эмира Абдуррахман-хана и ее результаты в 1897 г. (по «Сиradж ат-таварих») 105
Политика Абдуррахман-хана в пограничных с Британской Индией районах в начале 90-х годов и «соглашение Дюранда» 105
Конфликты на подступах к Гиндукушу 113
Поездка афганского посольства в Лондон 115
Памирское разграничение и завоевание Кафиристана . 119
Заключение 126
Примечания 129
Summary 140

Научное издание

Ромодин Вадим Александрович

**АФГАНИСТАН
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Официальная история и историография

Редактор *И. Д. Егорова*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 16558

Сдано в набор 09.11.89. Подписано к печати 05.03.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,77. Уч.-изд. л. 8,12. Тираж 1700 экз. Изд. № 6900. Зак. № 709. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р. 20 к.

В.А.РОМОДИН

АФГАНИСТАН

во второй половине XIX начале XX в.

Монография известного советского афганиста В. А. Ромодина (1912—1984) посвящена анализу особенностей социально-политического развития афганского государства во второй половине XIX — начале XX в. (события второй англо-афганской войны, кризисные ситуации 80-х годов, реформы эмира Абдуррахман-хана и т. д.). Особое внимание уделено исследованию становления и развития официальной афганской историографии, ее роли в идеологической жизни афганского общества.